

«ВОИСТИНУ, В СОТВОРЕНИИ НЕБЕС И ЗЕМЛИ, А ТАКЖЕ В СМЕНЕ НОЧИ И ДНЯ ЗАКЛЮЧЕНЫ ЗНАМЕНИЯ ДЛЯ ОБЛАДАЮЩИХ РАЗУМОМ...»

КОРАН; 3: 190-191

«ИБО ВРЕМЯ, СТОЛКНУВШИСЬ С ПАМЯТЬЮ, УЗНАЁТ О СВОЁМ БЕСПРАВИИ».

Иосиф Бродский

П.Н. ТРАВКИН

ТАТАРЫ В ИВАНОВСКОМ КРАЕ: мосты далёкого прошлого

ИВАНОВО - 2023

УДК 94(470.315-21) ББК 63.3 (2Poc-4ИВА) Т 65

> Данное исследование проведено по заказу Духовного управления мусульман Ивановской области и региональной общественной организации «Национально-культурная автономия татар Ивановской области».

Травкин П.Н.

Т 65 **Татары в Ивановском крае: Мосты далёкого прошлого** / П.Н. Травкин. – Иваново: ООО «ИИТ «А-Гриф», 2023. – 256 с.

Эта книга посвящена вкладу татар и их предков в историю и культуру небольшого региона Центральной России – Ивановской области. Её автор, историк-краевед и археолог, кандидат исторических наук П.Н. Травкин, предлагает читателю заглянуть в толщу веков и проследить становление и развитие связей двух больших народов многонационального российского государства, что называется, на микроуровне. Увидеть, как эти связи отражались на жизни отдельных поселений и даже семей. Отметить, что нового в жизнь региона вносили гости-купцы и многочисленные переселенцы из Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства

УДК 94(470.315-21) ББК 63.3 (2Рос-4ИВА)

ISBN 978-5-6049690-3-8 © П.Н. Травкин, 2023

OT ABTOPA

Историей Ивановского края я заинтересовался ещё в школьные годы. Однажды мне попал на глаза показавшийся странным факт из области местной статистики. По результатам переписи населения 1959 года в общем количестве жителей области на втором месте после русских стояли татары, а не украинцы, как в соседних Костромской и Владимирской областях. Но, что простительно для школьника, живущего в потоке постоянно прибывающих знаний, испытав на миг удивление, я вскоре забыл о своём маленьком открытии.

Удивился по тому же поводу уже будучи студентом, когда снова на глаза мне попали цифры проведённой накануне новой переписи населения (1979 г.). Опять та же картина: на первом месте по количеству проживающих в Ивановской области русские, на втором — татары. Но теперь, когда история края стала для меня предметом научного поиска, в новых встречаемых мною документах и материалах по истории региона глаз исподволь стал цеплять всё «татарское». Постепенно накапливались сведения о служилых татарах, проживавших в давние времена на берегах Волги и Тезы, Уводи и Луха, — тех, кто наравне с русскими воинами рисковал жизнью, защищая местное население, о торговых и культурных контактах с ордынцами. Ну а став археологом, я получил возможность заглянуть в древние культурные напластования Плёса и других древних поселений...

Со временем стала понятна глубина фразы из священной для мусульман книги Коран о том, что для обладающих разумом мир наполнен знамениями, пусть иногда едва заметными. Но именно такими, непримечательными для стороннего человека, предметами или даже просто их следами являются для археолога открытые в древних грунтовых напластованиях источники новых знаний. А в итоге сочетание археологических и письменных свидетельств позволяет представить вполне явственно, например, такой феномен в истории региона, как «ивановские» татары.

Предлагаемая любознательному читателю книга — это рассказ о тех мостах прошлого, которые соединяли отдалённые земли и цивилизации. В книге представлены сведения о зарождении и развитии отношений жителей нашего региона с предками татарского народа — древними кочевниками и жителями Волжской Булгарии. Рассказывается о переселенцах из Золотой Орды и их потомках, тех, кто стал жителем Ивановского края и внёс весомый вклад в его историю и культуру. Делается попытка приблизить всех нас к пониманию реального масштаба татарского присутствия в регионе. А все ошибочные предположения и слишком, может быть, смелые выводы, основанные на ограниченном пока ещё объёме научных данных, пусть останутся целиком на совести автора. В надежде, что более отчётливая картина прошлого начнёт проступать по мере появления новых достоверных источников.

ерритория современной Ивановской области ни в одну

из эпох истории человечества не могла называться «мед-

вежьим углом», где население жило бы своим замкнутым хозяйством, вне изменений в окружающем мире. Её земли с двух сторон – с севера

и востока – обрамляются рекой Волгой, несущей свои воды к далё-

кому Каспию. С южной стороны границей служит Клязьма, впада-

ющая в Оку, которая, в свою очередь, впадает к Волгу. Как известно,

на протяжении многих веков реки оставались лучшими путями

сообщения между соседними и весьма отдалёнными народами.

А потому не стоит удивляться тому, например, что ещё в каменном

веке жители региона для изготовления своих орудий использовали

привозной (с самых верховий Волги) кремень, а одежду могли украшать изделиями из прибалтийского янтаря и уральского серпентина.

Об этом свидетельствуют находки из раскопок стоянок у озера Сах-

тыш в Тейковском районе Ивановской области, проводимых с 1962

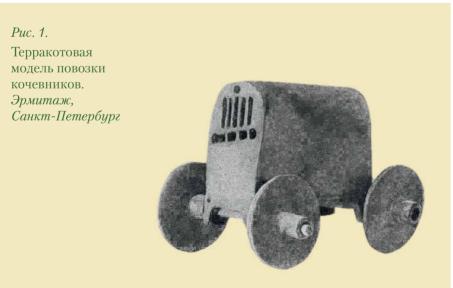
года доктором наук Д.А. Крайновым и его последователями¹.

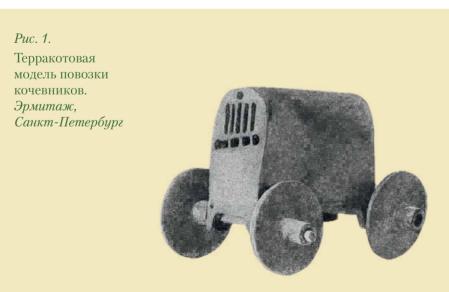
с Востока постепенно стал поступать, пожалуй, основной на протяжении многих столетий импортный материал. Им был цветной металл, преимущественно медь и медные сплавы, что послужило базой для зарождения ювелирного дела в регионе. Частично местом добычи металла могли быть медистые песчаники Среднего Поволжья, частично – месторождения Средней Азии, Южного Урала и Алтая, которые разрабатывались с глубокой древности². Товар отправлялся вверх по Волге. В обратном направлении шли северные меха – густые и тёплые, отличавшиеся особой красотой. Следы добычи пушнины почти всегда присутствуют в культурных отложениях на местах поселений рыболовов, охотников и первых земледельцев региона, равно как и следы деятельности первых местных металлургов (те же стоянки на озере Сахтыш).

2020

Торговые пути в разные стороны от Волги и Каспия расходились преимущественно через степи, и главными перевозчиками товаров становились обитатели этих степей – скотоводы-кочевники. Их мобильность сильно повысилась с приручением лошади, а образ жизни превращал кочевника не только в хорошего воина, но и в потенциального купца, способного защитить перевозимые ценности. Объединение кочевых народов приводило к созданию государственных образований, что, безусловно, упорядочивало процесс международной торговли. Развитию торговли на Востоке сильно поспособ-

Начиная с бронзового века по Волжскому речному пути в регион

ствовало образование Тюркской державы, что оказало благотворное воздействие и на жизнь населения нашего региона.

Древнейший медеплавильный очаг был обнаружен нами в ходе археологических исследований на поселении Холодная гора в г. Плёсе. Он представлял собой неглубокую, линзовидную в сечении, округлую яму шириной до полутора метров, заполненную колотым камнем и зольными прослойками с древесным углем. Надёжным свидетельством занятий ювелирным делом стали обнаруженные здесь обломки керамического сопла мехов. То, что эти обломки связаны не с железоделательным производством, доказывают находки в кострище фрагментов «фатьяноидной» керамики эпохи бронзы, а также полное отсутствие в ранних отложениях поселения железных предметов.

Ещё одной, более поздней находкой (III–V вв. н.э.) на Холодной горе стала глиняная формочка для отливки треугольных пластин в

Рис. 3. Древнейшая глиняная ювелирная формочка. Холодная гора, г. Плёс

виде ложнозернёных пирамидок $(puc. 3)^3$. Такие пластины особым образом соединяли узкими концами и получали бантовидные накладки, популярные на поселениях протофинской дьяковской культуры. Готовое изделие (один из наиболее поздних экземпляров) найдено в женском погребении могильника Большое Давыдовское II Гаврилово-Посадского района Ивановской области. Анализ цветного металла изделий, обнаруженных при раскопках могильника, показал большой разнобой в составе сплавов, из которых были изготовлены те или иные предметы. То есть, местные ювелиры *«не создавали* сплавы с разными рецептурами преднамеренно, а просто изготавливали изделия из имеющегося у них металла». Сделав такой вывод, автор исследования И.Е. Зайцева отметила влияние южных, «причерноморских»

традиций цветной металлургии⁴. Связующими звеньями в передаче традиций могли быть прикаспийские земли и Волга.

Археологические данные, которыми мы располагаем на сегодняшний день, приводят к заключению, что в эпоху бронзы и в раннем железном веке поставки цветного металла на наши территории с Востока не носили регулярного характера. Из-за относительной редкости и дороговизны сырья ювелирных изделий в костюмах жителей было ещё не так много, как во второй половине І тысячелетия нашей эры. Неслучайно в тех местах, где нам доводилось находить следы ювелирных работ, абсолютно отсутствовали обрезки, бракованные изделия и даже выплески-капельки застывшего металла: мастера старались всё тщательно собрать. Подобное приходилось наблюдать и при раскопках Клочковского городища, поселения Холодная гора, и при разборке древнейших слоёв Алабужского (Пеньковского) городища: ни единого брошенного кусочка!

Два характерных примера с последнего из упомянутых памятников. Где-то в середине I тысячелетия в одном из женских костюмов пришла в негодность нашивная скорлупообразная бляшка: на тыльной стороне сломался крепёж. Хозяйка украшения бляшку не выбросила и не отдала в переплавку. В центре было просверлено отверстие, и бляшка превратилась в узелковую пуговицу (рис. 4.1). Иная судьба

ожидала более крупное и дорогое ювелирное изделие – ажурную бляху. Как известно, к праздничному выходу все металлические детали нужно было отполировать до блеска, а это неминуемо вело к постепенному стиранию, утрате металла. Через несколько десятилетий использования изделие истёрлось, истончившиеся детали стали непрочными. Старую вещь порубили на части для переплавки, и один такой обрубок сохранился в культурном слое городища (рис. 4.2). Древние металлурги берегли и многократно использовали ценное сырьё.

Постепенно Волжский торговый путь всё больше и больше развивал многоступенчатые торговые и культурные связи с Востоком, с южными приморскими краями и тем самым, среди прочего, приобщал лесных жителей к достижениям древнейших восточных цивилизаций и к античному наследию Европы. С удивлением можно обнаружить одинаковые формы железных клинков в городах-полисах Древней Греции и в первых городках Волго-Окского междуречья. На Тезе и Волге найдены «скифские» наконечники стрел с раздвоенным на конце черешком (типа «ласточкин хвост»). И там же – первые свидетельства занятий земледелием, которое жителями северного леса было заимствовано у южных земледельцев, но адаптировано к своим климатическим условиям. За век-два до начала новой эры длинная торговая цепочка привела к одной из жительниц Алабуж-

Puc. 5. Тигли для плавления цветного металла. Холодная гора, г. Плёс

ского городка стеклянную бусину так называемого «скифо-сарматского типа»: синюю, с белыми колечками-«глазками». Производившиеся в больших количествах, вероятно, где-то в мастерских Египта или Передней Азии, подобные изделия часто встречаются в археологических древностях кочевников Причерноморья. И в точности такую же, например, можно увидеть сегодня в Бургасском историческом музее в Болгарии, куда она попала из раскопок некрополя фракийского поселения Месамбрия (ныне городок Несебр, Болгария) (puc. 6).

В первые столетия раннего Средневековья одним из посредников таких международных торговых и культурных связей служила раннебулгарская цивилизация, которую не без основания считают колыбелью своей культуры и современная Болгария, и Республика Татарстан. Великая Булгария возникла в 635 году на обломках Тюркской державы и заняла восточные берега Чёрного и Азовского морей, Таманский полуостров и Прикубанье. Большинство населения нового государства было кочевым, но родоначальник и глава, хан Кубрат, поддерживал тесные связи с Византией, а столицей определил некогда разграбленную гуннами античную Фанагорию. Древний город вновь расцвёл и стал важным звеном цепочки взаимовыгодных контактов побережья Средиземного и Чёрного морей с берегами Волги.

Затем, волею судеб, булгары вместе с хазарами продвинулись на север, на обширные пастбища донских и донецких степей и Нижней Волги, где начали переходить к оседлому образу жизни. Постепенное приобщение к земледелию, а с ним и к массовому ремесленному производству (при прежней важной роли скотоводства), как пишет историк С.А. Плетнёва, положило начало формированию особой культуры, получившей название «салтово-маяцкой». Булгарский вариант этой культуры, что примечательно, отличался поддержкой связей с культурой Причерноморья. В частности, на фоне сохранения кочевого скотоводства развивалось и земледелие, причём в степях культивировалось виноградарство. И, похоже, булгары помнили о своей прежней столице Фанагории – как и византийские хронисты не забывали о том, чьей столицей был этот город, продолживший затем свой расцвет уже при хазарской администрации⁵.

Примечательным оказался погребальный обряд, характерный для болгарского варианта салтово-маяцкой культуры. Захоронения совершались в неглубоких ямах, головой на запад или на север. На одних и тех же кладбищах, где хоронили соплеменников — земледельцев и скотоводов, кроме привычных прямоугольных могильных ям встречаются круглые. В них находят скелеты животных: лошадей, овец, собак. Рядом с погребением мужчины хоронили коня. Среди находок при погребённом — керамическая посуда, остатки мясной пищи, оружие.

Данные признаки нами приведены не случайно. На удивление, они во многом совпадают с тем, что наблюдалось, например, при раскопках Кочкинского могильника в Палехском районе Ивановской области (VII – 1-я пол. VIII в. н.э.). Мы склонны видеть в этом свидетельства первых прямых контактов населения нашего региона с кочевниками-переселенцами, протобулгарами-кутригурами, предками татарского народа⁶.

В Кочкинском могильнике также среди человеческих захоронений найдены скелеты лошади, коровы или овцы в отдельных ямах. А конское снаряжение для верховой езды обнаруживалось в могилах мужчин вместе с предметами вооружения: копьями, топорами, кинжалами. К поясу всадника подвешивался необходимый при кочевой жизни хозяйственный нож, здесь же крепился набор для добычи огня. Одна из находок в мужском погребении Кочкинского некрополя — прямой однолезвийный меч. Он примечателен тем, что похож на мечи, которыми пользовались кочевавшие по степям болгары. А найденные в другом захоронении круглые выпуклые бляшки — характерные металлические украшения мужского кочев-

нического ремня – обнаруживают сходство с салтовскими древностями Подонья (*puc*. 7).

Мужчину-воина всегда отличал особый пояс с металлическими накладками и свисающим боковым ремнём. Этот признак сформировался ещё раньше, был широко распространён в степных кочевых сообществах и отражал, по мнению исследователей, общую для всей феодальной аристократии Евразийских степей дружинную культуру. От кочевников-тюрок знак принадлежности к «рыцарству» перенимали соседние оседлые народы: элементы поясных наборов обнаруживали сходство и претерпевали похожие постепенные изменения на широких территориях леса и степи.

Благодаря подобным находкам можно с уверенностью заявлять, что в эпоху существования империи тюрок, Великой Болгарии и Хазарского каганата такие же воины-всадники жили и в Алабужской крепости (Пеньковское городище недалеко от г. Плёса). В числе

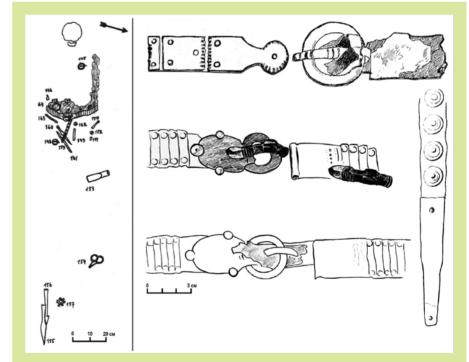

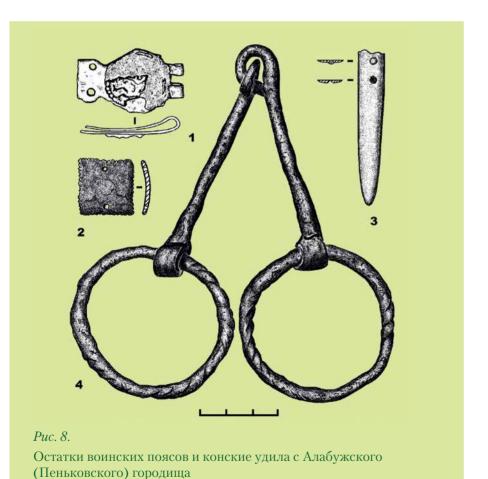
Рис. 7. Мужское захоронение и остатки воинских поясов из финского Кочкинского могильника (Палехский р-н Ивановской обл.). По Е.Н. Ерофеевой

Можно не сомневаться и в особом отношении воинов Алабужской крепости к лошадям, что прослеживается в археологических материалах VI–VIII веков н.э., связанных с новым этапом организации жизни в данном поселении. Ярким эпизодом является сооружение дополнительного крепостного вала и связанный с ним особо торжественный и сложный обряд жертвоприношения. Важной составляющей большой жертвы были два коня. Их останки, с сохранёнными черепами и костями конечностей, покоились на двух кострищах (рис. 9). Судя по количеству других костей в захоронениях, большая часть жертвенных туш шла на ритуальную трапезу. В этом отношении особую ценность для нас приобретают наблюдения известного арабского историка и дипломата Ахмада ибн Фадлана, который по дороге в Булгарию наблюдал, как поступают

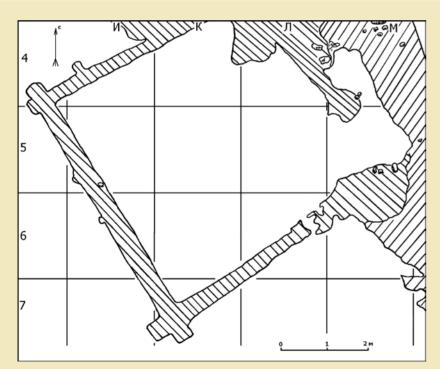
*Puc. 9.*Конское ритуальное захоронение на Алабужском (Пеньковском) городище

археологических находок здесь оказались характерный наконечник ремня и поясная накладка в виде квадрата, опоясанного цепочкой ложной зерни. Примечательно, что ввиду дороговизны цветного металла эти детали пояса были сделаны не из бронзы, а из железа (рис. 8.2). Но из цветного металла была, например, изготовлена найденная здесь же обоймица от ремённой застёжки. Оформление её сложное и дорогое: к бронзовой основе припаяна выпуклая круглая, на салтовский манер, накладка серого металла с каким-то изображением, от которого, к сожалению, осталась только короткая цепочка ложной зерни по краю. Подобное оформление позволяет соотнести эту находку с булгаро-хазарскими (салтовскими) древностями, хотя традиция изготовления таких обоймиц более старая: она восходит как минимум к древнеримскому времени (рис. 8.1).

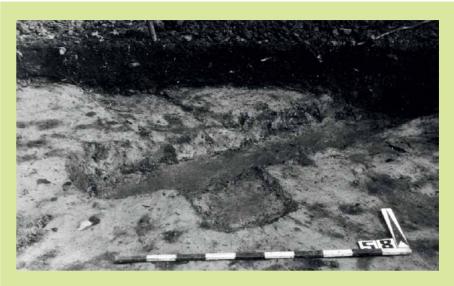

кочевники-тюрки с жертвенными конями при организации тризны по умершему сородичу: «съедают их (коней) мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста»⁷. Такие священные пиры местное население и на Верхней Волге в раннем Средневековье организовывало в особых случаях, а употребление в пищу лошадиного мяса (и даже, вероятно, выращивание лошадей на мясо) могло постепенно войти в обычай у волжских финнов именно в результате активных контактов с кочевыми народами, подобно тому, что Ибн Фадлан отмечал у булгар: «Пиша их — просо и мясо лошади...»

О лошадях в крепости проявляли особую заботу – прежде всего, видимо, о верховых конях. Для них заготавливалось сено, о чём может свидетельствовать найденная коса. Кузнецы ковали железные удила (рис. 8.4). А среди прослеженных раскопками в крепости построек VI–VIII веков обратили на себя внимание два своеобразных, необычно крупных сруба.

*Puc. 10.*Контуры конюшни на материковой поверхности.Алабужское (Пеньковское) городище

*Puc. 11.*Угол конюшни на Алабужском (Пеньковском) городище. Канавки под брёвна сруба (вид с юга)

Это были поставленные рядом, стена к стене, мощные квадратные в плане сооружения, которые сильно отличались от небольших, площадью до 13 кв. м, отапливаемых изб того времени, предназначенных для жизни людей. Длина стороны одного сруба составляла 6 метров, другого – 7 метров, толщина брёвен достигала 40 сантиметров (рис. 10). Постройки рублены «в лапу» (с выпуском брёвен до полуметра), что обеспечивало им дополнительную прочность. Ставились они на наклонной поверхности, но вертикально, для чего под нижние брёвна делались специальные углубления (рис. 11). Между тем внутри срубов поверхность не была выровнена, как в жилых домах. Отсутствовали следы отопительных сооружений и потерянные в древности предметы обихода. Кроме нескольких мелких фрагментов неорнаментированной лепной керамики и конских зубов ничего другого при раскопках обнаружено не было. Эти характеристики построек и находки и навели на мысль, что оба обширных неотапливаемых сруба могли использоваться в качестве конюшен. Для коров, овец и коз общинного стада в крепости имелся специальный загон.

Нельзя не вспомнить в этой связи ценное письменное свидетельство – древний арабский сборник – сообщения анонимного автора

«Известия времени» («Ахбар аз-заман»), где зафиксирован обычай кочевников-воинов: «Кони бурджан, которые предназначены для войны, всегда пасутся на пастбищах, и никто из бурджан не садится на них, кроме как во время войны, и если найдётся человек, который сел верхом на боевого коня в другое время, они убивают его». Одни исследователи видят в бурджанах протобулгар, другие — венгров (угров), но нельзя не согласиться с тем, что боевые кони составляли общеплеменную собственность⁸.

Учитывая внимательное отношение финнов к рациональному опыту других народов — в особенности к организации военного дела у тех, кто занимался этим профессионально, мы склонны увязывать строительство конюшен (в рассматриваемый исторический период) именно с отдельным содержанием верховых лошадей, которые предназначались для охраны территорий, выпаса общинного стада и организации военных действий. Такой порядок облегчал принятие коллективных решений о выделении коней для вышеупомянутых жертвоприношений, для сопровождения захоронений мужчин-воинов и организации общинных тризн. В упомянутом ранее Кочкинском могильнике среди отдельных захоронений животных раскопками выявлены скелеты как раз, на наш взгляд, общинных коней; сбруя же, скорее всего, была собственностью воина, её клали в могилу мужчины. Захоронение коровы или овцы могло посвящаться умершей женщине.

Элементы парадных поясов, подобные кочкинским, в Ивановской области обнаружены также в погребениях Холуйского и Хотимльского могильников, синхронных по времени существования. И в них среди находок присутствовали прямые длинные (до одного метра) мечи, копья и топоры, удила, псалии (часть узды, соединяющая удила с поводьями) и иного рода сбруйные принадлежности. Всё это, по мнению Б.Н. Гракова, «указывает на время южного, причерноморского влияния VII—VIII веков» Надо заметить, что похожие «кочевнические древности» нередко встречаются и на соседних с Ивановской областью территориях.

Отдельно остановимся на найденных при раскопках остатках кольчуг. «Кольчуга — древнее ассирийское или иранское изобретение», — писал А.Н. Кирпичников. В первые века нашей эры она распространилась у сармат, а в V—VIII веках район её использования уже простирался «от Прикамья, Западного Приуралья и Северного Кавказа до Чехии и Венгрии» 10. Эта очень дорогая часть вооружения, как всё новое и полезное, быстро стала предметом заимствования для многих народов. В VIII столетии кольчуга перестала быть чем-то

необычным в Китае. Очень скоро, в IX – начале X века, она появилась у состоятельного воина-кочевника, которого могла пригласить на воинскую службу богатая верхневолжская мерянская или муромская община, а затем и у местного мужчины-воина. Доказательства этого (находки фрагментов кольчуг, отдельных колечек) собраны на городищах Попово (р. Унжа), Сарское (Ростовское озеро), на Микшинском селище (р. Уводь); а фрагмент с Дурасовского поселения мог быть ещё древнее: найденная с ним своеобразной формы застёжка аналогична кочкинской (кон. VII – 1-я пол. VIII в.) и даже похожа на изделие из могильника Большое Давыдовское II (авторы датируют его III-V вв. н.э.).

В поддержку предположений о начале прямых контактов древних жителей нашего края с переселенцами-кочевниками в «кочкинские времена» укажем, что в более раннем могильнике Большое Давыдовское II, находящемся в полутора сотнях

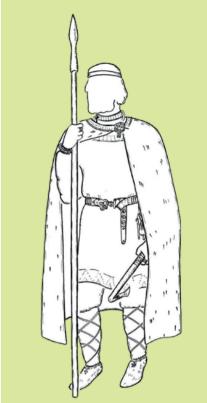

Рис. 12.
Мужчина из племени мурома с парадным воинским поясом. По материалам Кочкинского могильника (Палехский р-н Ивановской обл.).
Реконструкция автора

километров западнее Кочкинского, вышеупомянутые признаки контактов раскопками не выявлены. При том что исследователи памятника, исходя из материалов женских погребений, подчёркивают наибольшую связь найденных украшений с культурой рязано-окского населения¹¹.

Может быть, следует ещё раз подчеркнуть, что во второй половине I тысячелетия н.э. у многих народов, включая и булгар, и поволжских финнов (мурома, мордва), если не все, то большинство мужчин позиционировали себя в качестве воина. Уточним: конного воина, пастуха и охотника, защитника своих земель и главного общинного

богатства — стада домашних животных. Они имели почти одинаковое вооружение, наборы воинских поясов, конской упряжи, и, наконец, у них были похожи всякого рода ритуалы. Восточная воинская субкультура активно пропитывала финскую среду. Судя по археологическим находкам, к началу II тысячелетия н.э. она «дотянулась» до эстонских земель и даже до варяжских дружин.

Культурному взаимодействию способствовало и то, что мужчины, знающие толк в воинском искусстве, могли приглашаться на службу иными правителями или большими общинами, что нередко приводило к смешанным бракам и укоренению чужаков. Нельзя исключить, что уже к началу VIII столетия — в рамках постепенного процесса переселения булгар (накануне определения места окончательной локализации нового государства) — отдельные группы переселенцев с низовий стали проникать не только на Среднюю Волгу, но и выше. Наши соображения на этот счёт, подкреплённые местными археологическими свидетельствами, совпадают с мнением ряда исследователей о том, что процесс тюркизации обширного Поволжского региона пошёл «с булгар, проникавших в исконно финно-угорские земли неоднократными волнами на протяжении более двух столетий, начиная с конца VII века» 12.

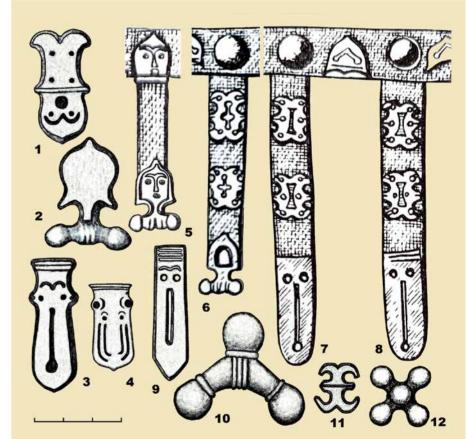
Интересно, что в тесном контакте с кочевниками-болгарами, как полагает Е.П. Казаков, были и древние угры. Кочевые орды поддерживали между собой дружеские отношения, чему отчасти способствовало вхождение и тех и других в состав населения Хазарского каганата. При этом большинство исследователей именно с уграми связывают кочевнические древности ломоватовской и поломской культур пермских земель, где, как известно, коренным населением были финны — предки коми и удмуртов¹³.

Мы, со своей стороны, добавим, что, во-первых, в Кочкинском, Холуйском и Хотимльском могильниках Ивановской области тоже имеются древности поломско-неволинского круга (а именно — особой формы предметы поясного набора, выполненные из серебра или из медного сплава) (рис. 13). Во-вторых, аналоги подобных изделий найдены на обширных территориях, включая, например, Северный Кавказ¹⁴. И, в-третьих, нетрудно заметить, что подобные формы, в несколько изменённом виде, обнаруживаются в дальнейшем и среди более поздних булгаро-хазарских салтовских древностей¹⁵.

Дополнительным подтверждением активных контактов населения обширных территорий в этот период может служить один из сосудов, найденных в Кочкинском могильнике. В отличие от местных преимущественно конусовидных горшков с плоским дном

этот был с округлыми стенками и не имел чётко выраженного плоского днища; подобные сосуды не без основания отнесены Е.И. Горюновой к так называемому «мерянско-камскому» типу. Среди примеров такой посуды исследовательница указывает и находку из Хотимля¹⁶.

Добавим также, что в исследованном нами Алабужском (Пеньковском) городке ориентировочно со второй половины I тысячелетия н.э. вошла в обиход хорошо сформованная столовая посуда со сплошным лощением по внешней поверхности. Образцом может служить миска из сложного комплекса жертвоприношения в осно-

Puc. 13.

Элементы мужских парадных поясов:

1-4 — «Коминтерновский курган»; 5-6 — Агойский аул; 7-8 — Чми;

9-11 – Хотимль; 12 – Холуй

1 24

вание крепостного вала, куда также входили два скопления лошадиных костей (преимущественно кости конечностей и черепа)¹⁷. Керамика сплошного лощения, как напоминает С.А. Плетнёва, была характерна для Древнего Рима, а в дальнейшем распространилась в южнорусских степях. Её переняли другие народы не только из-за красоты посуды, но и из практических соображений. Ведь подобная обработка уплотняла поверхность сосуда, а значит, делала её непроницаемой для жидкости¹⁸.

Такого рода технологические новинки могли быть принесены в лесные северные края и здесь распространяться от одних финских племён к другим какими-то наиболее подвижными группами населения, например тюркоязычными булгарами и уграми. Но что не менее важно: одной из миссий, которые делали пребывание кочевников среди оседлого лесного населения терпимым и даже общественно полезным, могло быть обеспечение их вооружёнными отрядами безопасных передвижений (в первую очередь по торговым путям). Исследователи отмечают, что традиционно булгарские конные воины были востребованы как наёмный эскорт купеческих караванов в Среднюю Азию. Сухопутный маршрут проходил восточнее Волги, где требовалась защита от нападения башкир.

Отчасти наёмниками могла осуществляться и защита имущества отдельных родов от недружественных соседей. Такая работа по «ряду» (договору) предлагалась местными финскими сообществами профессиональным воинам (самый известный пример – приглашение северо-западных дружин Рюрика).

Постепенному изучению, а в дальнейшем и прочному освоению берегов Волги будущими основателями Волжской Булгарии немало

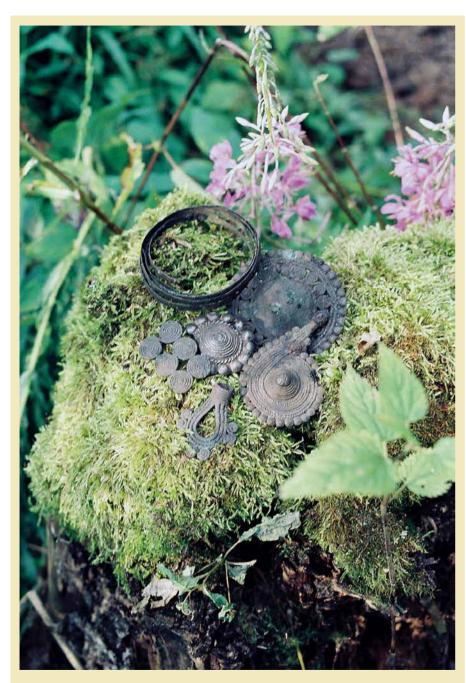
(к. VII – 1-я пол. VIII в.). По Р.С. Багаутдинову

способствовала нарастающая активность в торговле. Вещи салтово-маяцкого стиля не раз отмечены в древностях не только Средней, но и Верхней Волги, включая земли Ивановского края. Это прежде всего упомянутые мужские воинские пояса, снабжённые многочисленными металлическими деталями специфической формы. В женских костюмах и протобулгарок, и мерянок одинаковую смысловую нагрузку несла орнаментика браслетов: их концы оформлялись в виде голов змей или драконоподобных существ, связанных с Нижним миром (напомним, что кисти рук находятся ниже пояса, символизировавшего в костюме границу мифологических миров). Из степей Причерноморья и низовий Волги пришли ставшие привычными в финских костюмах подвески-«ложечки» (так называемые «копоушки»), «лунницы», бубенчики и похожие на них пуговицы. Женщины носили одинаковые стеклянные бусы, которые появлялись в дальних северных лесах не без участия тех же раннебулгарских и хазарских купцов.

Из одних источников происходил и цветной металл, служивший в основном сырьём для производства многочисленных украшений женских костюмов. Только благодаря достаточному его количеству в обиход волжанок вошли массивные шейные гривны, получившие, как и иные новшества костюма, местное семантическое и социальное осмысление. Так, обнаруженная на Алабужском (Пеньковском) городище одна из ранних в регионе находок подобного рода своим орнаментом символизирует ход солнца по Нижнему, подземно-подводному миру, причём знаки солнца выполнены в виде характерных умбоновидных (полусферической или конической формы) выпуклостей (рис. 15).

Puc. 16. Некоторые из украшений «алабужского клада» в день обнаружения

Подвоз металла с Востока в наш регион с веками нарастал и в начале второй половины I тысячелетия н.э. достиг впечатляющих масштабов. Уже в VI-VII веках наряды верхневолжских женщин отличались пышностью, большим количеством изделий из бронзы. Отполированные и начищенные к выходу, бронзовые украшения выглядели как золотые. Яркими иллюстрациями могут служить детали костюмов в вышеупомянутых Кочкинском, Холуйском и Хотимльском могильниках Ивановской области. Но, пожалуй, наиболее впечатляющим можно назвать комплекс крупнейшего мерянского «алабужского клада» (рис. 16). Он представляет собой остатки одного женского костюма, найденные при раскопках Алабужского (Пеньковского) городища – легендарного «града Чувиля», расположенного в 12 километрах от пришедшего ему на смену средневекового Плёса. 19 Костюм был положен как дар божественному Нижнему миру в основание строящегося крепостного вала. В его комплект входили изделия местных мастеров, но все они были отлиты из привозной бронзы. Общее количество предметов клада достигало четырехсот единиц!

В те времена Чувиль (Алабужский городок), стоящий на международном Волжском пути, начал превращаться в местный ювелирный центр, оставивший в культурных напластованиях многочисленные следы мастерских, плавильных очагов, рабочих инструментов, изделий, производственного брака, а также остатки сырья. Последнее в числе находок представлено обрезками листового металла и обрубками старых изделий. Такая картина резко контрастирует с тем, что мы наблюдали в культурных напластованиях более ранних эпох на памятниках региона (Клочковское и Алабужское городища, Холодная гора, Сахтыш), когда древние металлурги берегли каждый обрезок, каждый случайный выплеск-капельку драгоценной привозной меди или бронзы.

В IX веке в верховьях р. Уводь (приток Клязьмы) благодаря активному освоению мерянской цивилизацией международных торговых путей начал бурно развиваться новый торгово-ремесленный центр (Микшинское селище), где даже в небольших раскопах были выявлены следы тесных связей с Востоком. Это явные признаки добычи пушнины на продажу, находка покупной восточной стеклянной бусины, а также следы работы ювелиров с медными сплавами. Кроме плавильных тиглей (рис. 18.2-3), здесь обнаружены каменные формочки многоразового использования, причём одна из них предназначалась для отливки шариков зерни: особый художественный стиль, популярный в античном мире, осваивался мерянскими масте-

Рис. 17.
Восточная стеклянная бусина с Микшинского селища (Ивановский р-н Ивановской обл.)

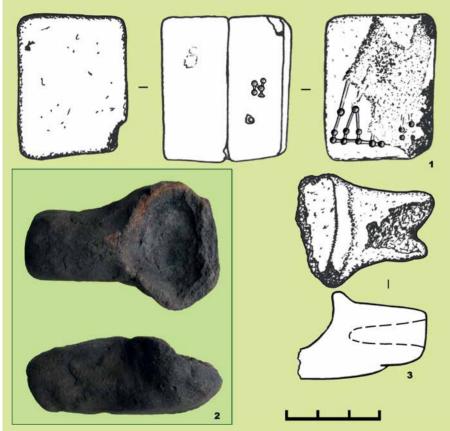

Рис. 18.
 Свидетельства работ с привозными медными сплавами на мерянском Микшинском селище: 1 – двусторонняя каменная форма для отливки шариков зерни; 2-3 – плавильные тигли с подхватом

рами также, следует полагать, в результате активных восточных контактов ($puc.\ 18.1$) 20 .

Между тем, образованию нового центра торгового и культурного обмена на Волге – государства Волжская Булгария предшествовали тревожные события. Принятие иудаизма верхушкой Хазарского каганата повлекло за собой смуту, которая открыла ворота для иноплеменных вторжений. Страшным ударом стало нашествие печенегов на степи Восточной Европы. В результате с конца IX столетия на Среднюю Волгу с низовий устремился поток переселенцев, имевших навыки оседлого быта, земледелия и ремесленного производства. Воссоединившись со своими бывшими когда-то земляками-кочевниками, пересе-

Рис. 19. Булгарка VIII в. Реконструкция по черепу из курганного могильника Малая Рязань I (Самарская обл.)

ленцы, носители салтово-маяцкой культуры, продолжали развивать свои прежние традиции жизни, быта и производства.

Неудивительно, что в местных булгарских могильниках (Большетарханский, Танкеевский) до половины находок посуды составили круговые горшки, выполненные в салтовских традициях. В могильниках найдены также земледельческие орудия (наральники, серпы, косы). В результате именно эти группы новых жителей, как полагают исследователи, стали в конце IX — начале X века «основой оседлого населения протогородов, возникающих в этот период в зоне Великого Волжского пути»²¹. В отношениях населения Средней и Верхней Волги наступал новый исторический этап.

¹ Костылева Е.Л., Уткин А.В. История и основные результаты изучения поселения и могильника Сахтыш II А. // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова. // Российская археология. 2005. № 1. С. 188-190.

² Валиулина С.И., Храмченкова Р.Х. Химический состав изделий из цветного металла Больше-Таганского могильника. // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 267.

П.Н. ТРАВКИН 🐧 ТАТАРЫ В ИВАНОВСКОМ КРАЕ: МОСТЫ ЛАЛЁКОГО ПРОШЛОГО

- 3 Травкин П.Н. Исторические корни плёсского ювелирного искусства. // Плёсский сборник. Плёс, 1995. Выпуск 2, ч. 1.
- ⁴ Дьяковская культура. М., 1974. С. 104-105. *Рис.* 5.6. Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья. С. 116-117. Зайцева И.Е. Цветной металл из погребений могильника эпохи переселения наролов Большое Лавыловское ІІ. // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.-СПб., 2011. Выпуск З. C. 24-28
- ⁵ Плетнёва С.А. Хазары. М., 1986. С. 20-41, 55.
- ⁶ Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Кочкинский грунтовый могильник. // Этногенез и этническая история марийцев. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1988. Выпуск 14.
- 7 Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939. С. 63.
- ⁸ Бейлис В.М. Арабские авторы IX первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. М., 1986, С. 144.
- 9 Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Кочкинский грунтовый могильник. Граков Б.Н. Краткий отчёт об археологическом обследовании по р. Тезе (ниже Шуи). Он же. Отчёт об археологических раскопках и разведках в 1926 году. // Архив ИГОИРМ, 7-3/2 (ныне архив Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурылина). Голышев И.А. Археологические находки близ слободы Холуя Вязниковского уезда. // Собрание сочинений И.А. Голышева. Санкт-Петербург, 1899. Том І. вып. 2.
- 10 Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. // Свод археологических источников. Л., 1971. Е 1-36. С. 10-11.
- 11 Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины І тыс. н.э. в Суздальском ополье. // Российская археология. М., 2010. № 1. С. 41-52.
- ¹² Багаутдинов Р., Хузин Ф.Ш. Ранние булгары на Средней Волге. // История татар с древнейших времён. Казань, 2006. Том II. С. 116.
- ¹³ Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир. // «Finno-Ugrica». 1997. № 1. C. 34-36.
- 14 Ковалевская В.Б. Северокавказские древности. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. Рис. 61.
- 15 Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. МИА. 142. Puc. 44, 45.
- ¹⁶ Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. МИА.
- 17 Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Кочкинский грунтовый могильник. Рис. 9.4. Травкин П.Н. Строительная жертва в основании крепостного вала... Puc. 5.6.
- 18 Плетнёва С.А. От кочевий к городам. С. 114.
- ¹⁹ Травкин П.Н. Строительная жертва в основании крепостного вала... С. 161-173.
- 20 Травкин П.Н. Микшинское финское селище на р. Уводь. // АПВКМ. Иваново, 1990. Вып. 4.
- 21 Измайлов И. Булгарское государство: образование, территория и население. // История татар с древнейших времён. С. 128.

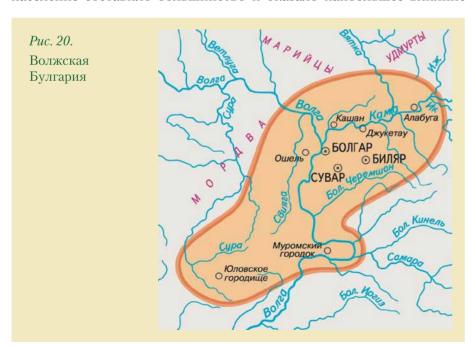

9

32

IX – первой половине X века на Средней Волге, у места впадения в неё реки Камы, появилось новое государство Булгария, колыбель татарского народа, самый северный центр ислама, со столицей в г. Биляре («Великом городе» русских летописей) и известным центром международной торговли г. Булгаром (рис. 20). Первые правители собрали под своим началом народы, среди которых в письменных источниках IX—X веков упоминаются булгары, эсегель, бажяняк (печенеги), суваз, мадьяры-тюрки, баранжар, гузы, башхарт. Объединяющим ядром всего собранного и организованного населения, разумеется, стали булгары, а предводители их некогда кочевых степных орд, умелые военачальники, сформировали военно-служилую элиту общества.

В этом пёстром этническом собрании коренные жители, исконные обитатели «большого леса» – многочисленное местное финское население составило большинство и оказало наибольшее влияние

на формирование образа жизни и народной культуры нового государства. Именно его (а отнюдь не варяжские) старые торговые связи и знание всех тонкостей организации дальних путешествий по воде легли в основу функционирования средневолжской части Великого Волжского пути.

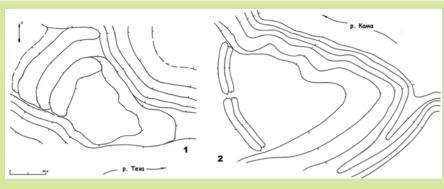
В X-XI веках по берегам Волги (Итиль) и Камы, главных рек нового исламского государства, стали возникать открытые торгово-ремесленные поселения (Семёновское, Измерское, Старокуйбышевское и другие), подобные тем, что чуть раньше появились у поволжских финнов (на территории Ивановской области это селище Микшино, затем Клочково). Строились и новые крепости: если в Придонье и Причерноморье это обычно были «вавилоны» (укрепления в плане представляли собой вписанные квадраты), то в лесных краях на берегах рек переселенцы стали возводить дерево-земляные городки «мысового типа», подобные более ранним волжско-финским, при сооружении которых максимально использовались преимущества рельефа местности (в Ивановской области это Алабужское, Клочковское, Петрово-Городищенское, Хотимльское и другие мерянские и муромские укреплённые поселения) (рис. 22)1. Современные татарские исследователи всё чаще называют Волжскую Булгарию «страной городов» – не без основания, но, думается, в подражание «Гардарики» (Гардарике), как в древности называли Русь

Рис. 21.
Булгарский конный воин IX—XI веков.
Рисунок на серебряной чаше.
Зауралье

жители Скандинавии. Такого рода городки (протогорода) не только становились опорными пунктами государственной власти, но и в немалой степени способствовали развитию ремёсел и международной торговли.

Решение правителей новой страны выбрать именно этот регион для укоренения выглядит совершенно не случайным, стратегически выверенным. Здесь, у впадения Камы в Волгу, сходились пути, соединявшие весьма отдалённые земли Евразии, что создавало благоприятные предпосылки для занятия ключевых позиций сильного посредника в международной торговле. Как

Puc. 22 Городища мысового типа: 1 – Клочковское на р. Тезе; 2 – Остолоповское на р. Каме

следствие, могло быть обеспечено развитие собственного ремесленного производства, рассчитанного и на постоянный приток сырья, и на широкий сбыт производимых изделий. А конкурентоспособность продукции нового государства гарантировалась хотя бы тем, что протобулгары на протяжении веков испытали благотворное влияние древних оседлых культур Востока и Византии, они оказались наследниками великой античной культуры, передовых технологий в производстве.

Одним из примеров может служить скорое и массовое освоение изготовления керамической посуды на гончарном круге. Если вспомнить раннюю русскую круговую керамику так называемого «курганного типа» (которую будто бы принесли в наше Волго-Клязьминское междуречье некие славянские колонисты), то в этой связи, вслед за С.А. Плетнёвой, мы бы предложили обратить пристальное внимание на более ранние, хазаро-булгарские образцы. Так, при раскопках памятника салтово-маяцкой культуры на хуторе Попово Урюпинского района Волгоградской области найдены такие же круговые «курганные» горшки – с линейным орнаментом или рифлением, с отогнутым венчиком (рис. 23). Похожие изделия нередко встречались и на других салтовских памятниках в низовьях Волги и в Придонье. К тому, как переплетались гончарные традиции в нашем регионе, мы ещё не раз обратимся ниже.

С начала существования нового государства лидером в организации международного торгового транзита была его первая (по мнению ряда исследователей) столица - город Булгар. Выгодное географическое положение позволило городу стать крупным центром между-

Puc. 23. Круговая посуда салтово-маяцкой культуры. Могильник Садовый 20 (хутор Попово Урюпинского р-на Волгоградской обл.)

народной торговли, что приносило большой доход казне. Достаточно сказать, что десятая часть товаров с каждого корабля или зимнего воза оставалась здесь в качестве торговой пошлины. Прибывший с Востока товар, а также продукция булгарских мастеров доставлялись населению Верхнего Поволжья речными путями.

Верхневолжские «Русы» и булгары

Совокупность данных (письменных и археологических) позволяет проследить динамику развития торговых связей нашего региона с Волжской Булгарией. Процесс этот выстраивался постепенно, так же постепенно он претерпевал изменения. Конечными пунктами прибытия оптовых партий товара той и другой стороны служили открытые торгово-ремесленные поселения, протогорода, и первые полноценные раннесредневековые города, где ценный товар мог в безопасности сохраняться и малыми партиями распространяться по окрестным землям. Такой порядок существовал столетиями и выходил за рамки раннего Средневековья. История же торговых связей нагляднее всего отразилась в свидетельствах древних восточных авторов, целенаправленно изучавших этот вопрос в практических целях. До нас дошли несколько сочинений рубежа І-ІІ тысячелетий н.э., содержащих сведения о торговле с «русами».

Прежде всего постараемся выяснить, о каких русах идёт речь (в контексте волжской торговли) и насколько это касается описыва-

емого нами региона. А.С. Уваров, рассматривая арабские источники в совокупности с материалами своих раскопок «владимирских» курганов (в пределах географического пространства от г. Владимира до современного г. Иванова), писал: «Мы имеем свидетельство арабских писателей X века о том, что руссы приходили в Болгары для торговли; причем мы должны только заметить, что под именем руссов или русских купцов арабские писатели, вероятно, подразумевали всех лиц, без различия народностей, приходящих к ним из северо-западных местностей...» Исследователь сделал вывод, что меряне «слыли для арабов за настоящих русских»². А.Л. Монгайт, анализируя записи Абу Хамида ал-Гарнати (памятник середины XII в.), также заключил, что под «руссами» в арабских источниках следует понимать, в том числе, и поволжских финнов³. Мы располагаем на сегодняшний день уже несколько большим объёмом сведений по данному вопросу и считаем возможным вынести более категоричное суждение на этот счёт.

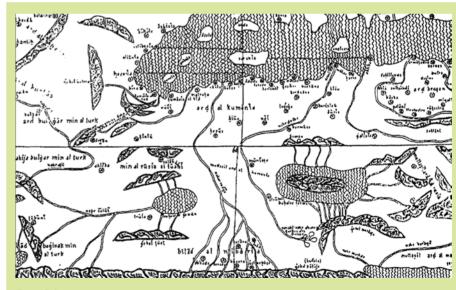
Непосредственный обзор письменных источников показывает, что в X веке почти все восточные авторы противопоставляли русов славянам, разделяя, соответственно, и их территории. Вот что писал, например, ал-Истахри около 930 года, опираясь на труд Абу Зайда ал-Балхи, составленный десятилетием раньше: «Русы — народ в стороне булгар, между ними и славянами... Что касается реки Итиль... (то она протекает — П.Т.) мимо русов, затем проходит мимо булгар, затем мимо буртасов, пока не впадёт в море Хазар, и говорят, что она разветвляется <...> на семьдесят с лишним рек»⁴. Через сорок лет после ал-Истахри неутомимый арабский путешественник Ибн Хаукал, давая пояснения к составленной им карте мира, написал: «река Итиль — самая большая по протяженности и это река русов <...>. Русы — народ варваров, живущий в стороне булгар, между ними и славянами, по реке Итиль»⁵. Как видим, и он указывает местоположение русов на Волге выше Булгара.

Путь через земли русов по Волге на Восток, к Хазарии, как свидетельствуют источники, хорошо знали и торговцы Западной Европы. В 960-х годах высокопоставленный слуга кордовского халифа Хасдай ибн Шапрут, сановник еврейского происхождения, узнал от купцов о существовании Хазарского государства, во главе которого стоят иудеи, и составил письмо правителю Хазарии. В своём послании он написал о могуществе Кордовского халифата и просил «царя хазар» рассказать о государстве и о том, как иудеи стали его правителями. Письмо не смогли доставить с первого раза, через земли Византии. Прямой путь через степи тоже был закрыт: там хозяйничали печенеги. И купцы повезли послание Хасдая круж-

ным путём: через Западную Европу, «в страну Рус и оттуда в страну Б- π - π гар, то есть по "русской" (восточно-финской) и затем "булгарской" Волге» 6 .

О реке русов и русах Верхнего Поволжья уже в середине XII века писал другой европеец, араб по происхождению и потомок пророка Мухаммада — аш Шариф ал-Идриси. Получивший образование в Кордове, крупном культурном центре Испании, он много путешествовал, затем жил в Италии, изучал современные ему и более древние географические трактаты и оставил нам свой труд «Отрада страстно желающего пересечь землю». Его «река Русиййа», как отмечает Т.М. Калинина, образ собирательный, воплощающий представление о речных путях, по которым можно пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении. Только если для восточных авторов X века «русская река» увязывалась с Волжским торговым путём, то в XII веке для ряда географов это уже некий символ сообщения между Севером и Южной Европой.

В долинах рек, впадающих в «реку Русиййа», как указывает ал-Идриси, живёт народ, у которого *«есть шесть укреплённых городов»* — и, судя по тому, как автор разместил их на карте *(рис. 24)*, эти города расположены в Северо-Западной Руси и Верхневолжье. Совершенно неожиданно потомок Мухаммада в своём труде прямо

Puc. 24. Восточная Европа на карте ал-Идриси (север внизу)

передаёт нам привет от верхневолжских русов, точнее, от верхневолжских финнов. Автор пишет, что шесть истоков «реки Русиййа» текут с далёкой северной горы Кукайа. Т.М. Калинина, уделив внимание последнему наименованию, заключила, что оно служило «не столько для обозначения реального физического пространства, сколько маркировал(о) в сознании читателей ал-Идриси заснеженные u недоступные края ойкумены»⁷. Позволим себе не согласиться с коллегой и заявить, что в сочинении древнего географа фигурирует не «заснеженный край ойкумены», а именно «гора» (возвышенность), о которой ал-Идриси, вероятно, узнал с чьих-то слов и воспринял как священную гору местного населения. Всё дело в том, что слово «кукайя» представляет собой незначительно искажённое древнефинское «кокуй», широко распространённый в древности и не исчезнувший по сей день термин. В переводе он означает «возвышенность», «холм». Есть такие возвышенности с характерным названием в Ивановской области, есть в Московской, есть и в других регионах, на них совершались в далёком и даже не очень далёком прошлом календарные и иного рода священные ритуалы. С тем же понятием «высокий» связаны и головной убор «кокошник», и старинное «кокошь» – петух (с гребешком). Впрочем, по этой тематике существует довольно много исследований, так что нет необходимости повторяться. И Русь географа ал-Идриси – это тоже финское Верхневолжье.

Наконец, весьма ценными в вопросе о местонахождении русской земли являются древние письменные источники Северной Европы: скандинавские сказания о «веке саг»: X–XI веках. Среди них «Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков». Здесь Руссия и «Гардарики» противопоставляются как два различных государства: «Хертрюгг <...> правил к востоку на Руси; это большая и густозаселённая страна, лежащая между Хуналандом и Гардарики»⁸.

Всё, что за пределами Руси, дальше, согласно северному сказителю, это земли абстрактных хуннов (гуннов), а не сильное и весьма заметное в мировой торговле государство Волжская Булгария. Весьма странное заявление от представителя народа, который, как принято считать, по-хозяйски вёл себя на Волге. Уже один только этот казус заставляет вновь взглянуть на загадочных русов-торговцев в знаменитом обстоятельном сказании Ахмада ибн ал-Аббаса ибн Фадлана, секретаря посольства халифа ал-Муктадира к правителю волжских булгар Алмушу (921–922 гг.). Ценные сведения из записок арабского миссионера привлекли внимание многих исследователей и нашли отражение в разнообразных публикациях. Историки этим торговцам приписывают черты и скандинавов, и финнов, и славян,

приводя те или иные аргументы. Уважая мнение коллег, выскажемся и мы по этому поводу.

Как нам кажется, видеть в них славян имеется мало оснований, учитывая в совокупности:

- вышеупомянутую географическую локализацию славян относительно живших восточнее (в особенности в верховьях Волги) русов;
- многочисленные сведения об отношении русов к славянам и о нахождении последних в Булгаре, пожалуй, только в качестве товара на рынках (невольников судя по письменным источникам, в основном девушек, которых привозили для продажи наряду с мехами, добываемыми в северных лесах);
- несостоятельность на фоне современных археологических данных тезиса о «славянской колонизации» Верхнего Поволжья; незначительная «славянская примесь», причём только в городах региона, могла появиться, пожалуй, как сопровождение переселявшихся сюда киевских князей, хотя в их дружинах были не одни лишь славяне;
- наконец, то, что на рубеже I–II тысячелетий н.э. в письменных источниках термин «славяне» зачастую применялся к разным народам Запада и Востока. Ибн Фадлан, например, славянами назвал булгар. Ал-Масуди отнёс к славянам венгров и немцев. А немецкий средневековый историк Адам Бременский (XI в.) к славянским землям причислял Чехию и Венгрию, указывая на общность языка, распространённого на этой обширной территории⁹. Здесь следует сделать важную поправку: на рубеже I-II тысячелетий н.э. язык со славянской основой стал средством межплеменного общения и государственным для многих народов, а также языком международной торговли. Под воздействием этого фактора, например, образовавшие своё государство на Балканах наследники Великой Булгарии достаточно быстро забыли родной тюркский язык. Славянский постепенно становился языком межплеменного общения и в нарождающемся новом северорусском государстве. После завоевания последним Киева он ускоренными темпами стал возводиться в ранг государственного языка, что в дальнейшем легло в основу популярного тезиса о славянской колонизации и послужило поводом для преувеличения влияния далёкой формальной столицы на жизнь раннесредневековых поволжских финнов.

Следует ли в фадлановских русах видеть торговцев-скандинавов? Тоже вряд ли. О том, чьи земли находятся восточнее «Хольмгарда» (Новгорода), а тем более «Судрдаларики» (Суздальские земли), подавляющее большинство из них даже не знали или знали только понаслышке. Вот ещё один пример весьма ограниченных представ-

39

лений северных мореходов на сей счёт из знаменитого «Круга земного»: «Конунг Ярицлейв и княгиня Ингигерд просили Олава остаться у них и взять то государство, которое зовётся Вулгариа, и это часть Гардарики, и был народ в той стране языческий» 10. Оставляя в стороне фантазийность сюжета из-за стремления автора поднять значимость Олава Святого за пределами его земли, отметим здесь отсутствие реальных знаний о большой стране и крупном центре международной торговли: получается, что во времена Ярослава Мудрого «языческая» Булгария была лишь частью новгородских владений! Возможно ли было такое, веди скандинавы самостоятельную торговлю по Волге и зная волжские народы и страны? Приведённый пример не единичен. Он находит продолжение даже в первой половине XIV века, причём уже не в сагах скандинавов, а в их специальных географических трактатах. Там тоже вместо Булгарии или Золотой Орды фигурирует мифический Хуналанд¹¹.

В подтверждение наших сомнений предлагаем дополнительно рассмотреть отдельный специальный свод исторических сведений: мемориальные надписи на каменных стелах, которые воздвигались в средневековой Скандинавии в память об умерших членах семьи. Такие памятники ставились не на могилах, а в людных местах, и многие из них, как следует из текстов, посвящены умершим (погибшим) вдалеке, «за морем»:

- «Гуви установил этот камень Олаву, своему сыну, очень отважному воину. Он был убит в Эстландах»;
- «Торстейн сделал [памятник] по Эринмунду, своему сыну, и приобрёл этот хутор и нажил [богатство] на востоке в Гардах»;
- «Руна велела сделать памятник по Спьяльбуду и по Свейну, и по Андветту, и по Рагнару, сыновьям своим и Хельги, и Сигрид по Спьяльбуду, своему супругу. Он умер в Хольмгарде в церкви [святого] Олава. Эпир вырезал руны».

В одной только Швеции о связях с Древней Русью свидетельствуют надписи на 120 памятных камнях. Древние шведы приезжали с торговлей в «Гарды» (в Новгород), поступали на службу к великому князю и ходили с ним в военные походы. Но! Ни в одной записи не упоминается ни Волга, ни соседствовавшее с Русью крупное государство Волжская Булгария. Выходит, что никто из скандинавов не погиб на Волге, никто самостоятельно не торговал с Булгаром. Нет таких свидетельств! Е.А. Мельникова совершенно справедливо отмечает, что в XI веке (когда каменные стелы ставились особенно часто) уже с начала столетия на Руси самостоятельная деятельность викингов была *«практически невозможна»* 12. Мы же считаем, что с

момента их изгнания «за море» в торговле с Булгаром посредниками выступали представители объединившихся (в основном финских) народов нового государства, западного соседа Булгарии.

В описании купцов-русов в труде Ибн Фадлана затруднительно найти какие-либо сугубо скандинавские признаки. Нет их ни в картине жертвоприношения, ни в рассказе о погребальном ритуале, который в эпоху Средневековья различался даже в пределах небольших территорий, будь то земли викингов, булгар или восточная часть Волго-Клязьминского междуречья в границах современной Ивановской области. А связь похорон с кораблём или лодкой (в зависимости от статуса умершего) известна по всему миру. Ибн Фадлан писал: «если это бедный человек, то делают маленький корабль». Древнейшее из захоронений в ладье прослежено в могильнике Бузан-3 в Ингальской долине в Тоболо-Исетском междуречье (3200-3100 гг. до н.э.). В более поздние времена обряд существовал у раннесредневековых англосаксов, франков и даже у многих племён Северной Америки. Не составляют исключения и верхневолжские некрополи нашего региона: в некоторых из числа исследованных Ф.Д. Нефёдовым в 1895 году курганов вблизи г. Плёса сохранились остатки лодок¹³. Напомним, что данные курганы оставлены сельским населением и не содержат захоронений воинской элиты.

На раннесредневековом городском кладбище Плёса в одном из курганов чудом сохранилась, лишь слегка обгорев в огне, миниатюрная лодочка, вырезанная из сырого дерева специально для обряда похорон (рис. 25.2). Такая же, но из сосновой коры, была найдена при раскопках захоронения псковича XI века. По большому счёту, важен не размер, а сам знак: настоящее или символическое плавучее средство в захоронении у многих народов одинаково отражало идею пересечения умершим водной преграды для попадания в иной мир¹⁴.

Приведённый Ибн Фадланом эпизод разжигания погребального костра перекликается с обрядами финнов (с XI до XIX в.). В них соблюдаются особые правила проведения ритуала при соприкосновении с иным миром или его представителями (жрецами-волхвами)¹⁵: «Потом явился ближайший родственник умершего, взял палку и зажёг её у огня. Потом он пошёл, пятясь задом, — затылком к кораблю, а лицом к людям, [держа] зажжённую палку в одной руке, а другую свою руку на заднем проходе, будучи голым, — чтобы зажечь сложенное дерево»¹⁶.

Ничто не указывает и на одеяние увиденных Ибн Фадланом русов как на сугубо скандинавское. Плащом-накидкой с застёжкой у плеча верхневолжские финны пользовались задолго до появления здесь

варягов (подтверждением могут служить материалы вышеупомянутого Кочкинского могильника). А широкие шаровары, которые подвязывались у колен, были популярны у многих народов, вплоть до средневековой Японии. В анонимном персоязычном трактате конца Х века «Пределы мира от востока к западу» этот предмет одежды как раз связывали со страной русов, которая восточнее славян и севернее «незаселённого севера» (явно не Скандинавский полуостров): «Они шьют шаровары приблизительно из 100 гязов холста, которые надевают и заворачивают выше колена»¹⁷. То, что широкие шаровары носили мужчины Волго-Окского региона, подтверждает и изображение на браслете периода раннесредневековой Рязани (рис. 26).

В записях Ибн Фадлана неоднократно упоминаются женщины и девушки, родственницы торговцев-русов, что также противоречит сведениям об экспедициях викингов. На скандинавских кораблях в дальние края отправлялись обычно вооружённые мужчины, садившиеся каждый за своё весло. Согласно письменным источникам, они добывали богатства для оставленных дома женщин, для своих семей. Если же в булгарских землях создавались колонии иноземцев, то это были переселенцы с ближайших территорий (в частности с Верхневолжья), о чём свидетельствуют и археологические данные.

Очень характерен и такой эпизод в сказании Ибн Фадлана: купец-рус приезжает для торговли, желая продать привезённую им пушнину, и, принося жертву, просит богов послать ему богатого восточного купца с большим количеством серебряных дирхемов и денариев. Пушнину для оптовой продажи везли оттуда, где она добыва-

Рис. 26. Изображение воина на браслете периода раннесредневековой Рязани

лась (с берегов рек, из лесов): это был главный товар наших мест. И сами скандинавы, как свидетельствуют источники, с охотой переправляли из Руси пушнину «за море». Уместно вспомнить эпизод, как наёмники уговаривали Ярослава Мудрого расплатиться с ними не серебром, а пушниной (что было бы дешевле для Ярослава и выгодней для варягов). Таким образом, описанный Ибн Фадланом торговец явно не из викингов. Примечательно и то, что в связи с приездом этого купца Ибн Фадлан

упоминает специфическое платёжное средство русов: шкурки белок без шерсти — «мортки», как их называли в более поздних письменных источниках (в Скандинавии такого не было). Да и святилище, где купец совершал обряд жертвоприношения, имеет, по описанию, признаки финского.

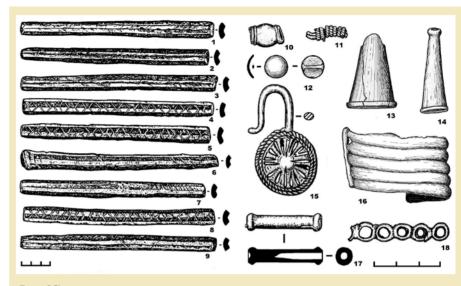
Итак, свидетельства Ибн Фадлана дают нам основание видеть в купцах-русах торговцев из наших верхневолжских земель, скорее всего, представителей финской родовой знати. А ближайшим и главным партнёром Булгарии в северо-западной торговле был сильный союз меря с центром в Ростове — в дальнейшем Ростово-Суздальская и Владимиро-Суздальская Русь, охватывавшая интересующий нас регион, восточную часть Волго-Клязьминского междуречья. В этой связи вновь можно вспомнить «реку русов» Ибн Хаукала. Такое определение звучит впечатляюще и не только указывает место обитания русов («по обоим берегам»), но и, по мнению Т.К. Калининой, отражает значительную роль их купцов в международной торговле во второй половине Х века. При этом исследовательница отмечает, что арабские источники, рассказывая о событиях в испанской Андалусии в 968—971 годах, не называли напавших норманнов «русами» 18.

На ранней стадии формирования Булгарского государства, его вхождения в систему волжской торговли и начала торговых контактов с соседями не могло не ощущаться доминирование более древних и сильных волжско-финских племенных центров, опорных пунктов формирующейся русской государственности. Как свидетельствуют

летописи, ещё в середине IX века сильно окрепшая в военном отношении мерянская цивилизация с центром в Ростове освободилась от варяжской дани, участвовала в кампании по изгнанию «варягов за море», а затем, возможно, и в междоусобных конфликтах накануне объединения в первое, северорусское, государство. Вероятно, меря (а также и мурома) в течение двух лет после известного акта приглашения скандинавских наёмников на службу (862 г.) были настолько уверены в своих силах, что отказывались от услуг варягов. В «Повести временных лет» они не упоминаются среди племён, просящих «наряда» (наёмных, «по ряду», полков), в результате чего Рюрик сел в Новгороде (центр словен новгородских), Синеус – на Белоозере (земли веси), Трувор – в Изборске (более позднее русское название крепости эстов). Только потом, в силу каких-то веских причин, меря и мурома всё-таки приняли на службу людей Рюрика и стали оплачивать их услуги¹⁹. Касаясь нашей темы, заметим, что эти сильные союзы племён ни в IX-X веках, ни в дальнейшем не находились в прямой зависимости от волжских булгар (как полагают некоторые исследователи), что, разумеется, накладывало отпечаток на характер торговых и культурных связей.

Арабские авторы по поводу формирования этих связей высказывались весьма радикально: «Что же касается Арса (Ростова и Ростовской земли. — П.Т.), то не упоминают, чтобы кто-нибудь входил в неё из чужеземцев, потому что они убивают каждого, кто ступит на их землю из иностранцев. И вот спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о своих делах и не позволяют никому сопровождать их... Привозят из Арса чёрных соболей и олово», — писал цитируемый выше ал-Истахри в начале X столетия²⁰.

Созвучие названий, а в целом и тождественность Ростова и Арсы (с чем мы полностью согласны) археологи могут подкрепить результатами своих изысканий. Мерянские торгово-ремесленные центры были теми перевалочными пунктами, через которые на Восток из Западной Европы доставлялись в больших объёмах по Волге и её притокам столь необходимые олово и свинец. Оловянные (или оловянисто-свинцовые) слитки, предназначенные к продаже, не раз находили в мерянских землях; местные ювелиры и сами щедро использовали ценное сырьё (в том числе в нашей восточной части Волго-Клязьминского междуречья). Крупнейшее из известных на сегодняшний день скопление товарных слитков найдено у западных границ Ивановской области, на городище Выжегша: 15 слитков-палочек серого металла (рис. 27.1-9), и рядом клад сасанидских драхм и арабских дирхемов первой половины IX века. Это красноречиво сви-

*Puc. 27.*Олово в виде слитков с городища Выжегша (1-9) (по А.Е. Леонтьеву) и оловянисто-свинцовые изделия (Алабужское городище) (10-18)

детельствует о причастности жителей мерянской крепости к международной транзитной торговле, активно развивавшейся ещё до объединения финских и балтских народов в раннее государство. Ещё более крупным международным торговым центром был расположенный неподалёку Ростов, где также среди археологических находок обнаружены слитки цветного металла. Характерный металлический брусок найден и при раскопках городища Попово (несколько выше устья Сунжи, к северу от Юрьевца)²¹. На местах обнаружения слитков отмечались следы ювелирных работ. Здесь, разумеется, в гораздо большем количестве использовались медные сплавы: отполированные и начищенные изделия из них имитировали золото. Но для получения таких сплавов необходимо было добавлять к меди олово или свинец, что обусловливало высокую востребованность последних как в Верхневолжье, так и у восточных соседей. Сплав же самих этих серых металлов имитировал серебро (такие изделия требовалось полировать и периодически начищать).

По свидетельству археологических источников на территории Ивановской области, многие мерянские ювелиры уже в конце I тысячелетия н.э. могли себе позволить без особой экономии расходовать металл не только восточного происхождения, но и поступавший с Запада. Наибольшее количество оловянисто-свинцовых изделий и

следов их изготовления обнаружено на Алабужском (Пеньковском) городище (рис. 27.10-18). Оно расположено на берегу Волги, большой водной магистрали, и потому могло быть в своё время, наряду с Ростовом и Выжегшей, не только ювелирным центром, но и одним из перевалочных пунктов оптовой торговли. Для сравнения: при проведении небольших раскопок Микшинского мерянского селища на Уводи (вдали от больших рек) не было найдено ни одного изделия из серого сплава, тогда как при открытии Никулинского селища на Волге (в районе Каменки) единственной индивидуальной находкой стал перстень, изготовленный именно из этого сплава.

Итак, на протяжении веков верхневолжские торговые посредники Булгарии обеспечивали своего партнёра западноевропейским металлом — причём в столь значительном количестве, что у волго-камских булгар он мог выполнять функцию весовых денег. «У них имеет хождение олово, каждые восемь багдадских маннов стоят динар, разрезают его на куски и покупают на него, что хотят из фруктов, хлеба и мяса», — свидетельствовал Абу Хамид ал-Гарнати²².

Возвращаясь к вопросу об организации волжской международной торговли, вновь укажем, что в первые десятилетия существования Булгарского государства условия в отношениях с сильными

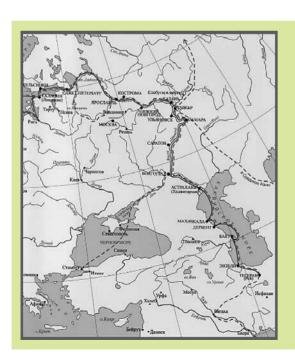

Рис. 28.
Великий Волжский путь.
История татар
с древнейших времён.
Волжская Булгария
и Великая Степь.
Казань, 2006

верхневолжскими партнёрами не были равными. Доминирование последних очевидно: в то время как мерянские земли, если верить ал-Истахри, для восточных торговцев были закрыты, сами финны (возможно, с поддержкой варяжских наёмников) не только доходили до булгарских центров, но и спускались ниже, в Хазарию. Ибн Хаукал, называвший Волгу «рекой русов», в 60-х годах X века писал, что «Булгар — город небольшой», хоть и важный порт, а хозяева реки ходили и дальше: «Конечный пункт торговли русов долгое время был в Хазаране, и [поступала] от них десятая доля их богатства»²³. Из письма хазарского царя Иосифа следует, что русы в его земли приходили (с торговлей), однако далее, к Каспийскому морю, он их якобы не пускал: «Я охраняю устье реки и не пускаю русов, приходящих на кораблях, проходить морем, чтобы идти на исмаильтян...» — писал Иосиф, видимо, в самый канун падения Хазарии в результате похода князя Святослава (965 г.)²⁴.

Неравные условия организации русско-булгарской торговли были сглажены лишь в начале XI века. Известный русский историк В.Н. Татищев по этому поводу писал: «Прислали болгары (в 1006 г. – П.Т.) послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что Владимир охотно соизволил. И дал им во все грады печати. Дабы они везде и всем вольно торговали, и русские купцы с печатьми от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения; а болгарам все их товары продавать во градах купцам, и от них купить, что потребно; а по селам не ездить (здесь, видимо, в тексте пропущена запятая. – $\Pi.T.$) тиунам, вирникам, огневщине и смердине не продавать и от них не купить». То есть, купец со Средней Волги теперь получал право на оптовую торговлю в городах – и тем самым был уравнен в правах с верхневолжским мерянином, который со своей пушниной спускался к устью Камы в булгарские центры. Вспомним, как в описании Ибн Фадлана торговец-рус просил своих богов послать ему состоятельного партнёра-оптовика с большим количеством серебра...

Дары Востока

Одним из самых главных товаров дальней международной торговли, который поступал через булгарские и русские перевалочные пункты с Востока в Западную Европу, было серебро. Некоторое представление о колоссальных объёмах его перевозки через Булгар

и Верхнюю Волгу в Западную Европу дают многочисленные клады VIII—XI веков — куфических, саманидских и аббасидских монет. Кладов в землях Владимиро-Суздальской Руси найдено свыше пятидесяти, причём количество монет в одном кладе порой достигало десятка тысяч. Дирхемы, чеканенные в Багдаде, могут свидетельствовать о торговых связях мерянских земель с Двуречьем, чеканка Тбилиси, Самарканда или Бухары — о связях с Закавказьем и Средней Азией. В районе Ростова и Переславля найдены даже афганские монеты раджей Кабула (этот город был крупным центром караванной торговли с Индией) с надписью на санскрите²⁵.

Посредниками в доставке выступали Хазария и Волжская Булгария. В свою очередь, их большой торг с Западной Европой был невозможен без верхневолжской Руси, имевшей с Западом самостоятельные контакты. Не надо забывать, что в обмен на пушнину в наш край приходили и европейские монеты (серебро, вероятно, из месторождения Рудные горы). В одних только «владимирских» курганах, по подсчётам А.С. Уварова, денариев (преимущественно германских) обнаружено 113²⁶. Хоть и в гораздо меньшем количестве, чем найденные здесь же дирхемы, они тоже вливались в общую евроазиатскую оборотную массу весового серебра X–XI веков.

С начала X века постепенно стало ощущаться и присутствие денег молодого Булгарского государства. «Болгарская чеканка, — писал Г.А. Фёдоров-Давыдов, — представляет аналогию чеканки древнерусских монет Киевской Руси. Выпуски также были очень малы по объёму и играли не экономическую, а политическую роль»²⁷. Собственный чекан булгарских правителей, таким образом, был призван способствовать подъёму их престижа, эмиссии действительно были небольшими, и в самой Булгарии найдено только четыре своих монеты. Большая часть известных на сегодняшний день таких находок происходит из Северо-Восточной Руси, Прибалтики, Скандинавии и Венгрии (всего свыше 600 экземпляров).

Рис. 29. Дирхемы булгарских правителей Мумина ибн аль-Хасана (1) и Микаила ибн Джафара (2)

Ранние монеты Волжской Булгарии копировали саманидские оригиналы, но на отдельных образцах хорошо просматривался знак правящего рода Джаффаридов (в виде перевёрнутой буквы «А» или, скорее, «юса малого» кириллического алфавита), восходящий к одной из тюркских рун (рис. 29.1). Самая древняя такая монета, найденная в Новгороде, отчеканена в 902-908 годах (правитель Алмуш, сын Шилки). Далее чеканка продолжалась в течение столетия и завершилась к 987 году вследствие истощения серебряных рудников стран Востока. Безмонетный период в стране длился до конца XII столетия – формально до появления медной монеты, чеканенной от имени халифа Насир лид-Дина, правившего в Багдаде в 1180–1225 годах. А в XI–XII веках, как и на Руси, в ходу здесь были, в небольшом количестве, денарии Западной Европы, подражания дирхемам и тем же денариям (примером может служить экземпляр из низкопробного серебра, найденный в Ага-Базаре в 1980 г.)²⁸. Для расчётов использовались также серый и жёлтый цветной металл (на вес), шкурки пушного зверя, восточные бусы и шиферные пряслица (округлые грузики из пирофиллитового сланца – розового шифера), для особо крупных платежей – серебряные гривны-слитки (рис. 30).

В период прихода восточных монет в Верхневолжский регион, преимущественно через Булгар, часть дирхемов оседала у местного населения – в виде средства уже внутреннего торгового оборота или же накоплений. Некоторые монеты (наряду с металлом в слитках) переплавлялись и использовались в ювелирном деле, сохранялись как детали-атрибуты костюма. В Ивановской области на финских поселениях, которые существовали до образования Булгарского государства (таких как Микшино), свидетельства использования монет пока отсутствуют. Тогда как, например, на Клочковском торгово-ремесленном поселении X – начала XII века в ходе исследований были встречены фрагменты дирхемов, а также гирьки для мелких взвешиваний²⁹.

Рис. 30. Весовое серебро. Булгария. Безмонетный период

49

Ценные сведения о торговле, монетах и серебре у мерян предоставлены А.С. Уваровым после его масштабных раскопок «владимирских» курганов. Проанализировав полученные материалы, он писал: «Преобладание восточных монет перед западными свидетельствует, что мерянская торговля с Востоком была оживлена более, чем торговля с Западом; при этом изобилие восточных монет, древнее XI века, показывает, что эти коммерческие сношения начались с Востоком гораздо ранее, чем торговля с Западною Европою»³⁰. Безусловно значимым для нас в свете исследуемой темы является тот факт, что среди дирхемов два были определены как булгарские. Один найден в Васильковской курганной группе. Другой – у села Кабанское, к западу от Гаврилова Посада; он отчеканен от имени Мумина бен Ахмеда, помещавшего на своих монетах знак рода Джаффаридов. Правитель Булгарии Мумин приходился внуком знаменитому Алмушу (Джафару), основателю самого северного исламского государства.

Активное участие родовой знати (а именно с ней в первую очередь можно связать курганы Суздальского ополья) в международной торговле подтверждается частым присутствием в погребениях весов и гирек для взвешивания серебра. Их находили, как писал А.С. Уваров, *«в одних только мужских могилах»*. Автор отмечал: «По-видимому, меряне щеголяли большею или меньшею роскошью карманных бронзовых весков и кожаного кошелька, в котором они носили их вместе с гирьками. Чашечки весков обводились внутри золочеными кружками, а в кошелёк продевались шитые золотом ремешки, или же украшали его бронзовыми пуговками»³¹. Миниатюрные весы («вески») постоянно требовались в ходе торговых операций, поскольку монеты были не все одинаковой массы. При необходимости их резали на части, и куски использовались в качестве довесков (рис. 31.1). У найденных в курганах весов и гирек имеются аналоги среди археологических материалов Булгарии, где они и изготавливались (рис. 31.2).

Как показывают раскопки А.С. Уварова, изрядная доля поступающих на Верхнюю Волгу серебряных монет (или гривен-слитков) переплавлялась для изготовления украшений, либо серебро приходило сюда из Булгара уже в виде дорогих ювелирных изделий. Автор писал: «Серебро и бронза, сколько можно судить по раскопкам, ценились мерянами почти одинаково. Они украшали себя предметами из того и другого металла, и часто у одного уха встречается серебряная серьга, а у другого — бронзовая. Мы даже нашли бронзовую серьгу, на которую были надеты серебряные шарики»³².

Свидетельства взвешивания монет: 1 — обрезок дирхема (довесок); 2 — булгарские весы с разновесками, аналогичные найденным во «владимирских» курганах. История татар с древнейших времён. Волжская Булгария и Великая Степь

Немало восточных серебряных монет оседало не только у мерянской родовой элиты, в дружинной среде, но и в семьях простых поселян, где они находили применение чаще всего среди украшений костюма. Дирхем, используемый в качестве подвески, найден в сельском мерянском кургане Семухинского могильника (верховья Тезы, Шуйский р-н)³³. Есть подобные и в материалах так называемых «костромских» сельских курганов, где не встречались ни оружие, ни торговый инструментарий, ни весомые украшения из серебра. Ф.Д. Нефёдов, проводивший раскопки на костромо-кинешемском отрезке Волги, исследовал 542 насыпи. Все они достаточно поздние и относятся преимущественно к второй половине XII – началу XIII века (что соответствует времени активного вхождения данной территории в сферу прямого патронажа владимиро-суздальской княжеской власти). И хотя эпоха ранних дирхемов давно кончилась, монеты хранились ещё с тех пор, когда местное население только начинало прямые торговые отношения с Булгарией по Волге.

Монеты в погребениях представляли собой элементы костюмного набора — подвески к ожерельям. На них сохранились либо специально приделанная петля, либо след крепежа, отверстие (рис. 29). Таковые встречены в 9 погребениях (преимущественно в районе Алабужского городища), и это были именно дирхемы: западноевропейские денарии, по свидетельству Е.А. Рябинина, в «костромских» курганах отсутствовали (в отличие от находок во «владимирских» курганах)³⁴. «Диргемы оказались битыми в разных

восточных городах, в эпоху от 875 до 987 г.», — писал Д.Н. Анучин. Отметим среди них один редкий, булгарский, чеканенный в Суваре в период с 945 по 950 год правителем Талибом ибн Ахмедом: этот дирхем был найден в кургане около Алабужского мерянского городища³⁵. Учитывая «уход» восточного серебра с погребёнными в течение трёх веков, а также расход его местными ювелирами, мы и здесь, в стороне от торговых центров Ростова и Суздаля, наблюдаем очень высокий уровень торговых связей с Булгаром, что подтверждается многими другими свидетельствами.

Мы уже писали о колоссальных объёмах поставок в мерянские земли по Волге медных сплавов, изделия из которых в обилии присутствовали в костюмах мери и муромы. С образованием Волжской Булгарии поставки ещё более увеличились. О.Н. Бадер весьма категорично, и не без оснований, заключил, что ввоз этого сырья стал основой деловых связей Руси с Булгаром. Не впадая в крайности, приведём, однако, новые археологические данные по нашему региону.

Как писал Е.П. Казаков, во второй половине Х века волжские булгары установили более тесные связи с финским племенным союзом мурома. На территории Ивановской области был найден крупный муромский археологический комплекс в среднем течении Тезы, у границ с мерянскими землями. Комплекс представлял собой обширное селище, примыкавшее к городищу «дьякова типа». Как раз с X столетия поселение начало активно разрастаться и развиваться как торгово-ремесленное, а крепость восстановилась в качестве городка-убежища. Раскопки Клочковского поселения (условно посада) выявили высокий уровень торговых связей с Булгарией, в том числе и поставки восточного ювелирного сырья. На его основе было налажено местное производство, оставившее характерные следы (в том числе инструментарий и выплески металла). Изделия создавались несложные, в художественном отношении непритязательные и рассчитанные на сбыт среди местного сельского населения. Однако производство было массовым – в первую очередь благодаря достаточному количеству сырья³⁶.

Ещё более впечатляющие сведения предоставили позднейшие материалы из раскопов мерянского Алабужского городища. При небольших (по сравнению с Клочковским поселением) размерах, база местного ювелирного дела использовалась с не меньшей интенсивностью и тоже была ориентирована на обслуживание округи. Кроме того, этот городок на Волге был довольно значимым перевалочным пунктом международной торговли, где наблюдалось изоби-

лие не только восточного жёлтого, но и западноевропейского серого металла. В X – первой половине XII века алабужские ювелиры перешли к массовому (ремесленному) производству изделий, о чём может свидетельствовать найденный на месте работ инструментарий. Во-первых, в работе стали использоваться более крупные тигли, рассчитанные на разлив металла в несколько формочек. Во-вторых, в одной из производственных точек (горн с заглублённым каналом для обеспечения процесса подачи воздуха) был найден большой тигель с особым подхватом: без отверстия для вдевания мокрого деревянного штыря, как в более ранних образцах (рис. 32). Это значит, что v мастера для работы с такими тиглями имелся специальный, и не дешёвый, рабочий инструмент: клещи. Теперь ювелирным производством занимались мужчины, профессионалы (ранее в изготовлении изделий могли участвовать женщины, создавая одноразовые модели из вощёных нитей). Свидетельством достаточного поступления через Булгарию медных сплавов могут служить найденные здесь же несколько обломков глиняной формы для отливки массивной гривны; фрагмент таковой (неудачная отливка?) также имеется в алабужской коллекции – как и другой производственный брак, полуфабрикаты, выплески и обрезки листового металла.

С развитием торговой активности мерянского и муромского сообщества, а затем и поднявшейся Волжской Булгарии восточный цветной металл начал поступать в наш регион в таких количествах, что

*Puc. 32.*Крупные тигли ремесленников-ювелиров Алабужского (Пеньковского) городища (нач. II тыс. н.э.)

перестал быть сырьём только для производства украшений, символов и вотивных (приносимых в дар божеству) атрибутов. Появились бронзовые бытовые принадлежности – даже в сельском быту. Примером может служить бронзовый рыболовный крючок из небольшой археологической коллекции Ванинского селища на реке Лух³⁷; ещё два похожих крючка найдены на Микшинском торгово-ремесленном поселении. Постепенно у рыбаков стали появляться массивные литые блёсны. Две обнаружены в домонгольском посаде Плёса, одна – на сельском поселении Стрелка (р. Лух, в 7 км ниже пос. Мыт). Автор раскопок Стрелки К.И. Комаров заметил, что, например, новгородские блёсны делались из железа и только покрывались медью. По его же информации, на указанном «славянском» поселении со значительными финскими признаками велись ювелирные работы, о чём свидетельствовали находки плавильных тиглей³⁸. Из медных сплавов также в Верхневолжье стали всё чаще делать швейные иглы: в отличие от железных, они не ржавели (ржавчина пачкает ткань). Такое изделие встречено при раскопках Клочковского поселения на реке Тезе³⁹.

И вновь нельзя обойти вниманием лабораторные исследования, проводимые И.Е. Зайцевой на основе материалов X-XIII веков с археологических памятников Суздальского ополья (включающего западные земли Ивановской области). Анализ состава цветного металла позволил сделать вывод, что местные литейщики в своей работе использовали те же сплавы, что и мастера Волжской Булгарии (а не Северо-Западной Руси, что на первый взгляд выглядело бы логичнее). «Синхронность динамики использования сплавов в Северо-Восточной Руси и в Волжской Болгарии выявляет одно из значительных направлений торгово-экономических контактов региона». Такой вывод сделала исследовательница, и её заключение не позволяет сомневаться в том, откуда поступала основная масса меди и медных сплавов в регион. Причём анализ находок из Шекшовского могильника показал, что *«развитие собственного ювелирного дела* обеспечивалось доступностью свежего сырья для местных масте*po*6≫⁴⁰.

Ещё одним товаром, который с появлением Булгарского государства стал массово завозиться в рассматриваемый регион, были стеклянные бусы. Разумеется, они приходили сюда и ранее, но в X–XI веках эти изделия Востока стали отличаться особенным разноцветьем, сложностью и разнообразием приёмов исполнения. Резко выросло и их количество (что соответствовало росту платёжеспособности населения процветающих меряно-муромских земель).

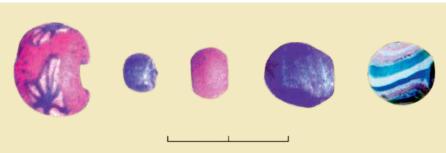

Рис. 33. Бусины из позднейших археологических наслоений Алабужского городища (XI – 1-я пол. XII в.)

Образцы некоторых покупок представляет алабужская археологическая коллекция (рис. 33). Восточные бусы прочно «вписались» в костюм женщин даже удалённых от центров торговли сельских поселений. Так, в верховьях Тезы при раскопках вышеупомянутых Семухинских курганов («с большой примесью мерянского элемента», как писала Е.Н. Ерофеева) кроме распространённых местных глиняных бус были найдены привозные стеклянные «позолоченные, датирующиеся концом XI — началом XII в. (курган 18), голубые и синие (курганы 9, 10, 21), обломки жёлтых бус зонной формы (курган 28), две половины чёрной бипирамидальной бусины (курган 23)»⁴¹.

Зонные бусы имели весьма причудливые произвольные очертания, поскольку производились способом навивания стеклянной нити на тонкий стержень. Это были уже русские и относительно дешёвые изделия, получившие распространение в основном с середины – второй половины XII столетия. Но что касается золочёных и других более ранних изделий восточного происхождения, то бусины приобретали поштучно (по свидетельству восточных авторов, некоторые по дирхему за штуку), нанизывали в ряд с бусами других цветов и с подвесками, а сберегали порой в течение столетия и дольше.

В этом отношении показательны материалы «костромских» курганов, располагавшихся на Волжском пути. М.Д. Полубояринова отмечает, что, например, импортируемые с Ближнего Востока «многочастные бусы с металлической прокладкой на Руси встречаются с X по начало XII в., а в Костромских курганах и до XIII в.», при том что «расцвет бус с металлической прокладкой – XI в.» ⁴². Всего же, по подсчётам Е.А. Рябинина, зонных (неопределённой формы) бусин предмонгольского времени изготовления здесь учтено 1586 штук, ранних импортных золочёных изделий – только 35 (при 15 погре-

бённых), а также 261 изделие других форм, цвета, декора и производства разных мастерских⁴³.

Значительная доля бус попала к нам в начальный период существования Волжской Булгарии, когда ближневосточные изделия поступали в основные центры международной торговли на Средней Волге (город Булгар, Семёновское и Измерское торгово-ремесленные поселения) в очень большом количестве и в X–XI веках признавались в качестве денежного эквивалента в торговле пушниной и другими товарами. Как выяснил Й. Херман, «некоторые типы бус ценились в XI в. наравне со шкуркой куницы, которая, в свою очередь, соответствовала 1 дирхему»⁴⁴. По свидетельству С.В. Валиулиной, находки восточных бус в вышеупомянутых центрах измеряются сотнями и тысячами штук⁴⁵. Далее большая часть их поступала в Верхневолжье и здесь, как уже отмечалось, в основном добавлялась к поштучно собираемому набору в женское ожерелье.

Немало доставленных из Булгарии и через Булгарию бус обнаружено в западной части Ивановской области. Найденные в раскопах Мало-Давыдовского городища изделия не отличаются сложностью в изготовлении и дороговизной. Бусины синие зонные двойные и жёлтая четырёхчастная X-XI веков соседствовали в камнях очага с обрезком дирхема 918-919 гг. 46 Городище было окружено «владимирскими» курганами, исследованными А.С. Уваровым. Среди них имелись насыпи с захоронениями состоятельной мерянской родовой знати, где уже встречались изделия более сложные и дорогие. Разнообразие этой категории находок исследователь представил в специально изданном альбоме (*табл. XXXV*, 17-55)⁴⁷. «Формы и рисунки мерянских бус до такой степени разнообразны, что почти в каждой могиле находимы были какие-нибудь новые узоры», – писал автор, упомянув, кроме стеклянных, изделия из сердолика, аметиста, сапфира, хрусталя и янтаря⁴⁸. Из них только янтарные можно безоговорочно связать с западными сырьевыми источниками, остальные изделия из самоцветов приходили с оптовых рынков Волжской Булгарии.

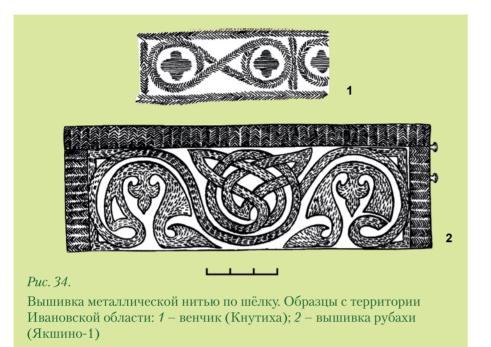
Тем же путём, через Булгарию, приходили разноцветные восточные бусы в верховья Уводи, к обитателям территории в границах современного г. Иванова. К сожалению, информация о них почти полностью утеряна, однако А.А. Спицын упомянул находки в Вознесенских курганах бус «позолоченных» (золотостеклянных, с прокладкой из драгоценной фольги) и сердоликовых⁴⁹. Такие изделия (в особенности из сердолика) недёшевы, но и жили здесь не только селяне. Судя по сведениям о большом «курганном поле», о скоплениях курганных групп, на берегу Уводи было обширное торгово-

ремесленное поселение («посад» при городище на месте нынешнего театрального комплекса у пл. Пушкина)⁵⁰. Обилие ювелирных изделий в погребениях указывает на состоятельность части жителей. А в целом такого рода поселения обычно при проведении регулярных раскопок предъявляют разнообразный бусинный материал X–XII веков.

Примером может служить ранее упомянутое обширное Клочковское селище на р. Тезе. Здесь найдены и золотостеклянные бусы, и «лимонки», «трубочки», многочастные стеклянные пронизки, розетковидные в сечении бусины. Правда, особо сложных в изготовлении, изысканно-дорогих находок нет, но это соответствовало спросу большинства жителей сельской округи. Из такого же синего стекла, что и клочковская розетковидная, сделана найденная на Микшинском селище квадратная в сечении бусина со срезанными углами⁵¹. Подобного рода несложные стеклянные изделия могли производиться массово на продажу в самих булгарских ремесленных центрах, вроде I Семёновского селища, что отмечал Е.П. Казаков⁵². Следует также принять во внимание, что Клочково, в отличие от Иванова, расположено на окраине племенных (муромских) территорий, и его материалы не содержат свидетельств проживания здесь представителей богатой родовой знати и военных.

Немаловажным восточным импортом в наши земли на протяжении всего периода раннего Средневековья следует считать дорогие ткани, что нам уже доводилось отмечать в специальных публикациях, посвящённых истории местного костюма⁵³. Пути, по которым они доставлялись в регион, также в большинстве случаев не миновали Волжской Булгарии – даже если это были ткани из Византии или арабской Испании. Образцы разноцветных шелков, зачастую с золотной вышивкой и с заметным восточным художественным влиянием, сохранились во «владимирских» курганах, но встречались и в некоторых сельских захоронениях региональной раннесредневековой глубинки (рис. 34). Местный покупательский спрос, видимо, удовлетворялся полностью, и вслед за Булгаром верхневолжские центры торговли также служили перевалочными пунктами отправки тканей далее, на северо-запад. Неслучайно в скандинавской среде так высоко котировались «гардские шапки»: их ценная меховая опушка могла сочетаться с верхом из дорогой ткани, произведённой на Востоке.

К большому сожалению, практически полное отсутствие письменных данных и недостаточный на сегодняшний день уровень археологической изученности Ивановской области не позволяют пред-

ставить весь спектр торговых связей региона с Волжской Булгарией в домонгольский период. Безусловно, сюда поступали восточные благовония и различные специи (в особенности перец), которыми пользовались состоятельные люди, в первую очередь семьи местного боярства. Доходили полудрагоценные поделочные камни и раковины каури (т.н. фарфоровые улитки, обитающие преимущественно в тропических морях). Вероятно, хорошо известны были тонкая, тщательно выделанная кожа «булгари» и булгарская керамическая посуда. А зерно, привозимое торговыми партнёрами в годы неурожая, помогало бороться с голодом.

Населению Волго-Окского междуречья были знакомы попадавшие сюда через Булгар «заморские» орехи и сухофрукты, чему доказательством служит, например, скорлупа миндального ореха, найденная в раскопах в Ростове⁵⁴. Безусловно, северяне издревле знали виноград, но преимущественно в виде дорогого лакомства — изюма. А потому вполне объяснима их реакция, когда они, придя войском в южный город Самандар (968—969 гг.), увидели перед собой обширные сады и виноградники. «Напали на них русы, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма», — заметил по этому поводу Ибн Хаукал.

Ещё раньше, в 943—944 годах, спустились русы по Волге и напали на город Барда'а. Событие это не нашло отражения в русских лето-

писях, видимо потому, что поход был организован только северными русами, без участия киевской власти. Ибн Мискавайх записал, что северяне «увлеклись фруктами, а там множество их сортов, и заболели. Началась у них эпидемия, так как в их стране сильный холод, не растёт в ней [фруктовое] дерево, а привозят к ним немного [фруктов] из стран, отдалённых от них». О том, откуда были эти русы, свидетельствует, среди прочего, интересная деталь в их описании — наличие амулетов в виде миниатюрных изображений ремесленных принадлежностей — «топора, пилы, молота и прочего» 55.

По всей вероятности, продолжение археологических исследований на территории Ивановской области позволит ещё пополнить и без того широкий перечень товаров, доставляемых сюда в эпоху раннего Средневековья благодаря тесным торговым связям нашего региона с Волжской Булгарией. Нами этот перечень тоже до конца пока не обозначен, далее в книге он будет раскрываться в процессе освещения темы культурного взаимодействия регионов и народов. Но необходимо остановиться и на потоке основных товаров, который шёл в обратном направлении по Волжскому пути и, достигнув земель главного восточного партнёра, далее расходился по обширнейшим землям от Византии и арабских стран до Индии и Китая.

Из кладовых Севера

Представим витрину товаров, которая была развёрнута Волжской Булгарией в сторону своих восточных торговых партнёров в конце Х века. Арабский географ Мухаммед аль-Мукаддаси не без восхищения приводит перечень этих богатств: «Соболь, белка, горностай, чернобурая лиса, лисы, бобровые шкуры, пёстрые зайцы, козьи шкуры, воск, стрелы, береста, шапки, китовый ус, рыбий зуб, бобровая струя, янтарь, выделанная кожа, мёд, лесные орехи, ястребы, мечи, панцири, кленовая древесина, славянские рабы, мелкий скот и быки — всё это из Булгара» ⁵⁶. Перечень, конечно, не полный. Отсутствуют, например, упомянутые выше олово и свинец, столь необходимые для превращения красной меди в подобие золота (бронзу). Не значится в нём и та важнейшая верхневолжская продукция, значение которой убедительно раскрыл Ю.А. Лимонов.

Уже в начале XII века, пишет он, в Закавказье было известно, что льняные одежды *«ценою каждая в золотую монету»* вывозятся из страны «русов». В несколько более поздние времена льняные

изделия из Руси ввозились в Индию и в качестве очень значимого, почётного дара жаловались индийской знатью своим подчинённым. А в 1221 году один из русских князей сделал дорогой подарок эмиру турок-сельджуков.

Приводя столь убедительные примеры, исследователь отмечает, что такой товар, как льняные ткани, «даёт возможность безошибочно определить место их изготовления: Владимиро-Суздальская, Новгородская и Смоленская земли. Действительно, в основном только эти области производили лён-долгунец, так как в силу природных условий на юге Руси эта культура почти не произрастала»⁵⁷. Надо ли удивляться тому, что в Ивановской области не раз в захоронениях людей разного социального статуса были отмечены остатки льняной одежды. Не могли не впечатлять, например, подобные находки на плёсском городском кладбище предмонгольского времени: одежда погребённых отличалась тонкостью нити и плотностью полотняного переплетения. В то же время в хозяйстве горожан отмечалось использование ткани из более толстых нитей (свидетельства из раскопок Плёсского раннесредневекового посада). Комбинирование нитей могло придавать изделию своеобразный рельефный рисуно κ^{58} .

Но даже грубые льняные ткани не могли не иметь ценности на восточном рынке, впрочем, как и на западном: стоит вспомнить корабли викингов «с гардской оснасткой»⁵⁹. Суда – речные или морские, северные или южные – нуждались в крепких парусах и канатах; последние делались из отходов обработки (очёсов) льна-долгунца.

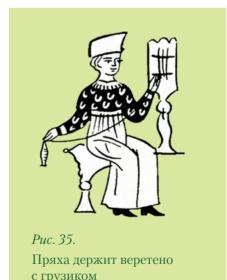
Ю.А. Лимонов отметил ещё одну, едва ли не самую важную особенность экспорта льна из нашего региона. Речь идёт о вывозе не тканей, а пряжи. Следует вдуматься в написанное исследователем: «В Средние века вся золототканая промышленность Средней Азии, Индии, Персии, Среднего Востока, Ближнего Востока, Египта, Малой Азии, Византии, Италии не могла существовать без льна. Основа для золотой нити была льняной. Именно на неё накручивалось покрытие золотой амальгамы или тонких позолоченных лент серебра <...>. Лён для Владимиро-Суздальской Руси, Новгорода и Пскова в Средние века был примерно тем, чем был янтарь для Прибалтики в античнию эпоху 60 .

Разумеется, археологам есть что добавить к письменным свидетельствам. Прежде всего, приведённые Ю.А. Лимоновым данные касаются не только периода прочного утверждения Владимиро-Суздальского княжества, но и значительно более ранних времён. Выращивание льна было распространено в догосударственный, раннефинский период. Отпечатки ткани на поверхности гончарных изделий можно в изобилии встретить в каждом памятнике дья-

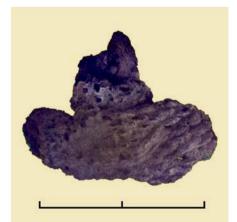
ковской археологической культуры (такие как городище Лукино, Клочково, Петрово-Городище, Сахтышское и Никулинское селища в Ивановской области - с находками времён, предшествовавших рубежу нашей эры). Убедительные доказательства занятий ткачеством предъявляют материалы более поздних финских поселений и могильников Ивановского края.

Самый древний из найденных в области фрагментов ткани сохранился среди металлических изделий в упомянутом «алабужском кладе» V–VI веков н.э. (рис. 36). Следует уточнить, что клад представлял собой строительную жертву в основание нового оборонительного вала крепости: льняное платье вместе с многочисленными металлическими деталями сложного ритуального костюма было положено на горячие угли жертвенного костра и сразу же забросано землёй. Не сгоревший, но обугленный кусочек дал представление о ткани: она была довольно плотной и толстой, саржевого переплетения (уточная нить перекрывает две основные и проходит под одной).

На ранее упоминавшемся Кочкинском могильнике конца VII – начала VIII века в отдельных комплексах найдены образцы и шерстяных, и льняных тканей. В одном мужском погребении сохранились остатки верхней распашной одежды из грубого льна, в женском онучи из такого же материала⁶¹. Разумеется, подобная грубая ткань ткалась женщинами на домашнем вертикальном ткацком станке и

с грузиком

Puc. 36. Сохранившийся фрагмент одежды из «алабужского клада»

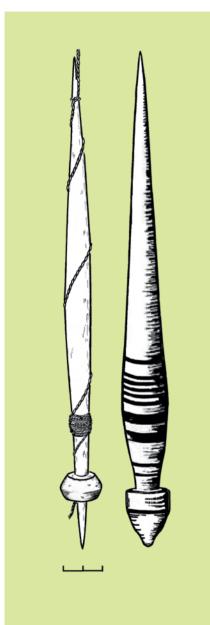

Рис. 37. Средневековое веретено с пряслицем (слева) и современное с утяжеляющим утолщением на конце

предназначалась прежде всего для обшивания членов семьи. А что касается поставок за рубеж, то не было ещё в эти времена на Средней Волге тех торговых площадок, той «витрины», что появилась позже, с образованием Волжской Булгарии. Именно последняя дала толчок более активному возделыванию льна и производству из него массовой товарной продукции.

процессе проводимых исследований нас всегда несколько озадачивал «феномен пряслица» в раннесредневековых древностях Верхнего Поволжья и всей Северной Руси. Пряслице – это грузик для веретена, на которое женщина сматывала нить в процессе прядения. Древние веретёна, в отличие от фабричных изделий ХХ века, изготавливались без утолщениягрузика у нижнего края и без смещения к нему центра тяжести всего приспособления. Средневековый вариант представлял собой палочку сигарообразной формы длиной 25-30 см и толщиной до 1,4 см, с двумя заострёнными концами и максимальным утолщением в центральной части. На нижний конец веретена надевалось пряслице, которое при сматывании готовой нити усиливало вращательный эффект, а в процессе сучения пряжи, когда веретено висело на петле, придавало ему устойчивое вертикальное положение (рис. 37).

Таких археологических находок много и на местах поселений, и зачастую в погребениях. В Кочкинском могильнике, например, они встречаются не только в женских, но и в мужских захоронениях — в засыпке могильных ям, вместе с другими предметами, имевшими сакральное значение в погребальном обряде. Отмечена в финских древностях и следующая особенность: в ранних слоях с сетчатой керамикой пряслица обычно массивные, достаточно тяжёлые, рассчитанные на большие веретёна, которые применялись для прядения шерсти (поселение Холодная гора, Клочковское и Алабужское городища). Довольно крупные веретённые грузики из Кочкино, как и подобного рода изделия предбулгарского периода с Болгарского городища и окрестных селищ. Они, вероятнее всего, также использовались в процессе прядения шерсти⁶².

В культурных отложениях начиная с рубежа I–II тысячелетий н.э. крупных пряслиц уже значительно меньше, подавляющее большинство составляют относительно лёгкие и миниатюрные, предназначенные для крепления на маленьких веретёнах, на которых пряли тонкую нить (рис. 38). В плёсских материалах большинство веретённых грузиков изготовлено из обломков керамической, относительно тонкостенной посуды (рис. 38.5-6). Найденные каменные пряслица

тоже маленьких размеров (рис. 38.4), изготовленные из позвонков рыб (их найдено всего два) — лёгкие. Множество таких находок свидетельствует в пользу того, что и в сёлах, и в городах женщины старались напрясть как можно больше льна, и пряжа была очень востребованной продукцией.

В Новгороде, где, в отличие от Плёса, почва хорошо сохраняет органику, обнаружено множество инструментов для первичной обработки сырья (гребни, трепала...) и более 800 веретён. А пряслиц насчитывается свыше 2,5 тысяч! Льна-долгунца и здесь было достаточно, поэтому пряли, по заключению Б.А. Колчина, в каждом доме. Однако деталей от ткацкого станка (уже усовершенствованного, горизонтального) удалось собрать всего несколько десятков, причём, как правило, группами, в местах, где жили и работали мужчины-ткачи. Вполне очевидно, что к концу раннего Средневековья ткачество повсеместно стало городским ремеслом и отделилось от прядения, которое столетиями оставалось домашним занятием женщин, горожанок и селянок⁶³.

Следует также отметить заметную разницу, которую демонстрируют пряслица из археологических коллекций Булгарии и Верхней Волги. Прежде всего, это разница количественная, и, конечно, она в пользу территорий обработки льна-долгунца. И ещё что очень важно: изделия различаются по материалу, из которого изготовлены, и по назначению. В Булгарии непропорционально много пряслиц шиферных, привозимых сюда с каменоломен Волыни и выполнявших, по мнению многих историков, функцию денег, особенно в безмонетный период, на что мы указывали ранее (рис. 39). В раскопах нашего

региона изделий из шифера не так много, но они тоже встречаются, в том числе в Плёсе, куда волынский камень поступал, согласно археологическим свидетельствам, даже в виде кусков сырья. Однако, в отличие от Средней Волги, здесь пряслица не так часто применялись в качестве платёжного средства. Для проведения торговых операций имелась в достаточном количестве местная пушнина, и потому шиферные веретённые грузики скорее использовались по прямому назначению и с благодарностью принимались женщинами и девушками в качестве подарков (о чём свидетельствуют встречающиеся на грузиках дарственные надписи и начертанные знаки с особым, вероятно, магическим смыслом).

На потребность в «мягком золоте» указывало большинство восточных авторов. Вслед за Ф.Ш. Хузиным процитируем Ибн Русте: «Хазары ведут торг с болгарами; равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них (т.е. русов), которые живут по обоим берегам помянутой реки (Волги) везут к ним (т.е. болгарам) товары свои, как-то: меха собольи, горностаевы, беличьи и другие». Ал-Балхи сообщал: «То, что вывозят из Хазарии, как-то: мёд и воск, привозится к ним из земли русов и болгар. Таким же образом меха бобровые, вывозимые (из Хазарии) в различные страны, находят только в тех реках, которые текут в странах Болгара, Руси и Куяба, и кроме того их нигде не найдёшь, сколько мне известно» 65.

Разумеется, меха вывозились не только на Восток. О великом искушении жителей Западной Европы писал во второй половине XI века немецкий клирик и хронист Адам Бременский: «На нашу, сда-ётся, погибель $< ... > \kappa$ куньему кафтану стремимся всеми правдами и неправдами, словно к высшему блаженству 66 . (Заметим попутно, что это снимает все вопросы по поводу масштабов ввоза с европейских рудников на Русь, а через Русь в Булгарию олова и свинца.)

Можно с уверенностью констатировать, что в массе разнообразных ценных мехов, доставляемых в Волжскую Булгарию по Оке и Волге, немалую долю составляла пушнина, добываемая на территории современной Ивановской области. Об этом свидетельствуют ещё археологические памятники эпохи неолита. Как уже отмечалось ранее, меновая торговля в каменном веке давала возможность нашим предкам украшать одежду изделиями из прибалтийского янтаря

65

Мало что изменилось в пушном промысле региона и много лет спустя, в эпоху расцвета меряно-муромских земель. Восточная торговля по Волжскому пути требовала массы пушнины, и добыча её не прерывалась. Так, среди костей диких животных, найденных на Микшинском селище, особенно много костей бобра и куницы (преимущественно черепа и нижние челюсти). Среди находок присутствовали также подвески из клыков хищных зверей (лисы и др.) и таранной кости бобра. Обнаружены они и в более поздних мерян-

ских курганах, исследованных А.С. Уваровым, о чём свидетельствуют публикации в его атласе⁶⁷. Следы охотничьих культов отмечены также в раскопах Алабужского (Пеньковского) городища, здесь же найден костяной цилиндрический наконечник стрелы (томар).

К торговле пушниной безусловно имел отношение и пришедший на смену Алабужскому городку новый региональный центр — раннесредневековый город Плёс. В одном из раскопов на территории Плёсской крепости найден обломок свинцовой пломбы (рис. 41). Такими плом-

Рис. 41.
Пломба, скреплявшая связку шкурок пушного зверя.
Плёсская крепость

бами обычно опечатывали связки шкурок пушного зверя. Точная датировка находки, к сожалению, невозможна. Мы не настаиваем на том, что в отложения XV века пломба могла попасть из потревоженных в древности более ранних слоёв, а просто констатируем продолжение древних традиций пушного промысла в регионе, что, впрочем, находит подтверждение и в письменных источниках XVI столетия⁶⁸.

На территории Ивановской области свинцовая пломба чуть больших размеров найдена в бассейне Тезы (в верховьях, на реке Вондыге). Изображения на обеих сторонах позволили авторам открытия отнести её к первой трети XIII столетия и связать с канцелярией Владимиро-Суздальской епархии. Но обстоятельства обнаружения находки — в сельской местности региона христианство даже в городах ещё только пыталось утвердиться — не позволяют согласиться с мнением авторов публикации о назначении предмета. Печать не сопровождала какое-либо письменное послание в провинцию (на территории края ещё не было монастырей). На наш взгляд, символизируя одну из ветвей центральной власти, она могла «легализовать» связку шкурок, то есть иметь отношение к добыче и продаже пушнины, к хождению «пушных денег» в безмонетный период⁶⁹.

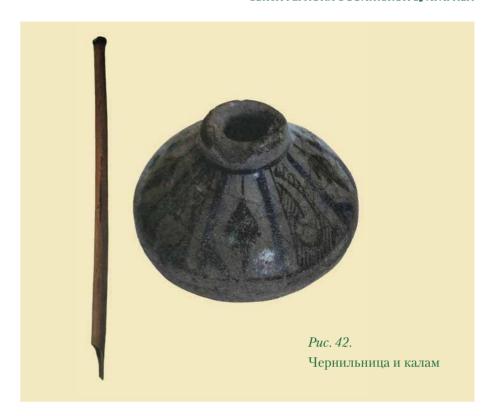
Добываемая в регионе пушнина, возможно, использовалась для изготовления такой популярной товарной продукции, как продаваемые в Булгарии шапки (тоже фигурирующие в списке аль-Мукаддаси). Их вряд ли изготавливали в Среднем Поволжье, поскольку

тёплые головные уборы, отороченные мехом, были также хорошо известны в Скандинавии (под названием «гардская шапка»), да и многочисленное население обширных русских земель носило такие шапки в холодное время года (см. записи Ибн Фадлана). Обладание жителем Скандинавии «гардской шапкой» в древних источниках отмечалось особо, как, например, в «Саге о людях из Лососьей долины»: «Хёскульд вошёл в шатёр и увидел, что перед ним сидит человек в одеянии из великоленной ткани и с русской шапкой на голове... Его называли самым богатым из торговых людей» 70. А в «Саге о Ньяле» примечателен эпизод, из которого следует, что такой шапкой не брезговал сам датский конунг Харальд: «...конунг подарил ему одежду со своего плеча, расшитые золотом рукавицы, повязку на лоб с золотой тесьмой и меховую шапку из Гардарики» 71.

В составленном Мухаммедом аль-Мукаддаси списке булгарского товарного изобилия мы указываем ещё одну позицию, напрямую связанную с охотничьей специализацией нашего края. Это бобровая струя. Наряду с бобровым мехом продукт как бы попутный, но ценился на Востоке очень высоко. По средневековым представлениям, бобровая струя обладала «волшебными» лечебными свойствами.

В том же списке фигурирует береста, которая могла заготавливаться в Волго-Окском регионе как для собственных нужд, так и для продажи на Восток. В регионе она широко применялась начиная с эпохи камня вплоть до XX столетия, когда накануне Второй мировой войны лапоть (лыковый и берестяной) оставался ещё едва ли не главной обувью советской деревни. Средневековое Алабужское городище сохранило среди артефактов раскрой обработанной бересты, остатки сделанных из неё кузовов и основу костюмного головного венчика, Плёсское городище — облицовку погреба, а курганы региона — остатки деталей костюмов (подкладки-основы воротов и головных уборов). Главное, жители региона умели хорошо обрабатывать бересту, и в таком виде её можно было использовать для письма.

Свидетельства ведения документации на бересте, гораздо более дешёвой по сравнению с бумагой, используемой в делопроизводстве восточных государств, известны исследователям татарской истории. Следует, однако, заметить, что буквы на поверхность материала наносились отнюдь не заострёнными стержнями, которые в литературе порой трактуются как «писала». Такие изделия из железа или кости, найденные в Булгарии, по стилю оформления напоминают находки с раскопов Плёсской крепости, в частности артефакт из отложений на месте оборонительных валов — иглу для вытягивания трута из

фитильной трубки (в составе походного набора огнива). К «писалам» ошибочно относят и прядильные булавки⁷². Однако острыми концами можно процарапывать на бересте угловатые руноподобные кириллические буквы. В арабском же письме много закруглений, а так как на бересте волокна идут в одну сторону, под остриём они легко рвутся. Поэтому для письма использовались чернила и сделанные из длинных птичьих костей «перья» (каламы), которые имеются среди археологических находок в средневолжских городах (рис. 42). Заметим, что и на Руси, начиная с эпохи развитого Средневековья и с распространением скорописи, по бересте чаще писали чернилами.

Следующую важную статью верхневолжского экспорта назвал ал-Балхи: мёд и воск. Безусловно, лесные угодья в пределах нынешней Ивановской области не могли не быть богатым источником этих двух ценных продуктов, равно как и мордовские, марийские и собственно булгарские леса. Использование домашних ульев в нашем регионе документально фиксируется только в XVI веке, но и тогда основными добытчиками мёда и воска оставались бортники. А одним из важнейших их инструментов был специальный топор с

удлинённой узкой рабочей частью: подобные отмечены в курганных древностях в районе Кинешмы. Кстати, вывозимый через Булгарию воск был не менее важным продуктом, чем мёд: в перечне импорта у аль-Мукаддаси он упоминается отдельно. Кроме изготовления свечей, воск использовался в столь развитом на Востоке, с его источниками цветного металла, ювелирном деле.

В упомянутый перечень входят также следующие статьи промежуточного экспорта: китовый ус, рыбий зуб, янтарь, мечи, панцири. Отсутствуют олово и свинец, добротные шерстяные ткани, но приход и такого западноевропейского товара по цепочке международных торговых связей находит историческое подтверждение. Многие товары на Руси сначала концентрировались в Новгороде, оттуда поступали в верхневолжские международные центры торговли и уж затем через наш регион (двумя путями, окским и волжским) уходили в Булгар.

Торговые пути и военные дороги

Отлаженная многоступенчатая система международных торговых связей со времён образования Волжской Булгарии не раз прерывалась чрезвычайными событиями, прежде всего войнами. Инициаторами их с обеих сторон выступали правители, зачастую вопреки интересам населения, которое как раз и было основным участником торговых отношений и главным двигателем их развития.

В эпоху раннего Средневековья западная часть современной Ивановской области вошла в состав Ростово-Суздальских земель, и политика княжеской власти, безусловно, отражалась на отлаженных отношениях региона с восточным соседом и главным торговым партнёром. Основоположником местной княжеской династии стал Юрий Долгорукий (1091–1154). Будучи малолетним, он поначалу не мог самостоятельно управлять и влиять на устоявшиеся порядки. Как справедливо замечает Ю.А. Лимонов, в регионе существовали сильные общественные институты: «жители городов и местные феодалы были организованы по территориальному признаку», сообща решали вопросы войны и мира⁷³. От себя добавим: как в 60-х годах IX века племенной союз меря принял по договору на службу Рюрика с его военным «нарядом», так и в данном случае сын Мономаха, Рюрикович Юрий, был принят с согласия населения региона, где имелось, между прочим, своё сильное ополчение. Следует вспомнить, что ещё

в 1007 году, когда войско волжских булгар осадило Суздаль, горожане (то самое ополчение) «из града исшедше, всех избиша». Признанием силы мерянского сообщества стало и то, что даже «Русская правда» (общий свод законов Киевской Руси) была адаптирована к местным реалиям.

По мнению Ю.А. Лимонова, с конца XI века Ростово-Суздальская земля полностью попала в сферу влияния Мономаховичей, что было официально подтверждено на Любечском съезде князей в 1097 году. И в отношениях русской княжеской власти с правителями соседнего Булгарского государства всё чаще случался разлад. После вышеупомянутого похода булгар на Суздаль к 1008 году киевский князь Владимир Мономах, осваивая стратегически важный регион, достроил хорошо укреплённый город Владимир, а своего 16-летнего сына женил на дочери половецкого хана Аепы. Брачный союз с соперником Булгара был, безусловно, политическим. И когда в 1117 году искавший мира с правителями Волжской Булгарии Аепа был ими отравлен на «мирной встрече», конфликт усугубился. Через три года повзрослевший правитель Юрий Долгорукий, как гласит Типографская летопись конца двадцатых годов XVI века, «ходи на Болгары по Волзе и полонъ многъ взя и полкъ ихъ победи»⁷⁴.

По мере взросления Юрий стал требовать от местной племенной (мерянской) знати вассальной службы. Знать упорствовала, и в противовес ей князь начал создавать наёмные иноплеменные дружины, состоявшие преимущественно из мордвы и волжских булгар⁷⁵. Этими зависимыми людьми он в первую очередь заселял новые, основанные им города-крепости на наиболее важных речных путях.

Древнейшим городом Ивановской области на сегодняшний день является г. Плёс на Волге, однако в нём отсутствуют археологические свидетельства осуществления такой политики. Полученные при раскопках данные, в совокупности с летописным упоминанием, датированным 1141 годом, указывают на образование крепости и посада около середины XII столетия. Исследования древнейшего городского кладбища (Холодная гора) выявили первые захоронения, и — да, это были погребения переселенцев. Но только не иноплеменников, а выходцев из мерянской среды, из Суздальских земель. В дальнейшем же, как свидетельствуют археологические источники из раскопов, город прирастал в первую очередь окрестным населением, и вскоре «на Плесу» уже безусловно доминировал местный мерянский стиль жизни — в том числе и в дружинной среде. Мы могли бы, в свете нашей темы, указать всего лишь на один ранне-

средневековый булгарский артефакт в крепости, но он относится не к XII веку, а к последним годам накануне монгольского нашествия (о чём подробнее будет сказано ниже). О множестве булгарских находок на месте раннесредневекового посада, просуществовавшего до нашествия около ста лет, также разговор отдельный.

Нет сомнений, что князь Юрий разглядел ту торговую «золотую жилу», которая обогащала местную племенную верхушку и в целом население региона. С этим мы можем связать его попытки демонстрации силы, резкие выпады в сторону Волжской Булгарии. Было бы преувеличением вслед за В.А. Галкиным заявлять о стремлении Юрия «захватить оба конца водного торгового пути, то есть Нов $zopod\ u\ Булгарское\ царство»^{76}$. Новгороду, после удачной битвы на Жданой горе в 1135 году, он сумел на какое-то время навязать на княжение своего сына Ростислава, тогда как после победы над булгарским войском в 1120 году просто вернулся восвояси, довольствуясь добычей и продемонстрировав свою силу. На завоевание и прямое управление двумя крепкими государственными образованиями Юрий, разумеется, не мог рассчитывать. Но в целом князь добился желаемого – утвердил себя в качестве основного распорядителя важного отрезка большого международного торгового пути. И кроме новых источиков личного обогащения получил дополнительный рычаг во взаимоотношениях с местной родовой знатью. А также возможность постоянного силового давления на Новгород, очень зависевший от подвоза хлеба с «низа»: теперь в отношениях с Новгородом князь мог использовать «такое подсобное средство, как закрытие торговых дорог (в 1147 г.)» 77 .

Свои коррективы в преимущественно спокойные и взаимовыгодные отношения время от времени вносили и булгарские правители, столь же воинственные и падкие на военную добычу, как русские князья, и так же зачастую пренебрегавшие интересами мирного населения своих земель. В 1152 году, пользуясь поражением князя Юрия Долгорукого на юге и временным его отсутствием в регионе, они вновь напали на верхневолжские земли, пройдя по воде «северной Волгой» (современные Ивановская и Костромская области) к Ярославлю.

Вероятно, в данном случае их целью был именно Ярославль, поскольку следов разорения раскопками не прослежено ни в создаваемом в эти годы Плёсе (ещё не накопившем богатств), ни в его предшественнике, Алабужском городке (слишком маленькая потенциальная добыча). К Ярославлю войско шло ускоренными темпами («без вести»), стараясь нигде не задерживаться. Как повествует

Типографская летопись, «и оступиша градокъ в лодиях, бе бо маль градокъ, и изнемогаху людие въ граде гладом и жажею, и не бе лзе никомоу же изити изъ града и дати весть Ростовцемъ. Единъ же оуноша отъ людей Ярославских нощию исшедъ изъ града, перебредъ рекоу, вборзе доеха Ростова и сказа имъ Болгары пришедша. Ростовцы же пришедша победиша Болгары»⁷⁸.

После спасения Ярославля сильным ростовским ополчением ответного похода не последовало, однако власти вновь озаботились вопросами безопасности земель, в связи с чем в Северо-Восточной Руси были заложены новые крепости и усилены старые. Ведь, как писал Ю.А. Лимонов, опасность со стороны Булгарии «висела над Владимиро-Суздальской землёй на всём протяжении её существования» несмотря на прочные торговые контакты⁷⁹.

Андрей Боголюбский, начав править в Суздале (1157 г.), отличился откровенно агрессивной политикой в отношении восточного соседа. Не желая учитывать налаженные торговые связи и экономические интересы жителей региона, он вёл себя исходя из древнего понимания, что князь прежде всего — «ремеслом воин». Князья грабили, когда позволяли обстоятельства, ходили за добычей, боролись «за дани», завоёвывая новые территории. «Суздальский самовластец», как называл Андрея историк В.Н. Татищев, сумел подчинить себе Муром и Рязань и, кроме суздальско-владимирских, привлёк их силы к организации походов на Волжскую Булгарию.

Поход 1164 года увенчался успехом. Русские войска, пройдя по Клязьме и Оке и постепенно собирая силы, вышли к устью Камы, где произошло сражение с булгарским войском. Последнее было разбито, и добычей русских дружин стали имущество и жители (взятые в полон) как минимум четырёх городов. Ценной составляющей общей добычи могло быть зерно, сильно выросшее в цене, поскольку, как заметил К.А. Руденко, 1163 и 1164 годы для Руси из-за капризов погоды были «голодными» 80.

Не будь войны, зерно могло прийти от торгового партнёра обычным путём. Но в виде военной добычи оно, вероятно, вышло на рынок уже по другой цене, а выручка от продажи оказалась в распоряжении Андрея. Это не прибавило популярности князю, к тому времени самостоятельно принимавшему решения об организации походов.

Особенно сильно и довольно скоро популярность Андрея Боголюбского упала в Суздальских и Ростовских землях, куда входили западная и юго-западная части нашего региона. Последние археологические данные указывают на их давнюю заселённость, большую

плотность населённых пунктов и богатство обитателей. А высокую степень вооружённости демонстрируют материалы раскопок от времён графа А.С. Уварова до сего дня. Всё свидетельствует о том, что земли эти были изначально связаны с местной родовой знатью, которая не могла не пользоваться возможностью приращивать свои богатства за счёт восточной торговли.

Силу и влияние знати признавал отец Андрея, Юрий Долгорукий, приближая её по возможности к себе и стараясь избегать открытых конфликтов. Андрей же практически сразу предпочёл конфронтацию. В противовес старейшим вечевым городам региона, Ростову и Суздалю, он избрал опорой молодой город Владимир (где, впрочем, быстро набирало силу местное самоуправление, так что строительство личного замка Боголюбово, в стороне от вечевого центра, нельзя назвать чем-то неожиданным). Главную военную силу и опору князь видел в своей дружине, изгнав с насиженных мест бывших больших бояр («передних мужей») своего отца. Но, как справедливо заключил Ю.А. Лимонов, «князь-"самовластец", "единодержавец" – в эпоху расцвета феодальной усобицы это нонсенс. Причём нонсенс опасный, который мог привести автора или носителя подобной идеи к политическому краху и даже физическому уничтожению». Так и случилось. «Ростово-суздальское боярство было основной, решающей силой в уничтожении этой политики и её главного вдохновителя и органи*затора≫*⁸¹.

Символично, что последней каплей недовольства населения и его лидеров стал очередной удар по нормальным, мирным отношениям с основным торговым партнёром – Волжской Булгарией. Речь идёт о походе 1172 года. Опираясь на данные русских летописей, Ю.А. Лимонов пишет, что распоряжение князя о сборах войска вызвало откровенное недовольство. Поводом для него назвали суровую зиму: *«бысть не люб путь всем людем сим, зане непогодье се* зиме воевати Болгар». Полк же Владимиро-Суздальских земель, возглавляемый местными феодалами, откровенно саботировал приказ Андрея (он «идучи не идяху»). Что неудивительно, ведь предводитель ростовского боярства (и будущий организатор заговора) Борис Жидиславич «воевода бе в то время и наряд весь держаше». Он сделал всё, чтобы сорвать поход, сулящий серьёзный разлад во взаимовыгодных отношениях суздальцев и ростовчан с важным восточным партнёром. Боярин не привёл вовремя войско в назначенное место встречи с сыном князя Андрея – Мстиславом. Последний, прождав две недели, решил всё-таки перейти границу и напасть на булгар⁸². Было разграблено 6 сёл и один город. Но всё едва не закончилось для

Puc. 43. Убийство боярами князя Андрея Боголюбского. Жена, «булгарка родом», держит отрубленную руку князя. Миниатюра Радзивилловской летописи

Мстислава катастрофой: булгары быстро собрали войско, и только счастливая случайность спасла агрессоров от встречи с более сильным противником.

В связи с враждебными действиями Андрея Боголюбского в отношении Волжской Булгарии и нарушением столь важных и взаимовыгодных торгово-экономических связей (в чём мы видим одну из самых веских причин гибели князя) может возникнуть вопрос: как всё это увязывалось с тем фактом, что, по мнению некоторых летописцев, женой Андрея была булгарка родом? Тверская летопись прямо указывает, что это княгиня «научила» бояр-убийц, мстя мужу за то, что князь великий *«много воева»* Булгарскую землю, *«и сына посыла, и много зла учени Болгаром»*, то есть за разорение и поругание своей родины.

Нам и ранее приходилось убеждаться в том, что Тверская летопись XVI века, включающая значительные фрагменты тверского летописания конца XIV - конца XV века, демонстрирует плохую осведомлённость в делах города Владимира, а затем и Москвы. Здесь мы, кажется, сталкиваемся именно с таким случаем и предлагаем принять во внимание источники, утверждающие, что жена Андрея на самом деле была «ясыня». Булгаровед Р.Х. Бариев пишет, что надо отказаться от отождествления алан и ясов (асов). Исследователь

аргументированно предлагает видеть в ясах (асах) «булгар, которые заселили после распада Великой Болгарии весь бассейн реки Дон с Северным Донцом». То есть князь Андрей мог взять в жёны булгарку не с нижнего Прикамья, а с Придонья. Разумеется, при таком раскладе его ничто не удерживало от рыцарского соблазна лишний раз обогатиться за счёт ограбления богатого соседа — вопреки задачам умного и дальновидного правителя больших земель и даже вопреки простому чувству самосохранения. Так что прав был В.А. Кучкин: убийство Боголюбского случилось «не без связи с восточной политикой этого князя» 83.

Конец XII и начало XIII века стали временем наивысшего подъёма как Владимиро-Суздальской Руси, так и Волжской Булгарии. Случилось это во многом благодаря укреплению их позиций на международном торговом пути, который, напомним, включал водные маршруты на юге, севере и востоке современной Ивановской области и питал своими благами её древнее население. Конечно, и в эти времена не обходилось без актов обоюдной военной агрессии, но в их констатации русские летописцы стали уделять внимание улаживанию на уровне властей проблем международных торговых отношений.

Главной причиной больших и малых конфликтов между двумя государствами становилась обоюдная экспансия на разделяющие их земли, изначально волжско-финские: мордовские и марийские, прилегающие к восточной и юго-восточной границе современной Ивановской области. Ещё при Андрее Боголюбском русской стороной были укреплены подходы к Владимиру по Оке-Клязьме (Гороховец, Боголюбово); на Волге был построен Городец, а в дальнейшем Нижний Новгород, Юрьевец. Как Русь, так и Булгария старались привлечь на свою сторону раздираемую противоречиями мордву и участвовали в междоусобицах местной родоплеменной верхушки. Князь Пуреш был «ротником» (вассалом) Юрия Всеволодовича, в мордовских пределах летописи фиксировали «Русь Пургасову», и междоусобицы не прекращались вплоть до монгольского нашествия.

Общий тревожный настрой и частые конфликты были чреваты сбоями в налаженной большой торговле по Волжскому пути. Малейшая задержка транзита на одной из важнейших в мире артерий, соединявших Восток и Запад, грозила срывом финансовых операций во многих русских и зарубежных городах, колоссальными убытками, приостановкой государственных строек, военных начинаний, снижением объёмов ремесленных работ. К началу 80-х годов XII века случилось несколько конфликтов на Оке: жители Рязан-

ского княжества атаковали речные суда булгарских купцов. Ответом стал приход в рязанские земли войск со Средней Волги, что, в свою очередь, повлекло за собой предсказуемую реакцию со стороны великого князя. Широкомасштабный поход Юрия в 1183 году привлёк дружины восьми русских князей и охватил, в том числе, всю территорию нашего края. Одна часть войск шла в ладьях от Ярославля Северной Волгой, мимо Костромы и Плёса, вторая по Клязьме и Оке – на воссоединение. Трёхдневной осады Великого города хватило, чтобы булгары запросили мира, который и был принят на оговорённых условиях.

И в дальнейшем, вплоть до 1236 года, время от времени возникали столкновения и поводы для обоюдных военных походов. По мнению В.Н. Татищева, крепнущая Волжская Булгария сильно досаждала русским княжествам, разоряя рязанские, владимирские и новгородские земли. Особенно активизировалась она после смерти Всеволода и голодных 1214—1216 годов в Северо-Восточной Руси, когда население сильно сократилось («много люди тогда измроша от голода»). В 1219 году булгары захватили Устюг, осадили г. Унжу (примерно в 100 км к северу от Юрьевца), но взять не смогли⁸⁴.

В ответ великий князь Юрий послал войско коалиции русских князей во главе с братом Святославом Всеволодовичем. Был взят и сожжён г. Ошель на Волге, булгары попросили мира, но Юрий им отказал, сам выступив в поход в 1221 году. На пути к Городцу он встретил второе булгарское посольство, и вновь последовал отказ. И только в самом Городце, с третьей попытки, подкреплённой богатыми восточными дарами, был заключён мир, направленный, по мнению Ю.А. Лимонова, прежде всего на возобновление былых правил международной торговли. В летописи сказано: «и управишася по прежнему миру, якоже было при отци его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи и посла с ними мужи свои водити в роту князеи их и земли их по их закону». Заключение подобных мирных договоров, грандиозный масштаб торговли способствовали дружеским деловым отношениям двух государств⁸⁵.

Одним из реальных подтверждений стали трагические события 1236 года, связанные с разгромом Волжской Булгарии монгольскими завоевателями. Спасая свои жизни, большое число булгар бежало в Северо-Восточную Русь и обратилось к великому князю Юрию Всеволодовичу с просьбой дать им пристанище. Тот велел расселить булгар по подвластным ему городам, преимущественно поволжским, о чём писал В.Н. Татищев, а также свидетельствуют данные современных археологических исследований.

Летописи, содержащие сведения о военных конфликтах, отмечали, разумеется, и дружественные акты со стороны правителей, направленные на стабилизацию и укрепление взаимовыгодных связей волго-окских и волго-камских земель. Их, в частности, приводит А.П. Смирнов:

- привоз хлеба из Волжской Булгарии в Суздальскую землю в 1024 году («Бе мятежь великь и голодь по всей той стране; идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша» 86);
- привоз хлеба в 1229 году, посланного булгарским правителем князю Юрию (30 насадов с пшеницей), и ответный подарок ценные ткани и украшения;
- привоз строительных материалов и участие булгарских мастеров в строительстве храмов г. Владимира.

Без становления нормальных межгосударственных отношений, без удалённой опеки «своих» со стороны власти вряд ли было бы возможно, например, компактное проживание русских в больших булгарских городах или в непосредственной близости от них. Находки костей верблюда в русских торговых центрах — это тоже свидетельство долгого проживания здесь иноземцев (вероятно торговцев, поскольку часть животных каравана предназначалась для забоя и употребления в пищу). И, разумеется, без создания благоприятных условий не были бы возможны грандиозные объёмы взаимной торговли, как и в целом бесперебойное или почти бесперебойное функционирование Великого международного торгового пути.

От Булгара вверх по Волге

Заявляя в одной из своих работ о ключевом значении Волжского и Камского торгового пути «для экономики средневекового населения Восточной Европы», Ф.Ш. Хузин писал: «Булгар на Волге еще в Х в., если не раньше, превратился в крупнейший центр транзитной торговли, который контролировал и регулировал торговые связи Древней Руси, Прибалтики и Скандинавии со странами Средней Азии, Арабского Востока, а также с Ираном, Индией и Китаем».

Не в обиду коллеге, но справедливости ради позволим себе несколько перефразировать сказанное: мерянское Верхневолжье контролировало и регулировало торговые связи Прибалтики и Скандинавии со странами Средней Азии, Арабского Востока, с Ираном, Индией и Китаем, а с X века – и с Волжской Булгарией.

Необходимо напомнить, что г. Булгар – «крупнейший центр», регулирующий грандиозные международные торговые отношения «ещё в X в.», арабский знаток географии того времени Ибн Хаукал назвал хоть и портом, но городом небольшим (что подтверждается археологическими раскопками). Первоначально условия торговли новой страны с Русью были далеко не равными, как не равны были и воинские силы. В последующие века – по мере накопления экономической мощи Волжско-Камским регионом (в особенности после разгрома русскими князьями Хазарии) – Булгария и Верхневолжская Русь становились равноправными регуляторами международной торговли. И развитие важнейшей торговой магистрали осуществлялось уже совместными усилиями, хотя партнёры при этом вели, что называется, «свою игру»: один – обратившись лицом к Азии, другой – в сторону Европы (здесь нельзя не упомянуть ещё одного сильного и самостоятельного игрока и посредника в международной торговле – Великий Новгород).

Значительно окрепшую к началу XIII столетия Владимиро-Суздальскую Русь Ю.А. Лимонов в своём исследовании убедительно представил в качестве мощного центра международных отношений и торговли. Выводы исследователя ежегодно подкрепляются всё новыми и новыми археологическими свидетельствами. Историк приводит летописные сведения о том, что во второй половине XII века во Владимир прибывали купцы из Волжской Булгарии, Византии, Южной Руси, Западной Европы. В свою очередь, купцы Северо-Восточной Руси и новгородцы торговали по всей Волге, в Западной Европе, в Булгарии, Скандинавии. Вряд ли когда-нибудь представится возможность точно указать объёмы международного товарооборота, осуществлявшегося при участии Верхневолжья, но он был поистине огромен, даже если судить по тому, в каком количестве при раскопках встречается импорт в малых раннесредневековых городах и сельских поселениях, в древних курганных и грунтовых захоронениях.

Цветной металл, драгоценный металл и камни, ткани, стекло, керамика... Ни одного русского ритуального (праздничного) костюма без предметов импорта! Изобилие зарубежных вещей во «владимирских» курганах заставило А.С. Уварова посвятить им особый раздел своей известной публикации⁸⁷. Последующие более тщательные исследования данного «курганного региона» дают похожие результаты и новые сведения. Так, современные методы геофизики позволили обнаружить могильник у села Гнездилово под Суздалем и начать его раскопки. С применением той же методики у границ Ивановской области найден могильник Сельцо. В опубликованной

79

Рис. 44.

Находки из разрушенных погребений могильника Гнездилово.

Пресс-служба Института археологии РАН

пресс-службой Института археологии РАН информации обращают на себя внимание фотографии находок. В числе представленных древностей есть изделия местных мастеров и, в частности, мерянская подвеска-«конёк» из цветного металла. То, что она крупнее похожих изделий из более отдалённых курганов древнерусской провинции, говорит об отсутствии у мастеров необходимости экономить привозной металл. Среди деталей парадных мужских поясов приметна пряжка, аналоги которой известны в плёсском домонгольском некрополе и — в древностях Булгарии; там же — топор булгарского типа. Кроме подвесок из восточных монет-дирхемов и западноевропейских денариев в археологической коллекции присутствует подвеска скандинавская. А на одной из представленных фотографий практически все вещи либо булгарские, либо имеют форму, восходящую к восточным истокам (рис. 44).

В отдалённых от древних городских центров Семухинских курганах (43 насыпи) найдены 4 шейные гривны «из хрупкого тёмно-серого сплава, очень плохой сохранности» составляют свинец и олово. Находки свидетельствуют, что объёмы ввоза этих металлов из Западной Европы по-прежнему обеспечивали спрос на них древнерусской провинции — равно как и объёмы медных сплавов с Востока, что также подтверждается материалами Семухинского сельского некрополя.

Иноземные купцы привозили свои товары большими партиями во Владимир, Суздаль, Ростов (а в предмонгольский период, как полагаем, и в Плёс, Юрьевец, иные малые города) и оптом продавали местным торговцам. Те формировали партии для последующей перепродажи по международному пути. Местный же спрос удовлетворяли сами или через своих агентов, ведя розничную торговлю в провинциальных малых городах и деревнях. Такая практика международных торговых отношений была универсальной, а работа ходебщиков-коробейников, как известно, не прекращалась и в начале XX столетия.

Некоторое представление о размерах оптовых партий товаров дала сравнительно недавняя находка во Владимире. При археологическом исследовании слоёв «Мономахова города» в раскопе встречались фрагменты трапезундских амфор и булгарских каменных котлов, сирийских и византийских стеклянных сосудов, поливная керамика, ручка среднеазиатского кувшина, хрустальные бусы, позолоченный перстень и прочее. А в одном из подвалов домонгольского времени был обнаружен склад янтаря. Вес ценного привозного товара превышал 200 кг, и это крупнейшее из известных скоплений для всей средневековой Европы! Владимиро-Суздальская Русь была основным посредником в поставках янтаря в Булгарию, хотя авторы открытия полагают, что данный запас предназначался для внутренней распродажи (на том основании, что такой же янтарь встречен в соседних древних усадьбах)⁸⁹. Но известно, что даже остававшаяся после ювелирных работ янтарная крошка была желанным товаром и по мере накопления уходила на Среднюю Волгу и далее на Восток, где использовалась, в частности, для производства благовоний 90. Археологические коллекции с территории бывшей Волжской Булгарии также убеждают специалистов в осуществлении масштабных поставок сырья через верхневолжскую перевалочную базу.

Столичный Владимир, разумеется, не был здесь единственным крупным центром торговли. Как повествует сага о Хаконе, в 1222 году Эгмунд из Спангхейма (Норвегия) явился в Суздаль: «поехал он осенью на восток, в Судрдаларики со своими слугами и товаром»⁹¹. Можно только предполагать, что привёз на продажу Эгмунд, но партия была немаленькой, поскольку он посчитал целесообразным, сделав в Суздале серьёзные закупки, отправиться торговать ими в Константинополь и лишь оттуда вернуться на родину⁹². То, что Суздаль был хорошо известен заинтересованным лицам в Скандинавии, можно понять и из других древних письменных источников и вновь убедиться в значительных объёмах товарооборота с иностранцами в русском городе.

Не хуже знали русские рынки и торговцы Востока. Основной поток их, как пишет Ю.А. Лимонов, оседал в Волжской Булгарии и «Суждальской земле». Анализируя письменные источники, исследователь пришёл к интересному выводу: «Авторы арабоязычных сочинений по истории и географии X—XIV вв. благодаря Волге и волжской торговле, возможно, лучше знали Болгарию и Северо-Восточную Русь, нежели Киевскую» Эз. Это и неудивительно, учитывая возросший с X века в странах Востока спрос на северорусские товары, в особен-

ности на меха и лён. А также принимая во внимание продолжение Волжского пути по Каспию к караванным маршрутам, где посредниками уже выступали арабы и персы. Они везли из Индии, Персии, Хорезма и Ормуза «шёлковые ткани, пряности, драгоценные камни, жемчуг, золото и серебро в слитках, ювелирные изделия» в район Каспия, Закавказья, в Булгарию и непосредственно во Владимиро-Суздальское княжество.

За восточными товарами сюда из Европы прибывали торговцы из Германии. Документально зафиксировано присутствие в XIII веке «латинских» купцов во Владимире, Суздале. Касаясь широкого размаха торговли региона с Новгородом, отметим, вслед за Ю.А. Лимоновым, что и «низовские гости» торговали с Западом напрямую, оплачивая, между прочим, в Новгороде пошлины не только серебром и воском, но и закупавшимся у восточных торговцев в больших объёмах для перепродажи перцем.

Тесные культурные и торговые контакты связывали Верхневолжье с Византией и «святыми местами», откуда храмы Владимиро-Суздальской Руси получали многочисленные христианские реликвии. Живой интерес к региону проявляли венгры, причём не только в связи с их «поисками прародины» и налаживанием политических контактов. Венгрия славилась своими скакунами, вином и знаменитыми серебряными сосудами, которые поставлялись в Волжскую Булгарию и Суздальские земли.

Увеличение числа торговых экспедиций способствовало развитию международных связей княжества в целом. И, что не менее важно, умножению знаний населения Северо-Восточной Руси о ближних и дальних странах и народах. Результатом большой работы нескольких поколений летописцев региона стал Свод названий городов и государств, с указанием на то, где они расположены. Эта информация, как можно понять, в совокупности превышала не только библейские, но и книжные данные того времени. Владимирский летописец знал Африку, Малую Азию и Ближний Восток, Британию и ганзейские города. Лучше всего, как подметил Ю.А. Лимонов, летописцу были известны названия, связанные с ближними и дальними финно-угорскими народами: в Своде они упоминаются даже чаще, чем «немцы» (активные закупщики восточных товаров у наших «низовских» купцов). И, разумеется, ему были близки соседи, постоянные партнёры в торговле – тюркские народы Поволжья, волжские булгары⁹⁴. Главным каналом приобретения обширных знаний и связей оставался международный Волжский путь, в равной мере плодотворно влиявший на развитие Руси и Булгарии.

Русский «малый город» Плёс и Волжская Булгария

Обнаружив следы домонгольского Плёса и долго занимаясь изучением этого замечательного археологического комплекса, мы получили возможность рассмотреть уровень взаимоотношений Волжской Булгарии с теми торговыми и ремесленными центрами на Руси, которые в «Гардарике» составляли безусловное большинство, – малыми городами древнерусской провинции. Плёс, правда, относится к тому счастливому меньшинству малых городов, которые (например, в отличие от провинциальной же Москвы того времени) находились на главном торговом пути, на берегу Волги, и потому обладали некоторым преимуществом, ведя торговлю с булгарскими купцами напрямую, минуя столичные рынки и столичных посредников. Если к Владимиру водная дорога шла через реку Клязьму (вдоль южной границы современной Ивановской области), а к Суздалю ещё и через Нерль, то Плёс, Юрьевец или Кострома стояли на берегах Волги – на самом верхнем её отрезке, куда, к тому же, через впадающую Унжу подходил торговый путь с северных земель Булгарского государства.

С Плёсом, изначально малым городом Ростово-Суздальской Руси, булгарские купцы завязали взаимовыгодные отношения с момента его основания. Более того, торговые связи жителей Средней Волги с будущей плёсской округой к тому времени (середина XII в.) насчитывали уже несколько столетий, поскольку здесь ещё с IV века до н.э. существовал предшественник Плёса — мерянский Алабужский городок. «Торговая тропа» к нему была давно протоптана, и в раскопах на территории волжско-финской крепости найдено немало артефактов, свидетельствующих о тесных связях с населением Средней Волги ещё в добулгарскую эпоху.

Постепенно в ходе археологических исследований в Плёсе были открыты все основные составляющие города: крепость, посад, обширный некрополь домонгольского времени и городское дохристианское святилище. И везде, во всех этих комплексах, встречалось что-то булгарское.

Наиболее многочисленными и впечатляющими, применительно к раннесредневековому периоду, оказались материалы раскопок ремесленных усадеб Плёсского посада середины XII – первой трети XIII века. Посадские улицы тянулись почти на два километра вдоль берега Волги, по берегам впадающей в неё реки Шохонки (Шохма),

83

опоясывая раннесредневековую крепость по нижней части склона в несколько уровней. На сегодня можно указать местонахождение как минимум четырёх улиц, где зафиксированы следы ювелирных работ, которые, как уже неоднократно констатировалось, были бы невозможны без регулярного подвоза в регион с Востока основного поделочного сырья: меди и её сплавов.

В 1238 году Плёс постигла участь больших и малых населённых пунктов Руси — монгольское разорение. Возрождённый Плёс оказался уже более компактным по территории. Восточная оконечность посада так и оставалась незастроенной вплоть до конца XX века и сохранила уникальный археологический комплекс, обнаруженный и изученный в ходе раскопок. Было выявлено пять ремесленных усадеб, стоявших цепочкой по берегу Волги. Здесь располагалась одна из «улиц ювелиров», и каждая усадьба предоставила доказательства участия в торговле с Востоком и непосредственных контактов с Булгарией. Мало того, номенклатура изделий местных мастеров и часть сохранившихся бытовых предметов даёт нам веские основания предположить проживание в отдельных усадьбах выходцев из бул-

Puc. 45.

Разметка очередного археологического раскопа на «улице ювелиров» раннесредневекового Плёсского посада. 1989 г.

гарских городов. Трудно сказать, были они вольными переселенцами или беженцами, чудом спасшимися во время разорения их мест монголами в 1236 году (таких по распоряжению великого князя принимали русские города). Или — что тоже не исключено — привезены в Плёс в качестве военной добычи, взятые в полон в одном из княжеских походов; как правило, из рабов ремесленников через несколько лет они становились полноправными членами местной уличанской общины.

Можно попытаться хотя бы приблизительно представить масштаб работ местных ювелиров и требующийся для обеспечения их производственных потребностей объём ввозимого в Плёс сырья. В этом нам поможет большая и серьёзная исследовательская работа российского учёного Е.А. Рябинина. Объектом его изучения стали материалы более полутора тысяч раскопанных в конце XIX века Ф.Д. Нефёдовым «костромских» курганов (северная часть Ивановской области тогда входила в Костромскую губернию). Особенно интересным и загадочным, как нам представляется, был для Е.А. Рябинина выделенный им по особенностям археологических материалов Колдомо-Сунженский курганный регион, самый близкий к Плёсу.

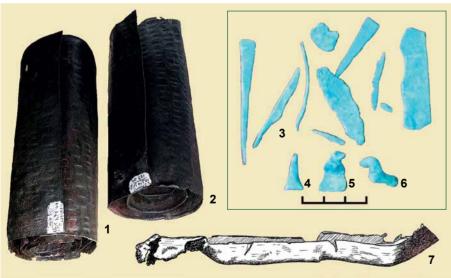
Территория вокруг города изобиловала курганами, а в раскопах находили изделия мастеров-ювелиров, выполненные в основном из бронзы. Анализируя находки из древних погребений, исследователь не раз указывал, что те или иные виды украшений (литые бусинные височные кольца, подвески-«барашки», «петушки» и др.) скорее всего изготавливались именно в этом регионе. В публикациях (а также в личной переписке) автор предполагал, что где-то здесь, вероятно, располагался центр ювелирного производства. Причём продукция его мастеров обеспечивала потребности не только окрестного сельского населения, но и расходилась далеко за пределами региона⁹⁵.

Загадочный местный ювелирный центр был обнаружен в год выхода упоминаемой в ссылках книги Е.А. Рябинина о Костромском Поволжье. Им оказался домонгольский Плёс, где в дальнейшем были найдены свидетельства изготовления и «барашков», и крестовидных подвесок, и других популярных у местного населения ювелирных изделий. На восточной оконечности раннесредневекового посада, по берегу Волги, была прослежена цепочка усадеб, хозяева которых занимались отчасти кузнечным, но в основном ювелирным делом. Места их проживания и работ изобиловали находками сырья, инструментария, а также отходов металла, ещё не пущенных во вто-

ричное использование. Складывается впечатление, что остатки привозного материала уже не собирали так кропотливо, по кусочкам, по крупинкам, как полтысячи лет назад: металлы поступали по Волжскому торговому пути регулярно и в достаточном количестве. Причём восточное сырьё было разнообразным и похожим на то, которым пользовались, например, ювелиры города Булгара (рис. 46.1-2). Там, как и в Плёсе, в распоряжении мастеров была листовая бронза, закупаемая в виде рулонов: такие находки можно увидеть в современных археологических экспозициях обоих городов.

На упомянутой плёсской улице не до конца израсходованный рулон листовой бронзы был обнаружен на месте жилого дома на берегу Волги (рис. 46.7), там же находились инструменты ювелира - клещи и чекан⁹⁶. Всё более или менее ценное хозяин усадьбы предпочитал хранить в своём жилище. Ближе к воде он занимался пожароопасными работами. Здесь прослежены два ювелирных очага, в обоих найдены остатки производства, в том числе многочисленные обрезки бронзового полотна. Они встречались вокруг очагов по всей усадьбе; немало их собрано и по улице (рис. 46.3).

Обращают на себя внимание обрезки, «упакованные» в треугольные «конвертики» (некоторые из них прокованные). Можно предпо-

Puc. 46. Продукция булгарских металлургов – листовая бронза: 1-2 – товарные рулоны (г. Булгар); 3-6 – следы производства («улица ювелиров» Плёсского посада); 7 – остатки рулона (там же)

ложить, что в таком виде местному ювелиру было удобней пускать отходы в переплавку. «Конвертики» найдены не только на территории данной улицы, но и в других частях домонгольского посада, вместе с иными свидетельствами ювелирных работ (в районе современной ул. Спуск Горы Свободы). «Конвертик», а также обрезки и не полностью израсходованный рулон бронзового листа встречены и при раскопках Плёсской крепости, уже в более поздних археологических слоях. Подвоз металла в город после монгольского разорения быстро восстановился, и, наряду с рулонами, с той же Средней Волги привозился лом цветного металла – сырьё для вторичного использования. В находившейся ближе к сырью Волжской Булгарии развитие ювелирного дела уже в домонгольский период достигло весьма впечатляющих масштабов. Следы работ с бронзовым полотном здесь отмечены не только в городах, но и вне таковых⁹⁷. Обрезков оставалось в избытке, и они использовались рационально: после небольшой обработки (проковки в компактные «конвертики») такие отходы могли идти на продажу, в том числе и в наш регион.

Плёсские раннесредневековые ювелиры, подобно булгарским, находили для листовой бронзы самое разное применение. В мастерских на берегу Волги производились шумящие подвески, а простейшие к ним дополнения-привески (имитация лапок водоплавающих птиц) вырезались из ровного полотна в виде равнобедренных треугольников, к вершинам которых припаивались петли (рис. 46.5). Кроме того, находки в местах мастерских свидетельствуют о производстве несложных пластинчатых перстней и браслетов, а также деталей к браслетам сложным (плетёным и со вставками). Из других элементов местного древнего костюма следует упомянуть пластинчатые металлические головные венчики. Один такой венчик оставил след (окисел) на черепе из курганного захоронения на Горе Левитана. Известны подобные находки и в других курганах окрестностей Плёса. Разумеется, перечисленные детали костюмов изготавливались не в ближних деревнях, а в городе, куда поступал листовой металл.

Бронзовое рулонное полотно использовалось плёсскими мастерами также для украшения рукоятей ножей. Аккуратно вырезанные тонкие блестящие втулки отделяли рукоять от лезвия – не только красоты ради, но и для предохранения рук. В Плёсе найдено несколько таких изделий на посаде (в одной только усадьбе № 1 «улицы ювелиров» – три экземпляра), а также в крепости, причём один из украшенных ножей, вместе с другими принадлежностями воина, оказался в помещении для ратников, устроенном при крепостной стене домонгольского города. Ещё один из найденных на раскопах упомянутой

усадьбы ножей сохранил остатки наборной рукояти, где к тонкой бронзовой пластине примыкала костяная втулка (подобные в большом количестве изготавливались в булгарских мастерских, впрочем, как и в русских) (рис. 47).

Наконец, нельзя не отметить непрезентабельную с виду, но примечательную и редкую находку с «улицы ювелиров» Плёса: фрагментарно сохранившуюся бронзовую чашу из листового металла. Точнее, из вырезанных из полотна и прочеканенных составных частей, поскольку ширина рулонного листа для большого целого изделия была недостаточна. Судя по сохранившимся деталям, части крепились одна к другой бронзовыми заклёпками. Говоря о чашах, следует упомянуть и деревянные. Оковка из бронзы по верхнему краю в те времена в Верхневолжье была популярным способом их украшения, в то время как цельнометаллическая посуда всё-таки более характерна для Востока с его изобилием близких источников цветного металла. Так или иначе, разнообразные работы ювелиров в Плёсе не могли обходиться без существенных поставок булгарского листового цветного металла.

Не менее значительными должны были быть и поставки проволоки: к концу XII века на Верхневолжье излюбленной формой браслетов стали витые изделия из неё. Браслеты делались в разных вариантах и прочно вошли в набор принадлежностей женского костюма. Местных жителей с ними познакомили волжские булгары: их мастера-ювелиры, напомним, были ближе к источникам цветного металла и имели больше возможностей для экспериментов с проволокой (практика показывает, что хорошие изделия из неё получаются далеко не сразу).

Фрагменты проволоки (короткими обрезками и комком) в археологических напластованиях встречаются повсеместно, что свидетельствует об активном использовании местными мастерами и этого булгарского полуфабриката. Упомянутая «улица ювелиров» вос-

точной оконечности Плёсского посада вновь предоставляет убедительные, на наш взгляд, доказательства. Здесь найдены фрагменты проволоки, оставшиеся после работ, и образцы различных по оформлению витых изделий: от самых простых до сложносоставных.

Нет сомнений в том, например, что на месте был изготовлен простейший детский браслет с закруглёнными концами, символизирующими голову змеи («змия-дракона») (рис. 48). Он был свит из сложенной втрое бронзовой проволоки. Более сложными композициями отличались найденные на той же улице сравнительно крупные экземпляры, где двойная кручёная проволока перед окончательной закруткой складывалась ещё втрое. В образовавшуюся ложбину по корпусу могла быть проложена также скрученная, но очень тонкая проволока (рис. 49.5). А более толстая могла быть обвита узкой лентой из прокованной проволочки, и т.д.

Самый сложный из местных вариантов плетёного браслета – со стеклянными вставками на концах - встречен дважды. Первой находкой стал браслет на руке погребённой женщины: курганный могильник (Плёс-III) домонгольского периода находился при одной из ближайших к Плёсу деревень. На концах изделия вместо привычной проволочной петли были припаяны пластинчатые фигурные рамки, внутри которых крепилась стеклянная каплевидная вставка. Стекло было полностью патинировано и цвет не сохранило, а форма изделия напоминала изображение головы хищника из кошачьих или, применительно к региону, известный по другим находкам лик дракона-«коркодила» анфас (рис. 49.5). Второй такой браслет обнаружен в усадьбе на «улице ювелиров», в кучке металла, предназначенного на переплавку. Старый браслет был порублен на части, здесь же лежали две знакомые рамки (стеклянные вставки в них отсутствовали). Деревенские жители эпохи Средневековья обычно приобретали металлические принадлежности к костюму в ближайшем городе. Плёс же, как показывают раскопки, был крупным ювелирным центром, и находка в усадьбе ремесленника может свидетельствовать о производстве похожих изделий на месте. Надо учесть, что изделия такой формы довольно редки; нам известно похожее в марийском могильнике, что подтверждает мнение Г.А. Архипова о закупках марийцами продукции верхневолжских ювелиров. А незатейливые стеклянные изделия (навитые бусы, вставки и проч.) в предмонгольский период уже не требовалось покупать на Востоке: в большом количестве их изготавливали русские мастера. В Булгарии браслеты со вставками на концах тоже производились, но более сложные и дорогие, и несколько иных форм.

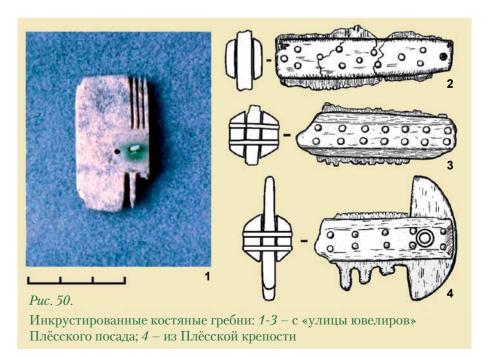
Ещё один пример использования булгарской проволоки — производство височных колец. Прежде всего простейших, некрупных, как из могильника Плёс-III и из местного городского некрополя, где найдены десятки таковых (рис. 49.1-2). Часть их представляли собой кольцо, концы которого сходились не встык, а в полтора оборота или чуть меньше. Встречались проволочные кольца с расплющенным и закрученным концом, с напущенной и припаянной мелкой бронзовой бусиной. А наиболее сложный вариант отмечен среди находок в упомянутой усадьбе с «улицы ювелиров». Это кольцо из достаточно толстой проволоки с насаженными на него тремя бусинами, но не металлическими, а, вероятнее всего, изготовленными из жемчуга.

Попав в местную кислую почву, жемчуг достаточно быстро растворялся и только иногда оставлял после себя белый порошкообразный налёт. В данном случае следов не осталось, но чётко заметны места расположения бусин: пространство между ними заполняла подмотка из очень тонкой проволоки.

Нельзя обойти вниманием и работы по инкрустации костяных гребней. Обломки трёх таких изделий найдены в погребе одного из домов посадских ювелиров, ещё один — в хозяйстве по соседству, и третий — в Плёсской крепости (рис. 50). На вырезанных из кости двусторонних гребнях два ряда зубьев (редкие и частые) разделены продольными накладными пластинами. Пластины украшал точечный геометрический орнамент: сверлились сквозные отверстия, в них пропускалась и затем обрезалась вровень с костяной поверхностью бронзовая проволока. Срезы её полировали.

Проволока разного диаметра, наконец, использовалась в технических целях: из неё делали крепежи-заклёпки, подмотку, петельки и тому подобное. В малом городе Владимиро-Суздальской Руси – Плёсе выполнялось множество самых разнообразных работ с использованием булгарского цветного металла, и ассортимент поставляемого сырья был тоже широк. Не исключено, например, что наряду с готовым металлом в город завозилась медная шихта. Как и в бул-

гарских производствах, она могла использоваться в качестве восстановительной среды, в которой спаивались между собой отдельные детали и производилось покрытие железных изделий (замков например) слоем меди⁹⁸.

Наконец, в ходе плёсских раскопок не однажды встречался металлургический шлак, но не железный, а «стекловидный». Он чаще всего оставался там, где местными ювелирами производилась очистка привозной черновой меди. Обрабатывали её, как правило, перед литьём новых изделий, что хорошо знакомо исследователям древних производств Волжской Булгарии: «Черновая медь требовала дополнительной очистки (рафинирования) в окислительной среде. После этой операции металл освобождался от шлаковых включений и иных лишних примесей... Только после рафинирования медь становится чистой и пластичной, пригодной для ковки и литья, а также *приготовления сплавов*» 99. Следует заметить, что на месте раскопок селищ западной части Ивановской области отсутствуют свидетельства «выжигания» сырцового цветного металла (проводившая анализ металла И.Е. Зайцева в своих публикациях подобных фактов не приводит). Но в малый город Плёс сырец, очевидно, поступал и обрабатывался на домонгольском посаде, а в дальнейшем, судя по специфическим находкам XIV века, даже на территории крепо- CTU^{100} .

Недостатка в привозном цветном металле плёсские ювелиры явно не испытывали, позволяя себе «излишества», недоступные, например, жителям большого торгового Новгорода. Провинциальный ремесленник, живя на берегу Волги, для рыбной ловли пользовался крупной бронзовой блесной (на «улице ювелиров» их найдено две) (рис. 51.1). Новгородцы же, находясь значительно дальше от источников медных сплавов, вынуждены были использовать более дешёвый вариант: их блёсны ковались из железа и покрывались тонким слоем меди (вспомним ранее упомянутое ценное наблюдение К.И. Комарова).

Ювелиры Владимиро-Суздальской Руси в своей работе использовали медные сплавы в основном той же рецептуры, что и мастера Волжской Булгарии. Анализируя производственные остатки на Плёсском посаде, нельзя не заметить и большого сходства в технологии работ, и некую перекличку в ассортименте продукции. С открытием домонгольского Плёса стало известно, где начиная с XII столетия находился «новый мощный центр производства зооморфных украшений» Костромского Поволжья. В курганных материалах ближайшего к Плёсу Колдомо-Сунженского региона Е.А. Ряби-

нин выделил некоторые типы производимых здесь финских священных подвесок и особо отметил, что вне самого региона и *«за пределами Руси такие* амилеты известны в основном в Прикамье, Волжской Болгарии u землях мари» 101 . Уточним, что они известны в Волжской Булгарии и на тесно связанных с ней и Русью территориях, а всё это исконно финские земли. Предлагаем также обратить внимание на знаменитых «уточек» на изысканных височных кольцах из Биляра и других мест и задаться вопросом: к каким более древним формам могут восходить эти изображения? И ещё: откуда происходят привески-«бубенчики» к финским шумящим подвескам? Ответы на эти вопросы можно найти среди более ранних изделий в салтовских древностях.

Вполне очевидно, что именно к булгарским формам восходят часто встречающиеся в Плёсе и в целом на территории рассматриваемого нами региона кручёные проволочные браслеты. На Верхней Волге не прижились популярные в Булгарии так называемые «кудрявые формы», с разреженной перекруткой. Предпочтение отдавали более плотному переплетению, тем более что благодаря ему лучше смотрелись отполированные и начищенные до «золотого» блеска бронзовые украшения

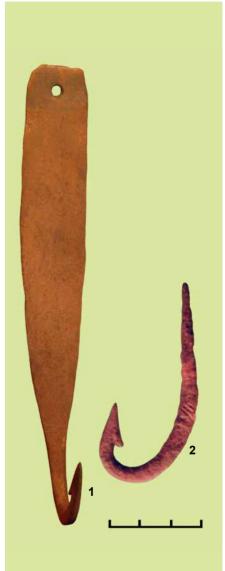

Рис. 51.
Блесна из медного сплава (1) и железный горловой крючок (2) с плёсской «улицы ювелиров»

Другой приметной принадлежностью древнерусского костюма были височные кольца с простейшими напускными бусинами. Дорогие изделия – из серебра, с зернью, с позолотой – появились на Верхневолжье при посредничестве булгар и известны в Ивановской области ближе к Суздалю («владимирские» курганы, Кнутихинский могильник на р. Уводь). Плёс же тиражировал так называемые «имитационные» (М.В. Седова) изделия, работая не на заказ, а на рынок и обеспечивая более дешёвой массовой продукцией как горожан-провинциалов, так и сельскую округу. Особенно интересен самый простой вариант, когда изделие в подражание трёхбусинному кольцу отливалось целиком, с достаточно массивными шариками. Е.А. Рябинин отметил: «...обращает на себя внимание тот факт, что все литые подражания городским типам бусинных украшений... происходят лишь из одного Колдомо-Сунжинского региона, преимущественно с его правобережной части»¹⁰³ (где на правом берегу Волги как раз и располагался Плёс). Кроме сельских курганных могильников, такие височные кольца найдены и в самом городе, в женском погребении городского домонгольского некрополя на Холодной горе. В составе костюма этими изделиями завершались две гирлянды простых проволочных колец, которые свисали с головного убора и обрамляли лицо женщины, образуя простейшие рясны (крепившиеся к головному убору подвески) (рис. 52).

На месте работ плёсских ювелиров в процессе раскопок была найдена каменная формочка для отливки популярных амулетов, каковые в равной мере восходят как к булгарским и прабулгарским, так и к финно-угорским (дохристианским, разумеется) священным знакам (рис. 53.1). Речь идёт о крестовидных подвесках. Многие современные археологи, игнорируя уже впечатляющие, казалось бы, накопления научных данных и обоснованные доводы оппонентов, упорно видят в равносторонних амулетах, даже извлечённых из «языческих» курганов, «предметы христианского благочестия» 104.

Между тем, этот простейший знак можно обнаружить в древностях разных народов разных эпох: среди петроглифов Карелии, на сбруе кыпчакского или балтского коня, на шаманском бубне (или

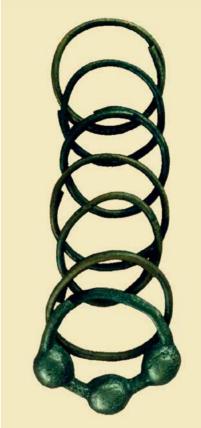
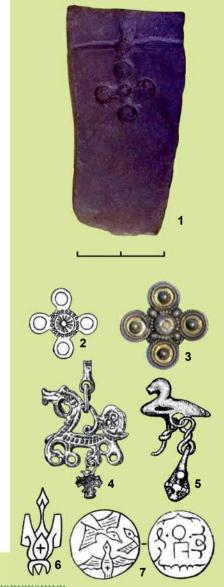

Рис. 52.
Литое трёхбусинное височное кольцо на конце гирлянды.
Плёс, Холодная гора
(городское кладбище
XII – нач. XIII в.)

Puc. 53.

Крестовидные знаки и места их обнаружения: 1 — раннесредневековая усадьба Плёсского посада; 2 — Северный Прикаспий, из древностей огузов; 3 — территория Золотой Орды (из собрания Сургутского художественного музея); 4 — бывший Тихвинский уезд Новгородской губернии (по Е.А. Рябинину); 5 — Алабужское (Пеньковское) городище; 6 — г. Новгород (по Т.И. Макаровой); 7 — г. Булгар, XIII в. (по Д.Г. Мухамедшину, Ф.С. Хакимзянову)

его древнем изображении), на браслетах булгар, височных кольцах вятичей, языческой «чуринге» из Плёса, на пряслицах или в составе набора амулетов вместе с зооморфной подвеской и миниатюрной «ложечкой» и т.д. ¹⁰⁵. Он прижился в различных древних сообществах вполне естественно, ввиду своей простоты, и получал мифологическое осмысление под влиянием образа жизни людей в тех или иных природных условиях. Так, привеска к зооморфному изделию с изображением креста или подобного рода знак на туловище птицы не обозначают, конечно, обряд крещения фауны, они иллюстрируют миф о творении мира (который «на все четыре стороны») у финских народов Верхней и Средней Волги и Новгородских земель (рис. 53.5-7).

Великая тюркская культура вышла на мировую арену под знамёнами древней религии – тенгрианства, и самый его главный крестообразный символ рассматривался двояко в связи с представлением о мироздании. Тенгрианские храмы отражали идею строения мира по горизонтали. Они имели в плане форму равностороннего креста и были сориентированы по сторонам света, с алтарём на востоке. В то же время данный знак зачастую символизировал или солнце, или строение мира с солнечным знаком в центре. Подобные изображения известны в кочевнических древностях, они перешли в культуру Волжской Булгарии и во времена усиления связей её с Русью стали массово встречаться во «владимирских» и «костромских» древностях той же Ивановской области: в основном это подвески, четырёхконечные или круглые, с крестовидным знаком внутри, есть и очень похожие на артефакты из булгарских древностей. А древнейшая, ещё дохристианская местная находка относится к эпохе бронзы – раннего железа: изображение креста в круге на днище сосуда отмечено на поселении Холодная гора в Плёсе. Подобное встречалось потом в качестве гончарного клейма на домонгольской посуде Плёсского посада и на горшках в крепости эпохи развитого Средневековья. Клейма в виде солнечного знака (равно как и в виде прямоугольников-«вавилонов») были популярны в Плёсе в те годы, когда боевой костяк здесь составляли служилые татары (булгары)¹⁰⁶.

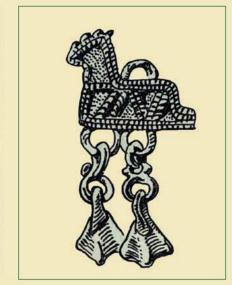
Символы, отображающие представления о строении мира, в начале II тысячелетия н.э. были распространены чрезвычайно широко. Исламская власть Булгарии отличалась веротерпимостью и относилась к данному обстоятельству с пониманием. Христианская же церковь Руси принимала меры по адаптации народной символики к своей религиозной мифологии, внося апокрифические новшества в библейские каноны. Так появлялись всякого рода «процветшие кресты», а равносторонние знаки (совершенно не похожие на древнее

орудие казни мифического богочеловека) почему-то объявлялись «христианскими».

Между тем, в древнерусском костюме Ивановского края подвески крестообразной формы не только украшали ожерелья (символизируя при этом идущее по Нижнему миру солнце в его ежесуточном пути), но и могли среди других амулетов крепиться у пояса, а также на кончике косы, иногда оказываясь ниже спины хозяйки костюма, что выглядело по меньшей мере неприлично с точки зрения христианина. Таким же неподобающим образом, кстати, мерянские женщины могли поступать с круглыми подвесками-иконками, которые усердно распространяли первые городские христианские центры¹⁰⁷. Например, крепить их около ушей. Наряду с круглыми монетами, дирхемами и денариями, такие иконки использовались в костюме как знаки солнца, восходящего и заходящего. Добавим, что и традиционный равносторонний крест на головном уборе казахов, киргизов или казаков разных национальностей также имеет не христианские истоки, а тенгрианские: небесное светило издревле венчало сакральную композицию всего костюма.

Связи Плёса с Булгарией накануне монгольского нашествия на Русь были тесными и разнообразными, отражая обоюдные потребности сторон. Отсюда на Среднюю Волгу отправлялись не только грузы мехов и льна, но и, например, производимые здесь разного рода священные предметы, шумящие подвески, которые могли затем приобрести, в частности, финские жители этого государства со смешанным населением. В городе Булгаре найдены различные атрибуты финского костюма, в том числе плоскостные и полые подвески-«уточки», остатки производства которых были отмечены на упоминавшейся нами «улице ювелиров». Отсюда могла происходить и плоская подвеска в виде «петушка» – на самом деле глухаря или тетёрки, в которую, по древним финским поверьям, превращалась одна из душ человека (рис. 54). На происхождение этих предметов указывает концентрация находок в ближних к Плёсу курганах¹⁰⁸. Русские и булгарские мастера начинали почти одновременно производить похожие шумящие подвески, ритуальное значение которых могло совпадать исходя из общих мировоззренческих корней, обусловленных одинаковыми природными условиями проживания (puc. 55).

Булгарский купец с выгодой мог собрать в провинции и партию недорогих стеклянных браслетов или простых навитых бус, которые в XII и начале XIII века стали массово производиться в русских ремесленных центрах *(рис. 56)*. Так, значительная часть домонголь-

Puc. 54. Плёсские типы подвесок, получившие распространение в булгарских землях

Булгарская (История татар с древнейших времён. Волжская Булгария и Великая Степь) и мерянская (г. Плёс) треугольные каркасные подвески

ских бус города Булгара при анализе обнаруживает русский рецепт варки стекла¹⁰⁹.

Центрами производства массовой товарной стеклянной продукции во Владимирской Руси могли быть её крупнейшие города. Доминирующий цвет браслетов, которые находят при раскопках в самом городе Владимире, чёрный, и таких же изделий немало в археологической коллекции Плёса, куда они могли поступать в том числе и для перепродажи на Восток (рис. 56.2). Цветовая гамма плёсских находок, однако, отличается разнообразием, и большинство изделий имеет иную окраску. Но известный исследователь древнего стекла В.А. Галибин, проведя спектральный анализ плёсских изделий, сделал заключение: «Все браслеты древнерусского происхождения»¹¹⁰. Русские мастера к началу XIII века начали производить браслеты и бусы в таком количестве, что вплоть до монгольского нашествия снабжали ими даже булгарскую столицу, город Биляр, где следов производства такой продукции, как пишет С.В. Валиуллина, не выявлено¹¹¹.

А из столицы Волжской Булгарии в обратном направлении, на Русь, тоже везли стеклянные изделия, но уже те, на производстве которых специализировались мастера Биляра и Сувара. Судя по

100

найденным на посаде осколкам, оттуда в Плёс поступало оконное стекло. Оно представляло собой негладкие, но хорошо пропускавшие свет круглые диски диаметром от 20 до 30 см. Их могли вставлять по четыре штуки в квадратную деревянную раму, и хотя через такие стёкла нельзя было ничего разглядеть на улице, в доме с ними было гораздо светлее, чем с окном, затянутым бычьим пузырём или промасленной рыбьей кожей 112.

Регулярно подвозили в город необходимые женщинам для отделки костюмов разноцветные шёлковые нити и дорогие тканые материалы, которые могли производиться за многие сотни километров даже от торговых центров самой Булгарии. Среди плёсских находок – два сохранившихся образца золотной тесьмы, по мнению изучающей ткани И.И. Ёлкиной, схожих между собой. Один образец с геометрическим орнаментом найден в упомянутом выше сельском курганном могильнике (Плёс-III), в черте современного города (рис. 49.3); второй – на кладбище с захоронениями жертв монгольского нашествия на месте сожжённой Плёсской крепости. Тесьма производилась в арабской Испании и в немалых количествах поступала в Северо-Восточную Русь. По подсчётам М.Е. Родиной, одиннадцать находок сохранившихся экземпляров такой тесьмы происходят из «владимирских» курганов, и по одному – из Суздаля и Ярополча Залесского 113.

Торговля – это ещё и путь взаимного обмена новшествами в сфере обустройства быта. Иногда даже трудно определить, кто у кого перенимал те или иные формы бытовых предметов или способы выполнения работ в доме, мастерской, в поле или на реке. Мы можем констатировать лишь сходство в деталях, а иногда наличие в разных странах практически тождественных используемых в быту вещей.

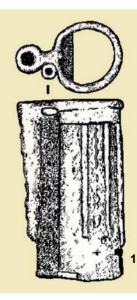
Так, в Плёсе и в булгарских городах в ходе раскопок находят одинаковые навесные замки. Древнерусские мастерские, в которых могла бы массово изготавливаться такая достаточно сложная продукция, нам пока неизвестны, хотя среди исследователей нет, кажется, сомнений в том, что замки на Руси производились. Волжская Булгария давно позиционируется в качестве центра производства замков. А.Х. Халиков предполагал, что в мастерских внутреннего города в Биляре изготавливали на продажу железные цилиндрические замки¹¹⁴. Внешний вид многих изделий показал, что они во избежание коррозии покрывались слоем меди. Приметен и волновой орнамент на корпусе: такой же присутствует на одной из плёсских находок (рис. 57). И орнамент, и внешний вид, и медное покрытие некоторых найденных замков предположительно связывают русский посад с

билярскими мастерскими. Но в истории известны случаи, когда одинаковую или почти одинаковую продукцию (к примеру замочки в виде животных) изготавливали мастера весьма удалённых друг от друга земель.

Заметен интересный нюанс в оформлении клинков плёсских ножей. На некоторых из них по одной стороне клинка, под тыльной кромкой, проходила углублённая полоса (дол). У подавляющего большинства обнаруженных на Верхней Волге древнерусских ножей долы отсутствуют. В Плёсе же только на одной посадской усадьбе упомянутой «улицы ювелиров» (усадьба № 1, раскоп 1987–1988 гг.) ножей с долом найдено четыре. Кроме того, здесь обнаружен не до конца выкованный клинок, что может свидетельствовать о местном изготовлении ножей. Изделия с долом найдены и на других плёсских усадьбах, а в крепости на месте домонгольской стены – кинжал с долом¹¹⁵. Подобные плёсским изделия можно увидеть в археологической коллекции города Булгара и среди прикамских (ещё добулгарских) древностей.

В Плёсе, как и на Средней Волге, при раскопках встречается особый и достаточно редкий для Древней Руси вид рыболовного крючка: тыльная сторона его не приспособлена к креплению лесы (с помощью петли, расширения или зазубрин), а специально заострена; леса завязывалась на крючке посередине (рис. 51.2). Такие обоюдоострые крючки называют «горловыми»: крупная рыба, заглотив крючок вместе с наживкой, уже не могла от него освободиться,

Puc. 57. Навесные замки: 1 – из Плёса: 2 – из Биляра. История татар с древнейших времён. Волжская Булгария и Великая Степь

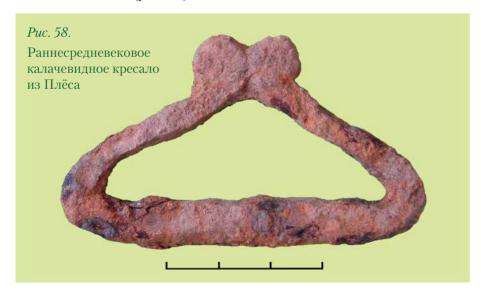

поскольку этому препятствовали острые концы. Где были изобретены такие крючки, сказать затруднительно, однако доказательства их использования присутствуют и в древностях Булгарии.

Понятнее с найденными на домонгольском посаде кресалами – приспособлениями для добычи огня. Есть среди них изделия в виде удлинённой пластины с петлёй, применявшиеся ещё за полтысячелетия до этого местным финским населением. Есть овальной формы, характерные для многих древнерусских поселений. Но на посаде найдено также и калачевидное кресало (рис. 58), форма которого восходит к более ранним булгарским прототипам. У финского населения Верхнего Поволжья они стали популярны со времени установления контактов с новым Булгарским государством. Так, несколько экземпляров кресал калачевидной формы встречено при раскопках «владимирских» курганов, в том числе и самых ранних.

Сходство обнаруживают даже находки музыкальных инструментов в городе Булгаре и на плёсской «улице ювелиров». Речь идёт о варганах. Их сближает, в частности, ромбическое сечение корпуса: как его скруглённого основания, так и параллельных полос. Варганы следует в первую очередь связывать с процессом камлания, а на плёсской улице, где изготавливались священные предметы мерянского многобожия, найдено немало свидетельств присутствия волхвов домонгольского периода. С другой стороны, тюрки могли бы настачвать на коренной связи этого инструмента (общетюркское хомус) с культурой Степи, где он имел немаловажное значение в духовной жизни населения (рис. 59).

Примечательна плёсская находка верхнего жёрнова от ручной мельницы. Она происходит с домонгольского посада и привлекает внимание своей формой – не привычно круглой, а близкой к квадрату. Такая удобна для заключения жёрнова в квадратную же раму, на которой можно жёстко закрепить рукоять для вращения орудия. Нам не встречались жернова подобной формы в опубликованных археологических материалах по Волжской Булгарии, но известны аналоги из Крыма; нельзя исключать, что это наследие времён государства (Крымского ханства), связанного с древней восточной культурной традицией.

Интересно, наконец, рассмотреть самый массовый материал из археологических отложений раннесредневекового Плёса и сравнить его с булгарским. Речь идёт о керамической посуде, и мы, разумеется, не увидим здесь тождества. В домонгольском Плёсе нет кувшинов, схожих с булгарскими: кувшины здесь станут популярными с XIV—XV вв., в связи с передачей города и крепости служилому восточному воинству и формированием местной специфики ритуала воинских пиров. Подавляющее большинство образцов ранней плёсской керамики относится к горшкам так называемого «курганного» типа. Они были широко распространены в домонгольское время как на Руси, так и за её пределами (булгарские, марийские, славянские земли, территория современной Финляндии и т.д.). Но и обычная «курганная» посуда имела свои особенности. Изучающая её Е.К. Кадиева заметила, например, разницу в оформлении венчиков гончарных изделий, встречающихся при раскопках на Северной Волге (Яро-

103

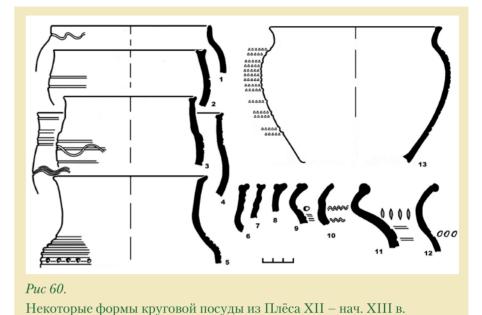
По логике, Плёс больше тяготел к исконным старинным гончарным центрам (Ростов, Суздаль, Владимир), но его посуда по отмеченным особенностям ближе к ярославской. А в целом керамика Северной Волги — ввиду активного функционирования водной магистрали и прямых контактов со Средней Волгой — выказывает большую связь с булгарскими гончарными традициями, более древними, если вести речь о начале изготовления круговой посуды. В Плёсе, по сравнению с Ярославлем, эта связь кажется ещё более очевидной. Указанные формы венчиков встречаются здесь довольно часто. Более того, они

впервые отмечены ещё в материалах предшественника Плёса – Ала-

бужского городка, на чём мы подробнее остановимся ниже.

Среди старейших образцов круговых горшков на территории Ивановской области встречена белоглиняная посуда. Она явно привозная (в регионе белые глины отсутствуют), и почти вся с описанной выше формой венчика. Судя по плёсским находкам, на ней чаще, чем на сероглиняной, встречается тычковый орнамент в виде ряда более или менее широких округлых ямок. Такое оформление – а равно и ряды отпечатков, напоминающих запятые, или в виде прямоугольников, треугольников, наклонной гребёнки (пущенных прямо по линейному орнаменту, выше его или вообще в отсутствие такового), разделённые зоны плотного линейного орнамента (рифления), пересечение линейного орнамента волнистым – встречается на сероглиняной посуде и в Плёсе, и в Булгарии (где она появилась раньше). Есть среди посадских образцов и венчики с насечками по краю. Создаётся впечатление, что всё это может быть связано с традициями оформления салтовской круговой посуды (рис. 60). Непосредственную связь с гончарами соседнего восточного государства доказывают и находки на Плёсском посаде поливной тёмно-зелёной керамики, тогда как светло-зелёная, киевского производства, отсутствует.

Примечательна плёсская серия горшков, заставляющая вновь вспомнить о прикамской традиции. Она включает посуду с высоким горлом и приземистым округлым туловом (рис. 60.3-4). Но после вхождения Прикамья в орбиту булгарской государственности такого рода посуда начала изготавливаться на гончарном круге и стала вполне «булгарской», завоевав популярность как в стране, так и за её пределами. А потому установить место изготовления плёсских керамических находок домонгольского времени, на фоне универса-

лий в гончарных производственных традициях, чаще всего не пред-

лии в гончарных производственных традициях, чаще всего не представляется возможным. Ввиду большой интенсивности торговых отношений похожая на русскую керамическая посуда приходила на Верхнюю Волгу с уложенным в неё товаром и в дальнейшем могла использоваться в русской печи как кухонная или в погребе как тарная.

Кроме того, ремесленники-гончары повсеместно в условиях растущей конкуренции боролись за первенство, а потому были восприимчивы ко всякого рода новшествам. Так, в домонгольский период в Булгарии, в марийских землях (сведения от Г.А. Архипова) мастера в керамическое тесто кроме дресвы, песка и органики начали добавлять шамот — присутствие фрагментов огнеупорной обожжённой глины отмечено и в плёсской раннесредневековой посуде.

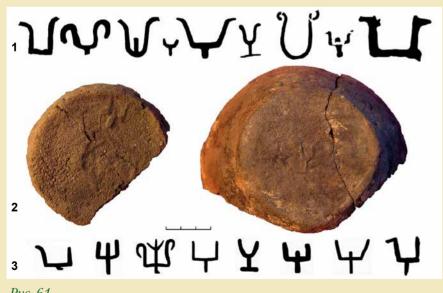
Наконец, нельзя не обратить внимание на производственные знаки — клейма плёсских гончаров. Среди них мало похожих на владимирские или суздальские. А преобладают те, что нередко встречаются, например, в древностях Рязанской земли, которая, заметим, располагалась недалеко от Булгарии и чаще вступала с ней в контакты. Эти знаки — двузубцы, реже трезубцы — напоминают и даже полностью повторяют разновидности популярной в Булгарии тамги (см. материалы Билярского городища), часто встречавшейся на поселениях салтово-маяцкой культуры Нижней Волги (Саркел,

105

Маяцкое городище) и в целом весьма распространённой у кыпчаков (рис. 61).

Разумеется, данный знак как священный символ получил у коренных верхневолжских жителей – мастеров гончарного дела – своё осмысление. Мы можем угадывать в плёсских клеймах ныряющую птицу, ладью с зооморфными носом и кормой, лик некоего зверя анфас. Но чаще это именно двузубец, который вырезался гончаром на деревянной плакетке – подставке под будущее глиняное изделие. Известен случай, когда одно из плёсских клейм получило существенное дополнение: рядом с ним были вырезаны начальные буквы алфавита «А» и «Б», что указывает и на руку русского мастера, и на то, что мастер этот был грамотным.

В связи с вышесказанным нельзя исключить, что в русских городах Верхневолжья изначально ценились булгарские мастера. Ими могли быть взятые в полон ремесленники, которые затем получили статус полноправного горожанина и обрусели. В свою очередь, и в средневолжские города таким же путём могли попадать русские мастера, которых, судя по источникам, было немало в Булгаре и Биляре. Также весьма вероятно, что в русские города добровольно переселялись (приглашались?) навсегда или на время булгарские

Puc. 61. Гончарные клейма раннесредневекового Плёса *(1-2).* Тюркские тамги *(3)*

ремесленники, подобно тому, как, по мнению ряда исследователей, мастера из Булгарии приезжали участвовать в строительстве владимирских соборов, а в саму Булгарию прибывали ремесленники из арабских земель¹¹⁷.

Мы вполне можем допустить, что на исследованной нами плёсской «улице ювелиров» жили и трудились выходцы из Волжской Булгарии. Они пользовались в быту привычными для них вещами, в работе — распространённым повсеместно инструментарием и, получая металл в достаточном количестве и нужного ассортимента со своей родины, изготавливали продукцию, среди которой было немало подражаний булгарским изделиям, а также их модификаций. Скорее всего, не случайно на месте одного из жилищ Плёсского посада нами были найдены остатки однолезвийного меча. Оружие такой формы как минимум в VII веке пришло в Верхневолжье из степей и стало здесь весьма популярным, но в данном случае меч имел примечательную особенность: к прямому клинку была прилажена характерная прежде всего для Востока защищающая руку сабельная гарда (рис. 62).

В раннем Средневековье человек мирной профессии, став полноправным членом уличанской общины, автоматически становился ратником городского ополчения, защитником города. И от того, каким оружием он располагал, напрямую зависела его жизнь. Ювелиры были достаточно состоятельными горожанами и, кроме бронзовой чаши или восточных стёкол в окнах, могли себе позволить обзавестись специальным военным атрибутом, не совмещённым с использованием на охоте (как копьё или лук со стрелами). Вероятно, в этой связи и надо воспринимать найденные в разных усадьбах на той же посадской улице наконечник мужского «воинского» ремня восточного облика, наконечники бронебойных стрел, обломок шпоры и ещё одного однолезвийного меча, а также лировидную пряжку с домонгольского городского некрополя, где однозначно воинские захоронения отсутствовали (рис. 63).

После трагических для Волжской Булгарии событий, разорения страны монгольскими войсками в 1236 году, часть уцелевших жителей нашла прибежище на Верхней Волге. Как отмечалось ранее, великий князь Юрий Всеволодович расселил их преимущественно в местных городах. Археологические данные, подтверждающие записи в летописях, не так давно обнаружены в Ярославле. Косвенные свидетельства мы могли бы указать и в плёсских материалах, для чего следует перевести взгляд с посада на крепость. Интереснейшим и отчасти парадоксальным археологическим открытием здесь стало

ские дружинники, проводя свои ритуалы, оставили в яме для жертвоприношений доказательства подчёркнутого внимания к могучему божеству, следы его почитания¹¹⁸. В результате последнего из священных актов, совершённых на святилище, в яму попал примечательный по форме топор, который, по обрядовым правилам, должен был «запирать» под землёй подношение божественному хозяину Нижнего мира (рис. 64). Изделие было тяжёлым, с оттянутым вниз широким лезвием, которое изгибалось в сторону топорища и для дополнительного крепления к нему имело на конце отверстие. Мощное орудие убийства можно было бы отождествить с булгарской «брадвой» для колки дров, если бы не одна особенность: на тыльной стороне имелся массивный выступ. Такой тяжелый боевой топор на длинной рукояти для двух рук способен был сокрушить любой доспех и позволял в

свойственны как раз для изделий Волжской Булгарии.

святилище Велеса, покровителя русских (финских) воинов. Плёс-

бою противостоять тяжеловооружённому противнику. А характерный выступ (иногда клевец) и сильно оттянутое вниз лезвие были

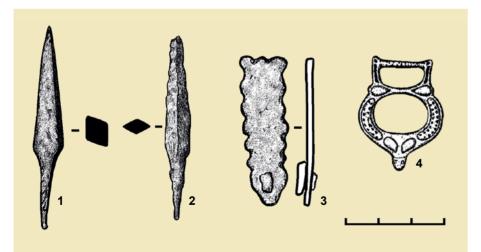
Puc. 64.

1 – топор, «запиравший» жертвоприношение на Плёсском городском святилище; 2 – его современная реконструкция; 3 – находки из Волжской Булгарии (г. Биляр). История татар с древнейших времён. Волжская Булгария и Великая Степь

Меч из усадьбы «на улице ювелиров» Плёсского домонгольского

посада: 1 – фрагменты из раскопа; 2 – реконструкция

Puc. 63. Воинские атрибуты, найденные в Плёсе вне крепости

Исходя из этого, можно предположить, что подобная находка на святилище могла остаться после своеобразного ритуала приобщения

Взаимодействие и взаимопомощь – ключ к сближению культур

Время от времени возникавшие и даже обычные в средневековой истории при близком соседстве военные столкновения не мешали главному: стремлению людей извлечь пользу из историко-культурного опыта, который неизбежно накапливался в недрах иных цивилизаций. Что в первую очередь могло интересовать переселенцев, оказавшихся в непривычных для них природно-климатических условиях? Вопросы выживания, то есть те знания об окружающем мире, которые были ценою в жизнь и которыми могло поделиться с ними местное коренное население.

Самым, пожалуй, крупным «подарком» местных финских народов новому населению, вынужденному приспосабливаться к холодному климату, было тёплое местное жилище — бревенчатая изба. В обиход жителей г. Булгара быстро вошли проконопаченные срубы с засыпным потолком, в каких давно спасались даже от самых сильных морозов аборигены северных лесов. И размеры большинства жилых построек нового города, как свидетельствуют раскопки, соответствовали местным традициям: квадраты со стороной около четырёх метров. Такую небольшую жилую площадь могла прогреть глинобитная печка или каменка, следы которых мы находили в финских избах, на три-четыре столетия более древних, чем в Булгаре. Старейшие срубные жилища на одну семью в Ивановской области были обнаружены при раскопках Алабужского городища и датированы VI–VII вв. н.э. (рис. 65).

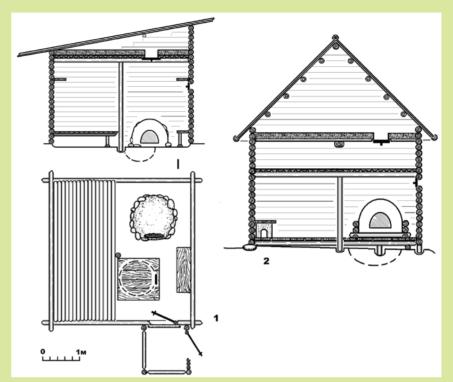

Рис. 65. Древнейшие избы Ивановского края (графическая реконструкция по материалам раскопок Алабужского городища): 1 – жилище VI–VII вв. н.э.; 2 – жилище эпохи существования Волжской Булгарии

Для достаточно многочисленной (в три поколения) семьи сруб в 16 кв. м и меньше, разумеется, тесноват, однако следует учесть, что дома того времени не были предназначены для проживания в нашем современном понимании. Они нужны были для того, чтобы в них зимовать, а ещё точнее, ночевать в зимнюю пору — пусть в тесноте, но в тепле. Днём же, даже в холодное время года, взрослым обитателям (преимущественно мужчинам) и подросткам находились занятия вне жилища: рыбалка, охота, торговля, заготовка дров, ремесленные работы...

Последние тоже организовывались с оглядкой на местные традиции. В деревянных поселениях, где горючим материалом внезапно могли оказаться и стены домов, и их крыши, и даже дощатые уличные мостовые, связанные с применением огня ремесленные работы

старались производить подальше от жилищ. Ещё в раннем железном веке обитатели городков Волго-Клязьминского междуречья выносили производственные очаги, по возможности, за их стены и валы. В больших торгово-ремесленных поселениях мери и муромы производственные зоны устраивались на краю, поближе к воде (Микшино, Клочково). Как свидетельствуют раскопки, в условиях скученности населения в Булгаре производства концентрировались также не в центре города. А.П. Смирнов писал, что они были вынесены на постепенно разраставшийся посад 120.

От возможных пожаров спасало и устройство ремесленных мастерских, работы в которых были связаны с огнём. А.П. Смирнов описывает их как углублённые более чем на метр полуземлянки с земляными полами и двускатными крышами, с открытыми очагами. Можно предположить, что поверх крыш таких построек насыпался слой земли – не столько для утепления (как засыпной потолок жилой избы), сколько в противопожарных целях: дабы воспрепятствовать расширению возможного возгорания от открытого очага.

Тот же исследователь характеризует обнаруженные в раскопах на здешнем посаде четыре полуземлянки как русский посёлок, указывая на наличие среди находок стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, креста и до 50 процентов «характерных горшков» среди разнообразной керамики. Даже если не учитывать, что круговая керамика в Булгаре происходила не из Руси, шиферные пряслица там активно использовались в безмонетный период в качестве платёжного средства, а крест был тенгрианской крестовидной подвеской, мы допускаем, что мастерские могли одновременно служить жильём для ремесленников, лишённых личной свободы (например из числа пленённых чужеземцев). Свободные же обитатели русских колоний в булгарских землях, по свидетельству Ибн Фадлана, строили для себя не полуземлянки, а деревянные наземные дома¹²¹.

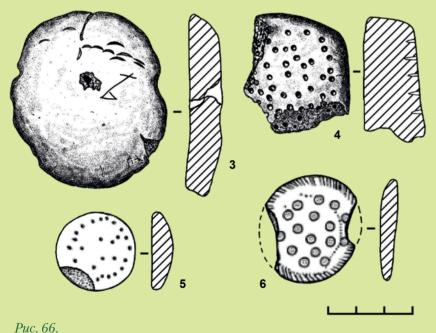
«Болгары – народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо», – писал ещё в начале X века Ибн Русте¹²². Территория нового государства охватила не только лесостепные, но и лесные земли. Так что переселившиеся сюда из степей оседлые носители салтовской археологической культуры должны были приспосабливаться к новым природным условиям и внимательно присматриваться к тонкостям местной организации земледелия, давно укоренённого в землях поволжских финнов – мери и мари, мордвы и муромы. Финны к тому времени имели давний опыт и в обработке почв, и в подборе подходящих для региона зерновых. Занимаясь вопросами развития сельского хозяй-

ства лесной полосы России в древности, В.И. Вишневский сделал вывод о существовании здесь земледелия ещё в начале железного века, в первой половине I тысячелетия до н.э. Кроме специализированных орудий труда из раскопов об этом свидетельствуют находки обугленных зёрен ячменя, проса, пшеницы мягкой и двузернянки, а также их отпечатки в глине 123 .

Приведённые в исследовании В.И. Вишневского данные из раскопок Алабужского (Пеньковского) городища – отпечатки зёрен в керамике – не единственные для данного памятника и региона (рис. 66.1-2). Последующая отмывка проб культурного слоя дала десятки образцов зёрен, к которым прибавилось найденное здесь же целое скопление их, возможно из посевных запасов (более 6 тысяч зёрен ячменя взято на анализ). Изучившая коллекцию Н.А. Кирьянова заключила, что в начале существования поселения, то есть до рубежа н.э., жители предпочитали сеять в основном ячмень, но сеяли также и голозёрную пшеницу (её образцов в отмывках вдвое меньше). А в более позднем слое (V–VI вв. н.э.) среди опознанных зёрен такая пшеница уже доминировала. Кроме того, на одном из найденных на городище фрагментов керамики времени появления государства Волжская Булгария отпечатались зёрна пшеницы-двузернянки, или полбы¹²⁴.

В свою очередь, изучавший земледелие г. Булгара Ю.А. Краснов отметил, что «в предболгарское и раннеболгарское время в Среднем Поволжье преобладали посевы пшеницы-двузернянки, ячменя и *проса»* и что состав культурных растений на территории памятников Волжской Булгарии и Руси домонгольского периода «был примерно одинаковым» 125. Как видим, наши данные с территории Ивановской области в целом соответствуют отмеченным общим тенденциям развития земледелия и тоже могут служить косвенным признаком полезных контактов народов в данной сфере.

Интересно, что сравнение выявляет и сходство культов, связанных с земледелием. На том же Алабужском (Пеньковском) городище, кроме примеси злаков в керамику, найдены миниатюрные глиняные «хлебцы» – изображения выпеченных хлебов (рис. 66.3-4). С помощью отверстий они, возможно, подвешивались в священных местах. Похожие «хлебцы», или «лепёшки», известны в археологических материалах Среднего и Нижнего Поволжья, где они использовались в русле магических практик салтовской культуры¹²⁶. Отметим в этой связи, что в пригороде г. Булгара (Ага-Базар), несмотря на наличие государственной религии, даже в середине XIV – начале XV века ещё функционировало языческое святилище, где также могли

Свидетельства развития земледелия:

- 1-2 отпечатки зёрен злаков (Алабужское городище);
- 3-4 ритуальные «хлебцы» (там же);
- 5-6 ритуальные «хлебцы» в тюркских (салтовских) древностях.
- По С.А. Плетнёвой

совершаться ритуальные действия, связанные со столь важной для жителей страны сферой хозяйствования, как земледелие¹²⁷.

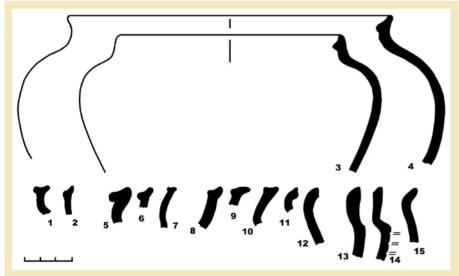
Хорошо известны и прямые свидетельства контактов двух соседних государств по поводу распределения собираемых урожаев. Средняя Волга всегда отличалась от Верхней более плодородными землями и тёплым климатом, а потому булгарские земледельцы, полностью обеспечивая свою страну хлебом, часть запасов пускали на продажу. Так, в дополнительном зерне всегда нуждался Великий Новгород, и постоянная нехватка пополнялась житом не только из верхневолжских урожаев (в первую очередь с плодородных земель Суздальского ополья), но и со Средней Волги. Этим пользовались русские князья: в случае возникавшей вражды между Новгородом и нашими «низовскими» землями они намеренно перекрывали подвоз товара с Волги и тем существенно подрывали благополучие северного соперника.

Неурожаи случались и в самих верхневолжских землях, тогда вновь на выручку приходили булгарские хлебопашцы и торговцы. Хорошо известен случай, когда во время голода 1024 года «udoma no Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша» 128. Два века спустя в том же регионе дважды подряд случался неурожай, и купцы из Булгарии по Волге и Оке особенно оживлённо торговали житом. А их правитель Ильхам (?) прислал владимирскому князю Юрию Всеволодовичу 30 кораблей с зерном 129. Не может быть никаких сомнений, что при столь активных контактах на протяжении веков происходил обмен и посевным фондом, и новинками в технологии возделывания полей.

Разумеется, переселявшиеся ближе к северным лесам южане перенимали у местного населения опыт в лесной охоте, бортничестве, собирательстве. Важнейшей составляющей хозяйства была рыбная ловля с берега, с лодки, а также со льда, где требовались навыки изготовления и использования зимних ловушек. Последние, в силу недолговечности материалов, до наших дней не сохранились, но если в целом сравнивать орудия рыболовства двух городов, Булгара и Плёса, то можно обнаружить практически полное сходство. Как упоминалось, в обеих коллекциях, например, присутствуют, кроме обычных, специфические «горловые» крючки (рис. 51.2). Похожи и другие рыболовные приспособления, сохранившиеся в археологических культурных отложениях.

Польза от сотрудничества всегда обоюдна. Как пишет Ф.Ш. Хузин, «никто уже не сомневается в том, что в ремесленном гончарном производстве булгарские мастера стояли несравнимо выше своих соседей» 130. И такая разница не случайна. Снова вспомним, что жители Придонья, Прикаспия, степей вблизи Чёрного моря издавна приобщались к культурным достижениям более древних соседних оседлых цивилизаций. Носители салтовской археологической культуры раньше лесных верхневолжских народов освоили античный гончарный круг и стали изготавливать, в частности, ту самую «курганную» посуду, которую принято называть «славянской». Разумеется, навыки от салтовцев перенимали и подчинённые им славяне киевских земель (данники Хазарии), о чём писала С.А. Плетнёва. Но не славяне стали учителями для финнов Верхнего Поволжья, как не от них познали тайны гончарства, например, жители марийских земель.

Прежде всего, следует разделить факты начала освоения финнами гончарного круга и появления у них раннекруговой и тем более «курганной» керамики. На всех трёх упомянутых ранее финских поселениях Ивановской области, где проводились археологические раскопки (Микшино, Клочково, Алабуга), найдены образцы лепных изделий, подправленных на поворотном приспособлении. Меря и мурома, узнав о круге, стали осваивать его самостоятельно, причём в изготовлении посуды своих традиционных форм. В этом отношении

Puc. 67.

Ранняя круговая керамика: 1-2 — венчики посуды салтовских истоков (по Ф.Ш. Хузину); 3-7 — Алабужское (Пеньковское) городище; 8-12 — Клочковское поселение; 13-16 — Шекшовское селище (посуда, подправленная на круге; по A.B. Уткину)

заслуживают особого внимания керамические материалы Микшинского селища: они самые ранние и датируются IX — первой половиной X века, временем начала контактов с переселенцами-салтовцами и молодым Булгарским государством. И среди них нет образцов какой-либо инородной, привозной керамики¹³¹. А значит, гончарный круг жители поселения узнали просто как полезное для себя новое изобретение.

На Алабужском (Пеньковском) городище, обитаемом до середины XII столетия, также неоднократно находили фрагменты «подправленной» керамики, но уже встречались и образцы круговой. Так, в одном из позднейших жилищ поселения удалось проследить заполнение рухнувшей глинобитной печи. Здесь преобладали лепные горшки обычных финских форм, большинство из которых были сделаны аккуратно, возможно, на поворотном основании, с применением вращения при финишной отделке. Но кроме них в печи оказались остатки двух полностью изготовленных на круге изделий. Горшки эти были сероглиняными, круглобокими, по форме близкими как к местной финской, так и к булгарской посуде. А с «курганной» их роднило оформление венчиков. Верхние края горшков были фигурными и скошенными внутрь, как у более поздней «курганной» посуды городов Верхнего Поволжья, что, указывалось выше, не характерно для изделий городских центров Суздальской земли (рис. 67.3-4).

Тот же признак в оформлении верха изделий отличал круговые образцы, собранные на этом поселении вне указанной печи. Похожи были и старейшие образцы гончарной посуды на Клочковском муромском комплексе в Шуйском районе (раскопки 2005 г.) (рис. 67.8-12). Но совсем по-другому выглядели первые образцы, выполненные с применением гончарного круга, на селище близ с. Шекшово в Гаврилово-Посадском районе Ивановской области (в пределах Суздальского ополья) 132. Кроме иного оформления венчика, наблюдались отличия и в нанесении линейного орнамента: линии были не такими тонкими и частыми, как на алабужских, клочковских и некоторых булгарских образцах (рис. 67.13-16). Кроме того, в тесте алабужской, а в дальнейшем и плёсской посуды в качестве добавки иногда встречался шамот, что замечено в керамике марийских и булгарских земель. Всё вышесказанное приводит нас к мысли, что развитие гончарного ремесла в регионе (как минимум в самой восточной и приволжской части) шло в русле взаимодействия с восточными соседями.

Взаимодействие отчётливо проявлялось и в оформлении одежды. Оно ощущалось по крайней мере со второй половины I тысячелетия

н.э., а с формированием двух соседних волжских государств стало ещё более тесным. Прежде всего, переселенцам из земель с более тёплым климатом пришлось скорректировать формы одеяний и освоить местные материалы для их изготовления (лён, меха лесного зверя). В этом они, безусловно, ориентировались на одежду местного населения. В обиходе булгар появились даже застёжки «финского типа»: сюльгамы. В раннем Средневековье и на Верхней, и на Средней Волге стали носить косоворотки, в археологических материалах женских погребений отмечены нагрудники¹³³. В свою очередь, местное раннесредневековое население оценило удобство пуговиц грибовидной формы или в виде «бубенчика». Если судить по малочисленным пока и разрозненным археологическим свидетельствам, жители Руси в одежде стали постепенно использовать войлок (стельки для обуви и проч.).

Значительно больше можно сказать о восточном влиянии в оформлении праздничных и статусных костюмов. В рассматриваемом нами регионе постепенно увеличивается количество археологических материалов на эту тему. Но обильную пищу для размышлений предоставили материалы первых раскопок «владимирских» курганов, в особенности ранних — тех времён, когда местное население знакомилось с обрядом курганных захоронений пришлой салтовской культуры. Преобладание восточных вещей в том или ином захоронении может создать впечатление, что под насыпью погребён кто-то из воинов-булгар, принятых на службу в дружину Ростово-Суздальского княжества.

И действительно, курганные материалы изобилуют не только предметами вооружения, походного быта, торговли, но и остатками воинских наборных поясов, где преобладают металлические изделия восточного, салтовского облика (рис. 68). Современные исследования позволяют указать на Булгарию как страну изготовления разнообразных ремённых накладок, наконечников и колец из уваровской коллекции¹³⁴. Имеются в курганах и скандинавские вещи (либо подражания им). Всё это могло бы свидетельствовать о большой этнической пестроте дружины, если бы подтверждалось яркими специфическими отличиями в погребальной обрядности гипотетических викингов и сынов Востока. Мы же, имея представление о соотношении археологических данных, склонны вслед за А.С. Уваровым видеть в воинах, похороненных под курганами, выходцев из мерянской среды, которые, подобно другим, испытали воздействие воинской моды своего времени. И так же признать здесь доминирующее влияние Востока, посредником которого выступала Волжская Бул-

Puc. 68.

Детали наборных поясов булгарского производства из мужских погребений Шекшовских курганов (Гаврилово-Посадский р-н Ивановской обл.)

гария с момента её образования. Рационально устроенные воинские пояса степных рыцарей прижились даже далеко на северо-западе, в варяжской среде: здесь в роли одного из посредников могло отчасти выступать формирующееся финское военно-торговое сословие.

Пояс не только стягивал одежду — он был устроен так, что компенсировал отсутствие карманов: к нему крепился целый ряд необходимых, особенно в походном быту, предметов. У разных народов Востока и в разные эпохи поясные наборы различались. Финский же воин нашего региона носил на поясе комплект приспособлений для добычи огня (кресало, несколько кремешков, трубку с сухим трутом и иглу для извлечения оного), нож в ножнах, точильный брусок, кошель с торговыми принадлежностями (складные весы и гирьки), а также подвески-амулеты и некоторые другие небольшие вещицы. Для удобства крепления всего этого предусматривались металлические ремённые кольца. Из металла также изготавливались накладки, обоймица и застёжка пояса, наконечник свисающей части ремня.

С Востока пришли и отдельные представления о семантической роли пояса, но у других народов они получали местную корректировку, некоторое переосмысление. У верхневолжского финна пояс – это и магический знак обладания, и разделитель сфер вертикальной картины мира, отражённой в костюме. Он настраивал хозяина на позиционирование себя в мире живых, выступал в качестве оберега, стимулировал мужскую силу (свисающая часть с наконечником) и, разумеется, указывал на положение его владельца в обществе. Обладателем мог быть и княжеский дружинник, и член городского ополчения, как, впрочем, и ополченец торгово-ремесленного поселения, такого как Клочковское на Тезе, к которому примыкала малая крепость-убежище¹³⁵.

Многократно большее количество вещей, приобретённых у булгарских купцов, а также местных подражаний присутствовало в костюмах женщин нашего региона. Восточные изделия (прежде всего

Рис. 69. Ювелирные изделия с Клочковского поселения. По О.А. Несмиян, В.Г. Несмиян

бусы) встречались и раньше, в добулгарские времена. Но именно начало на Средней Волге массового производства украшений на продажу совпало с желанием и возможностью окрестного населения приобретать недорогие изделия в дополнение к костюму, который у финских женщин должен был выглядеть пышным, с обилием металлических деталей.

Примерами таких недорогих приобретений (а также, вероятно, местных подражаний булгарским изделиям) служат находки с Клочковского торгово-ремесленного поселения на р. Тезе (рис. 69). В их числе плоские перстни из литых ровных орнаментированных полос; в наибольшем количестве подобные встречаются в землях муромы и Волжской Булгарии. Также с первых лет становления Булгарского государства в финских древностях Верхневолжья появляются «бубенчики», известные в более ранних салтовских древностях, литые мелкие пуговицы (в виде шариков и грибовидные)¹³⁶. Интересным образцом культурного взаимодействия служит обнаруженное при исследовании поселения височное кольцо (серьга?), основа которого обрамлена скрученной тонкой проволокой. Характер скручивания указывает на булгарскую художественную традицию, которая также хорошо заметна в оформлении браслетов и гривен: «кудрявые» восточные изделия хорошо отличимы от подобной продукции мастеров Руси, которые проволоку скручивали плотно.

Как отмечалось выше, со времён образования Волжской Булгарии, с её сильными традициями тенгрианства, в костюмах финских (русских) женщин чаще стали появляться издавна популярные на Востоке подвески-«лунницы» и украшения в виде равностороннего креста ¹³⁷. Знаки солнца и луны благополучно вписывались в космическую вертикаль финской мифологической картины мира, породив, как водится, множество региональных вариантов. Они могли символизировать небесные светила, горизонтальную и вертикальную картину мира, причём символика могла сочетаться в одном изделии. Рассматривать здесь все известные нам варианты мы посчитали нецелесообразным.

Остановимся на одном варианте, комбинированном, который отсутствует во «владимирских» курганных древностях из уваровского собрания, но не раз отмечен в «костромских» из нефёдовской коллекции. Так называемые «замкнутокрещатые лунницы» признаны Е.А. Рябининым в качестве местного элемента курганной культуры, они найдены в нашем регионе на плёсско-кинешемском отрезке Волги (рис. 70.11). Как и все подвески-«лунницы» русских древностей, «замкнутокрещатые» включались в состав ожерелья и в сакральной композиции костюма указывали нижнюю точку космической вертикали, куда солнце уходило на ночь. Они обозначали ночное солнце. Аналогичными знаками солнца в Нижнем мире служили в составе ожерелья собственно крестовидные подвески или всякого рода круглые предметы (специальные подвески, монеты или подражания таковым, и даже христианские иконки). «Лунницы» в ожерельях могли символизировать не только собственно луну как знак ночи, но и космическую вертикаль, где знаками орнамента отмечалось солнце в трёх позициях (восход-зенит-закат), а пространство между кончиками обозначало символическую дыру в Нижний мир (puc. $70.8 u \partial p$.).

Строго говоря, связи с Булгарией стали не столько причиной появления «лунниц» в костюме, сколько стимулом нового всплеска интереса коренного населения Верхней и Средней Волги к древней символике, связанной, вероятно, с лунным календарём. Отчётливые изображения ночного светила имеются даже в коллекциях неолитических древностей Ивановской области. Это художественные изделия со стоянок у озера Сахтыш, выполненные из кремня (рис. 70.1-3). Ну а «лунницы» из цветного металла появились на Верхней Волге с началом эпохи развития контактов финского населения с Востоком. Тесные всесторонние связи с Волжской Булгарией сделали это движение ещё более активным. Появились вариативные

123

Puc. 70.

1-3 — луновидные подвески эпохи камня с Сахтышских стоянок (из коллекции археологического музея ИвГУ); 4 — «лунница» из Нижне-Верейского могильника 2-й пол. IX — нач. X в. (по А.В. Уткину, В.Ф. Черникову); 5 — с Кикинского городища (по В.И. Вишневскому); 6 — из Бирского могильника V—VII вв. (по Н.А. Мажитову, С.А. Плетнёвой); 7 — из Старой Ладоги (по З.А. Львовой); 8-9 — с Билярского городища домонгольского времени (История татар с древнейших времён. Волжская Булгария и Великая Степь); 10 — из «владимирских» курганов, аналоги отмечены в «костромских» (по J.R. Aspelin); 11-12 — из «костромских» курганов 2-й пол. XII — нач. XIII в. (по Ф.Д. Нефёдову). Материалы изделий: 1-3 — кремень; 4-6, 8-12 — медный сплав; 7 — стекло

формы изделий, височные подвески и даже бусы узнаваемой формы. Так, А.С. Уваров в своей коллекции особо отметил подвеску «в виде полумесяца из голубого стекла», обнаруженную в кургане у деревни Старовой, на берегу р. Нерль; у него не вызывало сомнений, что это изделие восточное. Исследователи Старой Ладоги придерживаются того же мнения, относя находимые там синие стеклянные «лунницы» к бусам особой формы и считая их тюркскими салтовскими изделиями (рис. 70.7)¹³⁸.

Также в булгарский период женский костюм региона пополнился новой сакральной вещью, которая получила, на наш взгляд, неверную атрибуцию и название: «копоушка». Ранние образцы таких изделий известны в кочевнических древностях с гуннских времён, и вряд ли для кочевника с его сложными бытовыми условиями чистка ушей выступала в качестве первоочередной гигиенической процедуры¹³⁹. К тому же, некоторые изделия откровенно напоминают ложки, как, например, находка с Клочковского поселения (один из аналогов обнаружен в Муроме) (рис. 71.7). Она изготовлена из медного сплава и имеет округлое расширение в нижней части (слишком

крупное для упомянутой гигиенической процедуры). Но если даже этот предполагаемый символ сытой жизни, например, вырезанный из кости, такого большого расширения не имел, то следует принимать во внимание и меру условности, и те обстоятельства, что ложки бывали разной формы, в том числе с достаточно широкой плоской орнаментированной рукояткой.

С другой стороны, у значительной доли «копоушек» и в степях, и в лесах ложкообразного расширения вообще не было — ни крупного, ни миниатюрного, помещающегося в ухе (рис. 71.1-2). Зато большинство их неизменно дополнялись орнаментом, в котором угадывалась символика мирового древа, мировой вертикали¹⁴⁰. И тогда подвеска обретала свойства оберега. Интересно, что в ряде случаев прослеживался способ её крепления к костюму: она могла быть включена в состав амулетов ожерелья, подвешена к косе, подвешена либо вовсе пришита к платью, а значит, тем более не была предназначена для гигиенических процедур.

С повышением роли коневодства в хозяйстве населения нашего региона к кругу привычных в местном прикладном искусстве изображений добавилась пришедшая из степи сакральная композиция, представляющая парные изображения конских голов, смотрящих в противоположные стороны. Опуская всё многообразие встреченных вариантов, приведём два примера из археологического наследия

Puc. 71.

Так называемые «копоушки» в тюркских древностях к. І тыс. н.э. и в финских древностях нач. ІІ тыс. н.э.: 1-3 — из могильников салтовомаяцкой культуры (по Л.М. Гаврилиной); 4-6 — из «костромских» курганов (по Ф.Д. Нефёдову); 7 — с Клочковского поселения (по О.А. Несмиян, В.Г. Несмиян)

Рис. 72. Головы коней в оформлении предметов: 1 — фрагмент шумящей подвески из г. Булгара (*G.R. Aspelin, 1877*); 2 — гребень с Микшинского селища; 3 — подвеска с мировым древом и конями (*по Е.А. Рябинину*); 4 — подвеска в виде гребешка

Ивановского края. Первый – это соответствующим образом оформленное навершие костяного гребня, особенно популярное у мерянского населения Верхней Волги. Головки коней, смотрящих в противоположные стороны, на гребне с Микшинского селища выполнены весьма реалистично, в духе устоявшейся ещё с эпохи камня местной художественной традиции. А геометрический орнамент археологической находки свойственен как меряно-русским, так и булгарским древностям (рис. 72.2). Надо заметить, что гребни такого рода, с головками коней, получили широкое распространение в волжско-финских древностях, и не только в период раннего Средневековья, но и в значительно более поздние века. Как и в культуре кыпчаков, кони у жителей северных лесов символически увязывались с солнцем, с Верхним миром, и их присутствие на гребнях вполне объяснимо, если иметь в виду, что гребень в древние времена служил не столько для создания причёсок, сколько для гигиенических нужд. Он использовался для вычёсывания из волос паразитов, переносчиков болезней, а болезни, как тогда считалось, исходили из Нижнего

мира. Неслучайно в русском костюме появились и миниатюрные металлические копии гребней: их носили в качестве подвесок – оберегов от болезней *(рис. 72.4)*.

В качестве второго впечатляющего примера можно предъявить круглую подвеску из раскопок «костромских» курганов¹⁴¹. На первый взгляд, она является изображением «процветшего креста» — если бы не специфическое оформление традиционной нижней пары веток: здесь вместо них фигурируют всё те же смотрящие в разные стороны конские головы. Сочетание отрицает про-христианскую трактовку композиции: на подвеске представлено мировое древо с конями в качестве предстоящих (рис. 72.3).

Ошибочным, на наш взгляд, следует признать и предположение о связи с христианством ювелирных изделий в виде фигурок с крыльями — так называемых «подвесок-ангелов» (рис. 73.2). Они встречались в оформлении женских сельских костюмов Верхневолжья в ту эпоху, когда подавляющая часть местного населения (и уж тем более сельского) продолжала придерживаться традиционных политеистических взглядов, но при этом активно участвовала в торговых и культурных связях с жителями Средней Волги и Прикамья. Разумеется, древний житель финских земель в фигурке с крыльями, даже неясных очертаний, усматривал в первую очередь один из символов местной, привычной ему мифологической картины мира: птицу — творца мироздания, несущую из глубин вод первичный комочек

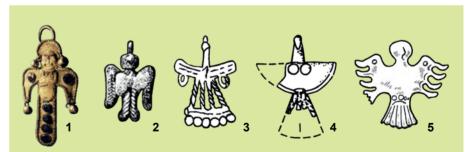

Рис. 73.
Птицевидные фигурки: 1 — изображение богини Умай из кургана Койбалы (из коллекции Новосибирского госуниверситета); 2 — подвеска из кургана близ г. Кинешмы (по Е.И. Горюновой); 3-4 — фигурки «женщины-птицы» с селища Введенское (по В.В. Праздникову) и из Молого-Шекснинского междуречья (по А.Н. Башенькину, М.Г. Васениной); 5 — фигурка из могильника Черемисское кладбище на р. Ветлуге (по Е.И. Горюновой)

земли, либо одну из летающих душ человека, хозяина подвески (рис. 73.3-5). Любой же из тюрков-тенгрианцев мог распознать в крылатой фигурке образ богини Умай (рис. 73.1). Похожие изделия ювелиров трактовались по-разному, но по праву занимали своё место в костюмах разных народов.

Одним из факторов сближения нового и коренного населения региона становилась неизбежная корректировка религиозных взглядов, в первую очередь верований пришлого народа. Такого рода изменения в духовной сфере вполне объяснимы. Они связаны с необходимостью для человека мифологического мышления наладить добрые отношения с миром богов новой для себя территории. А заодно и с местным населением, которое всегда боялось нарушить расположение богов к людям, живущим на их землях и получающим «обилие» из их угодий. Археологам известны случаи из более древних времён, когда, например, кочевники эпохи бронзы, представители фатьяновской культуры, придя на Верхнюю Волгу, не только открыли для себя местные источники материальных благ, но и постепенно восприняли местный культ медведя (или того могучего божества, которое представало в образе лесного зверя). Поклонение новой для фатьяновцев божественной силе отразилось в своеобразных изделиях, найденных в составе погребального инвентаря в местах захоронений 142.

Известны и обратные примеры. Согласно летописному сказанию, в 1246 году князь черниговский Михаил был вызван к Батыю. Накануне допуска к правителю князь должен был пройти обряд очищения огнём и публично проявить уважение к предкам ханского рода (поклониться «болванам», как пренебрежительно писал христианский священник-летописец). Если верить сказанию, князь-христианин отказался исполнить «языческие» обряды и был убит (в рамках мифологического мышления чужак мог быть связан с вредоносной магией и открыто отказался от её нейтрализации). В православии, как известно, поступок князя преподносится в виде образца духовного подвига, а сам князь объявлен мучеником за веру¹⁴³.

Согласно археологическим данным, кочевые народы разных племён, переселившиеся на Среднюю Волгу и объединённые под рукой булгарских правителей, сохраняли почтение к своему божественному миру, но при этом отдавали должное местным богам и традициям. Со временем в их костюмах появлялось всё больше финских шумящих подвесок и разнообразных подражаний таковым. Подобные предметы присутствовали уже в древностях первых переселенцев, в курганных и грунтовых захоронениях населения салтовского круга на территории современного Татарстана. В этом можно убедиться, изучив материалы Большетиганского и других близких к нему могильников второй половины VIII — первой половины IX века¹⁴⁴.

Ярким примером духовного взаимодействия, судя по характерным изделиям, стало принятие переселенцами одного из базовых мифов местного финского населения, согласно которому мир был создан водоплавающей птицей, или божеством, принявшим её облик. Миф этот изначально северный, он зародился и укрепился на обширных лесных просторах от Суоми до Сибири ещё в эпоху камня, о чём свидетельствуют весьма красноречивые изображения с первобытных стоянок. Прекрасные иллюстрации из Ивановской области дают материалы раскопов Сахтышских поселений (рис. 74).

С началом регулярного поступления цветного металла в финском мире стали чрезвычайно популярны отлитые из медного сплава фигурки «уточек» с шумящими привесками. Одним из основных центров их производства на территории нашего региона в период активных контактов с Булгарией стал г. Плёс. Возможно, и он каким-то образом (в силу развития прямых торговых связей) повлиял на постепенное распространение северного мифа о творении мира в среде переселенцев из степных краёв.

Производимые булгарскими мастерами изысканные ювелирные изделия с изображением утицы всё чаще встречаются в археологи-

127

Памятуя о тесных и очень давних контактах тюркских и финских народов ещё задолго до появления первых переселенцев на Средней Волге и Каме, мы допускаем предположение о столь же давнем знакомстве степняков (да и вообще жителей Востока и Юго-Востока) с указанным мифом — несмотря на то, что творцом всего сущего у них считался бог Тенгри. На такую мысль археолога наводят очень похожие находки, разделённые большим территориальным и временным пространством. Обратим внимание на разнообразные изображения перво-земли — происходящие с разных территорий глиняные шарики, орнаментированные, наделённые определённой символикой и предназначенные для обрядовых действий. Древнейший из данного ряда нам известен по материалам всё тех же Сахтышских стоянок каменного века на территории Ивановской области. Ска-

Рис. 75.

«Утка» – творец мироздания. Подвески XII–XIII вв.: 1 – г. Биляр (Большая Российская энциклопедия); 2 – курганный могильник в окрестностях Плёса (по Е.А. Рябинину)

Puc. 76.

Ритуальные керамические шарики:

1— со стоянки у озера Сахтыш (из коллекции археологического музея $\mathit{Ив}\Gamma \mathit{Y}$); 2— с турецкого холма Гиссарлык (шлимановская «Троя»); 3— с Алабужского городища; 4— с Плёсского посада; 5— из Новгорода (по П.Г. Гайдукову); 6— с плёсского некрополя Холодная гора

танный из глины шарик орнаментирован пересекающимися рядами зубчатых отпечатков (рис. 76.1). Следующая в хронологическом ряду находка происходит со знаменитого турецкого холма Гиссарлык, который принято увязывать с легендарной Троей (рис. 76.2). При всей лаконичности, смысл орнаментального оформления здесь уже угадывается. Пояс разделяет космические сферы. Нижний мир обозначен короткими изгибами, символизирующими водную сферу. Ромбы могут обозначать мир человеческих общин (как у многих древних народов). И всё это в совокупности представляет круглый глиняный комочек как образ мира. Следующие в ряду два изделия связаны с финским (мерянским) сообществом. На изделии с Алабужского городища (рис. 76.3) заметен ногтевой отпечаток: он носил охранительный характер. Более крупный шарик, с Плёсского раннесредневекового посада (рис. 76.4), также покрыт защитным орнаментом: частые наколки издревле символизировали шкуру животного, а также «шкуру земли» (траву). И по сей день в России (в том числе и в Татарстане) не забыт жизнеутверждающий обычай сажать новобрачных на шкуру (шубу); на шкуру же в старину укладывали новорождённого. Плёсский шарик, таким образом, тоже ассоциируется с живым миром. Ещё более отчётлива символика получивших широкое распространение в средневековой Руси пустотелых шариков с заключёнными в них камешками. Издающие звук изделия «живые» и символизируют живой мир, что в новгородской средневековой находке дополнительно подтверждается знаковым изображением растительности по поверхности (рис. 76.5). В предмонгольский период на Руси было налажено производство нарядных «шарышей», с цветной поливой по поверхности. Подобные находки имеются в Плёсе, одна из них – в захоронении раннесредневекового кладбища,

она может символизировать возрождение к жизни в новом мире $(puc. 76.6)^{145}$.

Находки глиняных шариков и нарядных «шарышей» известны и на территории древней Булгарии, они уверенно вошли в сферу народной культуры. Но в булгарских древностях присутствуют также находки, связанные с другим вариантом древнего мифа о творении. Это выполненное из глины или металла яйцо, снесённое водоплавающей птицей. Согласно финскому мифу, утка-творец находит место для гнезда посреди мировых вод, она высиживает яйца, и, когда одно из них разбивается, из него возникает мир:

Из яйца, из нижней части, Вышла мать-земля сырая; Из яйца, из верхней части, Встал высокий свод небесный; Из желтка, из верхней части, Солнце светлое явилось...¹⁴⁶

Важная составляющая древнего эпоса также нашла отражение в ювелирных изделиях, как мерянских или вепских, так и булгарских, включая упомянутые изысканные подвески из драгоценного металла. Волшебное яйцо, из которого возникает мир, прочно вошло в мифологию многих сообществ. Оно обогащает календарную обрядность даже тех народов, которые в своё время провозгласили приоритет одной из авраамических религий. В христианстве это яйцо, связанное с Марией Магдалиной и «народной» Пасхой. В большом весенне-летнем календарном цикле Сабантуя, гармонично существующем среди главных праздников татар, также фигурируют крашеные яйца, которые принято выносить сборщикам от каждой семьи.

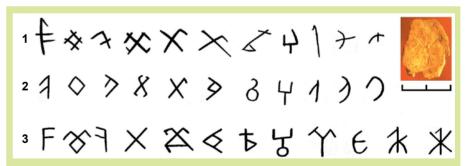
Нельзя, наконец, не заметить некоторых общих черт — и, возможно, взаимного влияния — в истории развития письменности населения Верхней и Средней Волги раннего Средневековья, эпохи зарождения молодых соседних государств. Стремление к передаче информации с помощью тех или иных простых знаков привело к появлению множества вариантов рунического письма различных племён, племенных объединений и целых государств 147. Информация передавалась одиночными «чертами и резами» или группами таких знаков. Количественное преобладание известных образцов среди тысяч рунических начертаний принадлежит, безусловно, степным рунам, но причиной может служить материал: изображения на камне, глине или цветном металле куда более долговечны, чем на дереве, коже или кости. К тому же нужно учесть разную глубину

истории государственности у народов Востока и нашего Севера, степень близости к древнейшим цивилизациям Востока и Юга.

Носители салтовской культуры унаследовали рунические традиции Тюркского каганата. Салтовцами «народная письменность» была принесена в молодое Волжско-Камское государство, где применялась ещё некоторое время параллельно с официально принятым арабским буквенным письмом¹⁴⁸. Учитывая пестроту населения, она не являлась единообразной — как не могла быть одинаковой и у местных финских народов, также давно использовавших добуквенные знаки передачи информации. Но что интересно: даже сторонний взгляд неспециалиста может уловить в многообразии рун, используемых разными народами, немало похожих изображений. А руническая письменность соседей тем более не могла не иметь точек соприкосновения (рис. 77).

На территории рассматриваемого региона ввиду его слабой археологической изученности известны лишь считаные образцы рун, в основном с Алабужского (Пеньковского) городища и из Плёса. Некоторые из них повторяются; иные похожи на буквы кириллицы. Аналоги и сходные начертания имеются среди материалов городищ Подмосковья (Щербинское, Старшее Каширское), в Вологодской области, Удмуртии, Великом Новгороде, Скандинавии и, разумеется, среди салтовских и протобулгарских рун¹⁴⁹.

Нельзя не обратить внимание и на такой пример переплетения письменных традиций, восходящих к добуквенному письму. В балканских землях известны образцы протоболгарской письменности, которая некоторое время сосуществовала с кириллицей и которую разные учёные квалифицируют по-разному. Но, опуская споры,

Puc. 77.

Образцы рунических знаков: 1 – руны с Алабужского городища Ивановской области; 2 – салтовские знаки; 3 – руны балканской Болгарии

вслед за исследователями отметим, что ряд рун из булгарского алфавита совпадают с кириллицей и глаголицей¹⁵⁰. Нетрудно предположить, что составители этих двух новых буквенных алфавитов опирались не только на греческое письмо, но и на древнюю тюркскую руническую форму. В дальнейшем глаголица и кириллица пришли на Русь. Первая, будучи неудобной для широкого использования, постепенно отпала, а вторая применяется до сих пор – в том числе и некоторые слегка видоизменённые знаки древнего тюркского рунического письма! Добавим к этому руны, которые использовались в качестве тамги и также нашли отражение в культуре средневековой

- 19 Повесть временных лет. // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 37.
- ²⁰ Ал-Истахри. Книга путей и стран. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... III том. С. 81, 85.
- ²¹ Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. C. 196-209, 128, 253.
- 22 Абу Хамид ал-Гарнати. Ясное изложение некоторых чудес Магриба, или Выборка воспоминаний о чудесах стран. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... III том. С. 140.
- 23 Ибн Хаукал. Книга путей и стран. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... III том. С. 92.
- ²⁴ Ответное письмо хазарского царя Иосифа. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... III том. С. 205.
- 25 Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 182-183.
- ²⁶ Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. С. 83.
- ²⁷ Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара. // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 159.
- 28 Там же. С. 160.
- 29 Несмиян О.А., Несмиян В.Г. Изделия из цветного металла из коллекции Клочковского селища 2. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М.-СПб., 2012. Вып. 4. С. 105-109.
- ³⁰ Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. С. 75.
- ³¹ Там же. С. 120-123.
- ³² Там же. С. 105.
- ³³ Ерофеева Е.Н. Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе. // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 216-217.
- ³⁴ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. С. 91-92.
- ³⁵ Анучин Д.Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. // МАВГР. М., 1899. Вып. З. С. 251. Равдина Т.В. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988. С. 106.
- ³⁶ Травкин П.Н. Раскопки Клочковского городища в 2003 году. // Историко-культурный и природный потенциал Шуйского края, состояние и перспективы развития туризма Шуйского района. Шуя, 2004. Несмиян О.А., Несмиян В.Г. Изделия из цветного металла... Табл. 1.
- 37 Уткин А.В. Многослойное поселение Ванино на р. Лух. // АПВКМ. Иваново, 1989. Вып. 2. Рис. 1.22.
- ³⁸ Комаров К.И. Славянское поселение «Стрелка» на р. Лух. // КСИА. М., 1973. Вып. 135.
- ³⁹ Несмиян О.А., Травкин П.Н. Истоки городской региональной культуры. // Шуйская земля: традиции и туризм. Шуя, 2006. С. 57.
- 40 Зайцева И.Е. Сплавы цветных металлов селищ Суздальского ополья. // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М., 2008. Вып. 2. С. 42. Зайцева И.Е. Цветной металл украшений могильника Шекшово 9 Х-ХІ вв. в Суздальском ополье (химический состав). // КСИА. М., 2015. Вып. 241. C. 252-262.
- ⁴¹ Ерофеева Е.Н. Указ. соч. С. 217.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002.

² Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. С. 75.

³ Монгайт А.Л., комментарий к изданию: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.

⁴ Ал-Истахри. Книга путей и стран. // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2009. III том. С. 82, 85.

⁵ Ибн Хаукал. Книга путей и стран. // *Там же*. С. 88-89.

⁶ Письмо еврейского сановника Хаздая ибн Шафрута к хазарскому царю Иосифу. // Там же. С. 193.

⁷ Ал-Идриси, Отрада страстно желающего пересечь Землю. Комментарии, // *Там* же. С. 131-133.

⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2009. V том.

⁹ Адам Бременский. Деяния гамбургских архиепископов. // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. IV том. С. 127.

^{10 «}Сага об Олаве святом» по «Кругу земному» // Древняя Русь в свете зарубежных источников... III том. С. 117.

¹¹ Какие земли лежат в мире. // Там же. С. 325. (Заметим здесь, что в скандинавских источниках похожий термин, но с -ланд (Болгараданд) означает Болгарию балканскую, а не волжскую.)

¹² Рунические налписи. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... V том.

¹³ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. М., 1986. С. 33.

¹⁴ Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2019. C. 197-198.

¹⁵ Там же. С. 120-121.

¹⁶ Ибн Фадлан. Рисала. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... III том.

¹⁷ Пределы мира от востока к западу. // *Там же*. С. 55.

¹⁸ Пояснения Т.К. Калининой. // *Там же*. С. 88-89.

гар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 157.

Ouvaroff A. Etude sur les peuples primitifs de la Russie. Atlas. M., 1898.

⁴⁸ Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. С. 106.

49 Спицын А.А. Владимирские курганы. // Известия императорской Археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 15. С. 92.

42 Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища. // Город Бол-

50 Травкин П.Н. Заметки об исторических истоках города Иванова. // Краеведческие записки. Иваново, 1998.

Несмиян О.А., Несмиян В.Г. Вещевой комплекс селища Клочково 2 в Шуйском районе Ивановской области (по материалам раскопок 2007 года). // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М., 2008. Вып. 2. С. 71. Травкин П.Н. Микшинское финское селише... Рис. 3.22.

⁵² Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII вв. низовий Камы. Казань, 1991. С. 144-

53 Травкин П.Н. Верхневолжский средневековый костюм. Ивановский край. Ива-

54 Леонтьев А.Е. Начало освоения территории Конюшенного двора в Ростове. // Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии. М., 2021. С. 53.

55 Ибн Хаукал. Книга путей и стран. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... III том. С. 93. Ибн Мискавайх. Книга испытаний народов и осуществления заданий. // Там же. С. 103.

⁵⁶ Баранов В.С., Валеев Р.М., Ситдиков А.Г., Хайрутдинов Р.Р. Древний Болгар в истории и культуре Евразии. // Город Болгар: История изучения и сохранения. M., 2021, C. 118.

57 Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 181.

⁵⁸ Травкин П.Н. Верхневолжский средневековый костюм. С. 16-17.

Бьярни Скальд Золотых Ресниц. Драпа о Магнусе. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... V том. С. 63.

60 Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 183-184.

61 Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Кочкинский грунтовый могильник. // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1988. Вып. 14. С. 124.

62 Хлебникова Т.А. Предболгарские памятники на территории Болгарского горолиша. // Город Болгар. Очерки истории и культуры. Рис. 9.

63 Колчин Б.А. Прядение и ткачество. // Древняя Русь. Город. Замок. Село. M., 1985. C. 269.

64 Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария: Сельское хозяйство и промыслы. Городское ремесло и торговля. // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие. Казань, 2001. С. 52.

⁶⁵ Хузин Ф.Ш. Указ. соч. С. 145-171.

⁶⁶ Адам Бременский. *Указ. соч.* С. 147.

- ⁶⁷ Ouvaroff A. Etude sur les peuples primitifs... *Табл. XXXIII*.
- 68 Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII-XVI веках. Плёс, 2022. С. 177. Белецкий С.В. Пломбы из Тверской, Новгородской и Смоленской областей в коллекции И.Н. Парусимова. // Археологические вести. СПб., 2021. № 31. С. 286-289.
- 69 Несмиян О.А., Уткин А.В. Древнерусская актовая печать с верховьев Тезы. // Археология Владимиро-Суздальской Руси, М., 2016. Вып. 6. С. 288-292. Травкин П.Н. Язычество и первые попытки христианизации раннесредневекового населения Ивановского края. // Плёсский сборник. Плёс, 1995. Вып. 2, ч. 1.
- ⁷⁰ Речь идёт о богатом скандинавском торговце Гилли Гардском. *См.*: Сага о людях из Лососьей долины. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... V том. C. 213.
- ⁷¹ Сага о Ньяле. // *Там же*. С. 216.
- ⁷² История татар с древнейших времён. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. Том II. *Цветные иллюстрации*. Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII-XVI веках. Рис. 50.4. Он же. Язычество древнерусской провинции. Рис. 78г.
- 73 Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 19.
- 74 Типографская летопись. // Русские летописи. Рязань, 2001. Том девятый. С. 100.
- ⁷⁵ Галкин В.А. Суздальская Русь, Иваново, 1929, С. 76-77.
- ⁷⁶ Там же. С. 80.
- ⁷⁷ Там же. С. 81.
- 78 Типографская летопись. С. 104.
- 79 Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 21.
- 80 Руденко Б.А. Булгарские клады. // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. C. 333.
- 81 Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 76.
- ⁸² Там же. С. 77, 87.
- 83 Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 34.
- 84 Руденко Б.А. Булгарские клады. С. 334.
- 85 Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 111.
- ⁸⁶ Повесть временных лет. // ПЛДР. М., 1978. С. 162.
- 87 Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. С. 74-92.
- 88 Ерофеева Е.Н. Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе. С. 217.
- 89 Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И., Чалых Н.Е. Раскопки в 13-м квартале города Владимира. // Археологические открытия 2008 года. М., 2011. C. 142.
- 90 Самойлович Н.Г. Находки янтаря в Ростове Великом. // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2012. С. 156.
- 91 Стурла Тордарсон. Сага о Хаконе Хаконарсоне. // Древняя Русь в свете зарубежных источников... V том. С. 167.
- 92 Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 191.
- 93 Там же. С. 180.
- 94 Там же. С. 174-195.
- 95 Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. С. 58, 81, 129 и др. Личная переписка (архив автора).

- 96 Травкин П.Н. Ремесленные работы в усадьбе Плёсского раннесредневекового посада. // АПВКМ. Иваново, 1989. Рис. 3.
- 97 Казаков Е.П. Булгарское село... С. 54.
- 98 История татар с древнейших времён. Волжская Булгария... С. 263.
- 99 Там же. С. 261.
- ¹⁰⁰ Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII–XVI веках. С. 73.
- ¹⁰¹ Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. Л., 1981. САИ. E10-65. C. 50-51, 60.
- ¹⁰² Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. С. 132-145.
- ¹⁰³ Рябинин Е.А. Костромское Поводжье в эпоху Средневековья. С. 57-58.
- 104 Макаров Н.А. Средневековые селиша вблизи сёл Тарбаево и Туртино в Суздальском ополье. // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.-СПб., 2012. Вып. 4. С. 83.
- 105 Колпаков Е.М. Петроглифы Канозера и Северной Европы. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.-М.-Великий Новгород. 2011. Том I. С. 156. Яжджевский К. Элементы древнерусской культуры в Центральной Польше. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 214. Равдина Т.В. Типология и хронология допастных височных колец. // Славяне и Русь, М., 1968. С. 141.
- ¹⁰⁶ Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII–XVI веках. Плёс, 2022. *Puc.* 76, 84 $u \partial p$.
- 107 Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. С. 234. Фехнер М.В. Крестовидные привески «скандинавского» типа. // Славяне и Русь. С. 212.
- 108 Семыкин Ю.А. Изделия из цветных и драгоценных металлов. // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузненов, литейшиков, Казань, 1996. С. 190-194. Рис. 64.5. 7-8. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси... *Табл. III, V, XX*.
- 109 Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища. // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 212.
- ¹¹⁰ Результаты количественного спектрального анализа. Пл., п. 89. (Справка в распоряжении автора.)
- 111 Валиулина С.В. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского горолиша). Казань, 2005. С. 88-89, 118, 169.
- ¹¹² Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария...
- 113 Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь. М.– Н. Новгород, 2009. С. 259.
- 114 История татар с древнейших времён. Волжская Булгария... С. 263.
- 115 Травкин П.Н. Ремесленные работы в усадьбе Плёсского раннесредневекового посада. // АПВКМ. Иваново, 1989. Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII–XVI веках. Рис. 15.1.
- ¹¹⁶ Кадиева Е.К. Древнерусская круговая керамика Ярославля XII середины XIII века: морфология и орнаментация (по материалам Успенского раскопа). // Археология: история и перспективы. Сборник статей 3-й межрегиональной конференции. Ярославль, 2007. С. 65.
- 117 Смирнов А.П. Древняя Русь и Волжская Болгария. // Славяне и Русь. М., 1968. C. 167.
- 118 Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. С. 97-115.
- 119 Там же. С. 116, 123-124, 144-145.
- 120 Смирнов А.П. Волжская Болгария. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. C. 209.

- 121 Ибн Фадлан. Рисала. С. 69.
- 122 Цит. по: Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округи. // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. C. 205.
- ¹²³ Вишневский В.И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э.). Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. истор. наук. М., 1991. С. 21. Он же. К вопросу о земледелии племён дьяковской культуры в Верхнем Поволжье. // Плёсский сборник. Плёс, 1993. Вып. 1. С. 195.
- ¹²⁴ Кирьянова Н.А. Зерновые находки на городише Пеньки. // Плёсский сборник. Плёс, 1995. С. 57-58. Она же. Отпечатки зёрен на керамике Пеньковского горолиша. // Материалы третьей научно-практической конференции «Проблемы изучения Плёса». Плёс, 1990. С. 24-25.
- 125 Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия... С. 220-221.
- ¹²⁶ Плетнёва С.А. О домашних оберегах в Саркеле Белой Веже. // Российская археология. М., 1994. № 1.
- 127 Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография. // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. C. 41.
- 128 Повесть временных лет. // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 162.
- 129 Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 257.
- ¹³⁰ Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария: сельское хозяйство и промыслы. Городское ремесло и торговля. // Очерки по археологии Татарстана. Казань. 2001.
- 131 Благодарю Б.Б. Цетлина за консультации по поводу керамики Микшинского
- ¹³² Несмиян О.А., Травкин П.Н. Истоки городской региональной культуры, С. 56. Уткин А.В. Керамика древнерусского селища близ с. Шекшово в Суздальском ополье. // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1996. Вып. Ш. С. 55-60.
- 133 Лелеко Л.Н. Женский костюм по материалам Большетарханского могильника конца VIII-IX вв. // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа, 2007.
- 134 Зайцева И.Е. Поясные наборы из могильника Шекшово в Суздальском ополье. // КСИА. М., 2014. Вып. 236. С. 161-165.
- ¹³⁵ Мурашева В.В. Древнерусские ремённые наборные украшения (X-XIII вв.). М., 2000. С. 77-78. Травкин П.Н. Верхневолжский средневековый костюм.
- ¹³⁶ Несмиян О.А., Травкин П.Н. Истоки городской региональной культуры. Рис. 3, 7-8, 10. Несмиян О.А., Несмиян В.Г. Вещевой комплекс селища Клочково 2.
- ¹³⁷ Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. С. 116.
- 138 Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам, С. 75. Львова З.П. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Способы изготовления, ареал и время распространения. // Археологический сборник (Эрмитажа). Л., 1970. Вып. 12.
- ¹³⁹ «Они не очищаются... и не омываются... не имеют никакого дела с водой, особенно зимой, и никогда не снимают одежды, прилегающей к телу, пока она не придёт в

П.Н. ТРАВКИН W ТАТАРЫ В ИВАНОВСКОМ КРАЕ: МОСТЫ ДАЛЁКОГО ПРОШЛОГО

- *иегодность»*, писал представитель оседлой цивилизации Ибн Фадлан, наблюдая за бытом кочевников-гузов, // Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. С. 64.
- 140 Гаврилина Л.М. Кочевнические украшения Х в. // С.А. 1985. № 3. С. 216. Рис. 3.
- ¹⁴¹ Рябинин Е.А. Костромское Поводжье в эпоху Средневековья, *Табл. IV.*15.
- ¹⁴² Крайнов Д.А. Фатьяновская культура. // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 71.
- ¹⁴³ Владимирский летописец. // ПСРЛ. М., 1965. Том 30. С. 91.
- ¹⁴⁴ Жилина Н.В. Реконструкция убора из украшений для периода ранней истории Волжской Булгарии. // Археология Евразийских степей. Казань, 2019. № 6. *Рис.* 1.6.
- ¹⁴⁵ Травкин П.Н. Раскопки Плёсского посада в 1989 году. // АПВКМ. Иваново, 1989. Вып. 2. Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 138. Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. С. 196.
- ¹⁴⁶ Калевала. М., 1977. С. 40.
- 147 Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- ¹⁴⁸ Давлетшин Г.М. Письменность и просвещение в Булгарии. // История татар с древнейших времён. Казань, 2006. С. 557.
- Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 149. Смирнов К.А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова» типа с Троицкого городища. // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971. Т. 2. Ахмедов И.Р. Сосуд со знаками из могильника Кораблино. // Древности Оки. Труды ГИМ. М., 1994. Вып. 85. С. 134-135. Никитинский И.Ф. Тиуновское святилище. // Культура Русского Севера. Вологда, 1994. Рис. 9, 10. Медведев А.Ф. Загадочная надпись начала XI века из Новгорода. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 437-439. Арматынская О.В. Древние знаки собственности северных удмуртов. // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. Рис. XXXV.
- ¹⁵⁰ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. *Табл. XIII*.

асцвет Владимиро-Суздальской Руси и Волжской Булгарии, а с ним и наивысшая точка их многопланового и взаимовыгодного сотрудничества пришлись на те времена, когда в азиатских степях началось объединение многочисленных кочевых народов и формирование нового государственного организма. Главным организатором объединительных процессов выступил Чингисхан, в 1206 году провозглашённый всемонгольским правителем. В качестве основного курса своей внешней политики он объявил завоевание новых земель и народов. В следующем, 1207 году слаженная и многочисленная монгольская армия во главе с его старшим сыном Джучи вышла за пределы Степи и устремилась на север, в тувинские, хакасские и алтайские земли. Довольный отец-правитель писал: «Ты, Джочи, старший из моих сыновей, <...> успешно покорил лесные народы. Ни люди, ни кони не получили ран. Отдаю тебе эти *народы»*¹. А через три десятилетия правящая элита Монгольской империи нацеливалась уже на другие земли, обсуждала планы завоевания Восточной Европы, и во главе войск был поставлен один из старших сыновей Джучи, Бату-хан (хан Батый). Несмотря на оказанное агрессорам серьёзное противодействие, Булгария, а затем и Северо-Восточная Русь были покорены превосходящими силами новой империи.

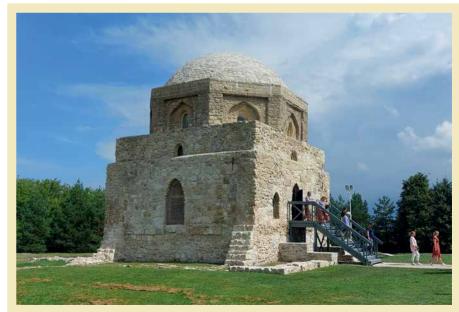
Но даже в последние годы и дни сопротивления народы двух государств проявляли взаимную приязнь и поддержку. Вновь вспомним, как после монгольского нашествия 1236 года на Среднюю Волгу население русского Верхневолжья приняло у себя спасавшихся от агрессора булгар. А зимой 1238 года булгарские беженцы бок о бок с местными жителями обороняли теперь уже русские города (что постепенно находит новые подтверждения в археологических материалах).

Монгольское нашествие на многие годы существенно отдалило бывших партнёров друг от друга. Волжская Булгария вошла в состав Улуса Джучи (Золотой Орды). Куда более обширные и сильные русские земли сохранили относительную самостоятельность. Вернувшись из завоевательных походов 1236–1242 годов, хан Бату занялся

организацией своего улуса. Он поселился не в отцовской прииртышской ставке, которая была занята его старшим братом, а в Поволжье, избрав своей столицей город Булгар. Впоследствии ханом был основан ещё один центр, Сарай, в низовьях Волги. Сам же правитель сохранял кочевой образ жизни, ежегодно курсируя вдоль Волжского пути и тем самым, среди прочего, обеспечивая безопасное движение торговых судов, а значит, быстрое восстановление и развитие экономики захваченных земель.

Для Булгара начался период наивысшего расцвета. Первая столица Золотой Орды быстро залечила раны, резко увеличила свою территорию, восстановила и подняла уровень торговли и традиционных ремёсел. В конце XIII – начале XIV столетия город почти заново отстроили статусными каменными зданиями (рис. 78). В результате работ по благоустройству были проложены мостовые, водопровод, дренаж. Булгар известен и как первый центр чеканки монет монгольских ханов (рис. 79), а после распада единой державы – монет Золотой Орды. Богатая и многообразная булгарская культура стала важнейшим компонентом золотоордынской культуры.

Власть на бывших землях правящей династии Джаффаридов перешла к Чингисидам. Старую булгарскую знать, значительно поре-

Puc. 78. Чёрная палата. Булгар, XIV в.

Puc. 79. Монеты хана Джанибека

девшую в ходе монгольского нашествия, заменила или, во всяком случае, сильно потеснила новая аристократия. Она вскоре хорошо укоренилась в местной городской среде, отчасти благодаря установлению родственных отношений с булгарской знатью. Новая элита постепенно расширяла границы бывшей Булгарии (главным образом в бассейнах рек Вятка и Кама), умножая при этом свои владения. Термин «татары» стал сначала обозначать социальную верхушку Булгарского улуса Золотой Орды, а затем, превращаясь в суперэтнический (по Л.Н. Гумилёву), распространился и на всё население новой «татарской земли» – подобно тому как ранее «булгарскими» или «русскими» постепенно стали зваться территории, населённые многочисленными племенами.

Судьбоносные изменения после монгольского нашествия претерпела и Северо-Восточная Русь. Большой поход Батыя 1237-1238 годов, по мнению того же Л.Н. Гумилёва, был всё-таки набегом, а не планомерным завоеванием: для захвата обширных русских земель не хватило бы людей у всей Монгольской империи. Ведь на долю Батыя, главы Золотой Орды, приходилось всего две тысячи собственно монгольских воинов (если не считать союзников). Взятие многочисленных крепостей «Гардарики» оказалось сопряжено с такими большими потерями для агрессора, что пришлось отказаться от похода на Новгород. Население наших земель оказывало не менее ожесточённое сопротивление врагу, чем ранее булгары. И в результате в 1243 году был достигнут мир, который в тот момент в целом устраивал обе стороны, победителей и побеждённых. «Начались частые поездки в Золотую Орду русских князей, откуда те привозили жён-татарок»².

Несущие то мир, то меч

Итак, Русь не стала частью Улуса Джучи, в отличие от Булгарии. «Великие князья владимирские первоначально (в период реального единства империи) получили инвеституру в имперской столице Каракоруме, при дворе великого хана (каана); прочие же нижестоящие князья довольствовались пожалованием от Бату»³. Очень скоро, как считал Л.Н. Гумилёв, отношения сторон, при сохранении сложившейся доминанты, приобрели характер «симбиоза». Уже в 1245 году «грозный князь Александр», впечатляя современников своим войском, приходил во Владимир «в силе велице», а затем направился к Батыю. «Цесарь же Батыи вдав великую честь и дары русскому князю Александру, и отпусти его с великою любовию»⁴. В 1251 году князь Александр Ярославович, вновь приехав к Батыю, подружился, а затем и побратался с его сыном Сартаком и стал, таким образом, приёмным сыном хана.

Вернувшись в следующем году на Русь, он привёл с собой боевой отряд татар во главе с опытным военачальником Неврюем. Несмотря на ожидаемые тяжкие последствия прихода таких «гостей» для населения Верхневолжья, мера, предпринятая князем, была вынужденной. Александр должен был решить серьёзную стратегическую задачу: нейтрализовать ни много ни мало угрозу нападения и весьма вероятного завоевания Новгородских и Владимирских земель рыцарями-крестоносцами (как это накануне случилось с Прибалтикой). Ранее силу Запада сполна прочувствовал отец Александра, князь Ярослав, который, если судить по посланию папы Иннокентия IV от 23.01.1248 года, смирился «и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви» через поверенного Папы, его посланника в Орду Плано Карпини, «и в присутствии *Емера*, военного советника»⁵. Вероятно, вследствие этого князь и был отравлен «в канове Орде» в 1245 году. Сын его Александр, в отличие от братьев, выбрал восточных, а не западных союзников. Возвратясь на Русь вслед за войском Неврюя, он поехал в тепло принимавший его Новгород, а татарам указал путь строго в земли брата, «западника» Андрея. Имелся и повод: Андрей был младше Александра, но, *«отняв у него старшинство»*, стал великим князем Владимирским; к тому же, взяв ориентир на католический Запад, он отказался подчиняться Орде и выплачивать дань, что неминуемо привело бы к новым большим нашествиям с тяжкими последствиями. В сражении с Неврюем Андрей потерпел поражение и вынуж-

ден был бежать «за море», в Швецию (Рюриковичи не обрывали родственных связей). Немцы же, видя такой поворот событий, вскоре приостановили наступление на Новгород и Псков. Русь была спасена от новой серьёзной экспансии со стороны Запада.

Батый, помогая Александру, также оказался в выигрыше. В преддверии серьёзных политических изменений в Монгольской империи он получил надёжный тыл и серьёзное русское военное подкрепление, вследствие чего остался и в живых, и при власти. Правитель Золотой Орды предпочёл и дальше сохранять «симбиоз» с русскими князьями, как впоследствии брат его Берке, не рискнувший поссориться с Александром Невским и даже разрешивший в 1260 году учредить в Сарае православную епархию⁶.

Государственная стратегия, политические интриги, равно как и откровенные проявления непрофессионализма в военном деле со стороны князей — «защитников русских земель», тяжко отражались на населении Руси, и в частности наших верхневолжских земель. Летописец с горечью повествует о приходе воинов Неврюя *«на землю Суздалскую»*, где они *«людей много полониша и, много зла створив, отвидоша»* Тесли проследить по летописям события последующих лет, то мы увидим, какую кровавую цену платило население за амбиции князей. Жестокие разорения, грабежи, превращение людей в «живой товар» были обычной для Средневековья платой наёмному войску.

Так и в 1281 году уже сын Александра Невского, князь Андрей, в Орде «испроси собе княжение великое» и «приведе с собою рать Татарскую Кавгадыа и Альчадыа»; разумеется, наёмники «все поусто стьвориша и пограбиша и в полонь поведоша моужи и жены и дети». В русской истории глубоко запечатлелась своими пагубными последствиями т.н. «Дюденьева рать» 1289 года. (Дюдень – так в русских летописях именовался ордынский полководец Тудан, брат хана Токты.) Жертвой нашествия вновь стали почти все основные города Северо-Восточной Руси («всехъ градовъ 14»). Но ведь истинного виновника опять следует искать не в Золотой Орде: им оказался русский князь, всё тот же добивавшийся власти Андрей Александрович, который пришёл в Орду жаловаться «на брата своего, великого князя Дмитрея, царь же отпусти съ нимъ брата своего Дюденя со множествомъ рати»... Исход был предсказуем. Последствия таких набегов в нашем регионе находят отражение в археологических материалах. Так, на одном из участков Плёсского посада в раскопе выявляются следы не только разорения 1237-1238 годов, но и последующих тревожных событий – захоронения на месте былых жилищ⁸.

Говоря об ошибках в управлении русскими землями, нельзя не вернуться к первому и главному нашествию Чингисидов в зиму 1237—1238 годов, когда русские князья не сумели объединить силы, чему не способствовали и личные качества великого князя Юрия Всеволодовича: «нерешительность, нераспорядительность, склонность к крайностям от заносчивого бахвальства до панической растерянности». Он ничего не сделал для мобилизации ополчения, и в его распоряжении оказались только дружины подручных князей и некоторая часть своей дружины. А когда после падения г. Владимира полководец бежал на р. Сить для воссоединения с остатками княжеских отрядов, то он и здесь не сумел грамотно организовать силы для отпора тумену (наиболее крупная организационно-тактическая единица монголо-татарского войска) Бурундая9.

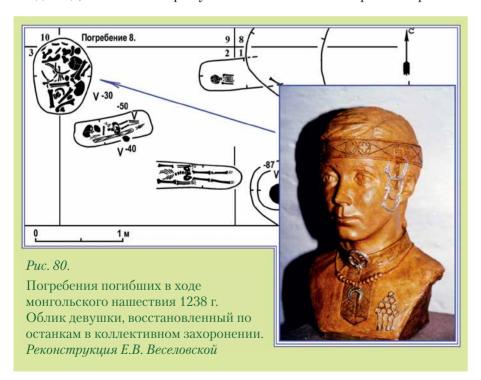
«Окаянный же Батый ещё воздвижеся воевати, и взяша 14 градов, и поидоша татарове к Юрьеву, и к Ростову, а инии поидоша к Переславлю, и к Кашину, а инии к Ярославлю, и к Углечу, а инии на Волгу, на Кострому, и на Плесо, и на Юрьевець, и на Городец. И вся грады плениша по Волзе и до Галича», — свидетельствует запись, восходящая, по мнению Д.С. Лихачёва, к несохранившейся Костромской летописи¹⁰. Сегодня, после открытия и достаточно долгого археологического исследования раннесредневекового Плёса, мы можем дополнить картину гибели города, его последующего возрождения и новых, неожиданно тесных контактов с Востоком, с татарским миром.

На территорию современной Ивановской области монгольское войско пришло зимой 1237-1238 годов по замёрзшим рекам. Их главными целями были Владимир и Суздаль, но небольшие группы агрессоров отклонялись от главных водных магистралей (Волги, Клязьмы, Нерли) и по их притокам добирались до русских сёл и деревень. О масштабе разорения можно судить по тому, как много в регионе курганных могильников и поселений перестало функционировать именно в первой половине XIII столетия. Весьма красноречивым примером служит парное захоронение в Яришневском могильнике (Тейковский район), где при раскопках обнаружены характерные наконечники стрел, ставшие причиной смерти погребённых. В плечо женщины вонзилась стрела с восточным железным «срезнем» (нехарактерным для домонгольской Руси), а в позвоночник – бронебойная, с долотовидным наконечником; у мужчины наконечник стрелы найден воткнутым в тазовую кость¹¹. В ходе тотального разорения территории взяты были и малые города (Плёс, Юрьевец), и совсем крохотные, вроде Петрова Городища и, вероятно, первого г. Луха на месте современной д. Городок¹².

Материалы раскопок малого города Плёса позволяют заключить, что весть о нашествии пришла чуть раньше вражеских войск и позволила произвести кое-какие спешные приготовления. Мужчины (дружина и городское ополчение) собирались в крепости и готовились к отражению штурма.

Среди них, по всей видимости, были и переселенцы из Волжской Булгарии. Часть женщин и детей укрылись на охотничьих заимках; в глубоких сугробах зимнего леса русский подросток на лыжах, с детства умеющий метко стрелять из лука, вполне мог противостоять степному всаднику на его низкорослой лошади (раскопки показали, что в наборе стрел горожанина имелись и бронебойные) (рис. 63.1-2). На Плёсском посаде многие постройки усадеб были разобраны, а брёвна перенесены в крепость; остальные строения сожжены, дабы не дать врагу убежища от холода во время зимней осады. Но силы оказались неравными, оборона не удалась, и город пал, о чём впоследствии сообщил летописец.

Раскопки свидетельствуют, что часть улиц после нашествия так и не застраивалась. Крепость на время прекратила своё существование, и на её месте какое-то время (не более полувека) размещалось кладбище, начало которому было положено как раз захоронени-

ями жертв. Зачастую их останки представляли собой разрозненные кости, собранные выжившими и вернувшимися в город жителями $(puc.\ 80)^{13}$.

Следы нашествия в последующие несколько лет были сглажены, батыевы войска не появлялись, жизнь в больших и малых городах Северо-Восточной Руси постепенно возобновлялась. «Яраслав же, сынъ великого князя Всеволода Юрьевича, пришедъ, седе на столе въ Володимери и обнови землю Соуздалскоую и церкви очисти отъ троупиа мертвыхъ и кости ихъ съхранивъ и пришелци оутеши и люди многы събра» 14. Время от времени в регион являлись посланцы Орды; в 1255 году «приехаша численицы ис Татаръ и съчтоша всю землю Роускоую и поставиша десятникы и сотникы и тысячникы...» 15 А когда на трон ордынской столицы сел брат Батыя, хан Берке (1257 г.), он учредил институт баскачества. Во Владимире появилась ставка «великого баскака» 16.

На сегодняшний день нет достаточных сведений для детального описания деятельности такого рода чиновников. Они являлись представителями Чингисидов на Руси, их присутствие, вероятнее всего, было связано с организацией сбора дани. Разбирая археологические материалы, В.Ю. Коваль подметил, что 85% образцов восточной керамики времён, последовавших сразу за монгольским нашествием, найдено в Северо-Восточной Руси, где была сформирована ордынская администрация. Ценная посуда пришла сюда не по торговым каналам, а в качестве личного имущества восточных чиновников, приезжавших на Русь надолго со своими семьями.

Распространяя свою деятельность по землям всего княжества, татарские администраторы не могли не затронуть территории нынешней Ивановской области. Подтверждением тому служат сохранившиеся по сей день названия: Баскаково, Баскаки; возможно, они свидетельствуют о располагавшихся здесь во второй половине XIII века опорных пунктах разветвлённой фискальной системы. Достаточно распространённой среди коренного населения области является и фамилия Баскаков (Палехский, Вичугский, Кинешемский и другие районы).

В ходе утверждения постоянной связи нашего региона с Ордой постепенно начали появляться купцы-мусульмане из Центральной Азии и, вероятно, из бывшей Булгарии, ставшей экономической и политической опорой Улуса Джучи. Купцы выступали теперь ещё в одном, весьма своеобразном, качестве. Они брали на откуп сбор дани с населения русских земель и, разумеется, существенно отягощали дань, стремясь снять с неё свою прибыль. Правителей улуса

это устраивало, поскольку купцы разбирались в финансах да к тому же хорошо знали пути и города Верхней Волги. И хотя именно эти давние партнёры значительно повлияли на восстановление прежних, домонгольских, торговых связей, чрезмерная их активность в сборе дани периодически пресекалась разгневанным местным населением. Яркими эпизодами в летописи отмечены восстания в крупнейших городах княжества.

В 1262 году «избави Богь оть лютаго томлениа бесерменскаго и вложи ярость хрестьяномь во сердце, не можаху оубо тръпети насилиа поганыхь, и созвонивше вечие и выгнаша изъ градовъ: из Ростова, изъ Володимеря, исъ Соуздаля, изъ Яраславля, ис Переславля, откупаху бо ти оканнии бесермена дани отъ Татаръ и оттого великоу пагубоу творяхоу людемъ...» А когда «того лета приехалъ Титямъ посломъ на Роусь от царя Коутлоубиа», творя «велику досаду» русским людям, «они же его оубиша и повъргоша псомъ на снедение».

В 1266 году, как повествует летопись, «оумре царь Татарский Бирка, и бысть ослаба хрестьяномь от насилия бесермень» 17. Безусловно, недовольство населения способствовало достаточно скорой отмене баскачества. Немаловажным фактором стало также постепенное усиление русских княжеств и «нестроения» в самой Орде. В 1273 году интриги переросли в длившуюся до 1299 года внутреннюю войну между законными ханами — Чингисидами и узурпатором власти Ногаем. Набиравшие силу русские князья приняли в ней, как пишет Л.Н. Гумилёв, самое живое участие. Один сын Александра Невского, Андрей, был на стороне законных ханов, а другой, Дмитрий, поддерживал Ногая 18.

Так постепенно начинали складываться союзнические отношения Северо-Восточной Руси с «татарской землёй» на государственном уровне, что периодически скреплялось актами взаимопомощи (преимущественно военного характера). И даже «независимый Смоленск просил принять его в состав улуса Джучиева, чтобы получить помощь против посягательств Литвы, и на время стал щитом России. Татарская помощь остановила натиск с запада» 19. Примеры прямого союзничества демонстрируют времена правления преемника Берке – хана Менгу-Тимура (1266–1282). В 1269 году хан послал большую рать просившим помощи новгородцам для организации похода против ливонских рыцарей. В это объединённое войско, среди прочих, вошли как русские воины из Владимирских земель (включая жителей нашего края), так и «великий баскак Володимерский Иаргаман и зять его Айдар со многими татары». Одного появления такой силы под Нарвой оказалось достаточно для заключения выгодного для

Руси мира и возвращения всех пленников (*«зело бо бояхуся и имени Татарского»*).

В свою очередь, большое русское войско в 1277 году приняло участие в ордынском походе на Северный Кавказ: «Князи же вси со царем Менгоутемеремь поидоша въ войноу на Ясы. И пристоупиша Роусстии князи къ Ясьскомоу граду къ славному Дедяковоу и взяша его месяца февраля въ 8 и многоу корысть и полонъ взяша, а противныхъ избиша бесчислено, градъ же ихъ огнемъ пожгоша. Царъ же Менгоутемерь добре почести и князи Роусскиа и похвали ихъ велми, одаривъ ихъ, отпусти коевождо во свою отчину»²⁰.

При хане Менгу-Тимуре, праправнуке Чингисхана, Золотая Орда стала фактически независимым от Монгольской империи государством. С целью упорядочения сбора дани на Руси была проведена перепись населения. Дань стала поступать непосредственно хану, причём она была в том же размере, что платили сами ордынцы. А в начале XIV века институт баскачества был упразднён и сбор «выхода в Орду» (ордынской дани) отдан русским князьям, которые, разумеется, не прочь были воспользоваться им в своих целях.

Хан Узбек и «ивановские» татары

Собранная дань, татарские и русские военные отряды для взаимной поддержки, «посольства» и торговые караваны по-прежнему шли через наши ивановские земли. По Волге, Клязьме и Нерли – к Владимиру, Суздалю, Ростову и в обратном направлении. Так, в 1304 году этой дорогой из Владимира в Орду отправился князь Юрий Московский, а в 1311-м князь Дмитрий Тверской собирался двинуться с войском к Нижнему Новгороду. В 1317 году из Орды прибыл с князем Юрием ханский посол Кавгадый, а в 1383-м к хану Тохтамышу отправился сын Дмитрия Донского – Василий...

Северная Волга вела из Золотой Орды к набирающему силы Ярославлю и к Костроме, успевшей некоторое время побыть в статусе столицы Владимирской Руси. Причём данный маршрут, в силу подъёма указанных городов — столиц новых княжеств, становился всё более оживлённым. Из детализирующего местные события Владимирского летописца, например, понятно, что по нашим землям, мимо Юрьевца и Плёса, в 1318 году «прииде из Орды посол на Русь Кочан, у города у Костромы убиль 120 человекь, а потом к Ростову прииде»²¹. По тому же маршруту на Северную Волгу постепенно,

*Puc. 81.*Портрет хана Узбека. 1339 г. *Автор А. Далорто*

с конца XIII – начала XIV столетия, стали приходить на службу к суздальским, ярославским, костромским, а затем и московским князьям профессиональные ордынские воины и полководцы, оседая на русских землях. А с воцарением в Орде хана Узбека заявленная нами тема «Татары на территории Ивановского края» начала приобретать особенно яркую конкретику.

«Молодой человек красивой наружности, отличного характера, прекрасный мусульманин, храбрый и энергичный», как писал о хане Узбеке восточный историк-хронист аль-Муфаддал, занял престол в 1313 году, устранив своего дядю, хана Тохту,

и отстранив от власти его сына и сторонников (рис. 81). Являясь выходцем из династии Чингисидов, Узбек некоторое время был тайным мусульманином, а в 1321 году, поправ мешающие ему заповеди Ясы (устный свод законов) Чингисхана, официально принял ислам и провозгласил его в качестве государственной религии Золотой Орды. Приверженность учению Мохаммеда, правда, не помещала ему вступить в тесные семейные отношения с князьями официально христианской Руси. Укрепляя связи с набиравшими силу партнёрами, он даже доверил им сбор дани, упразднив, напомним, институт баскачества; на смену баскакам пришли вооружённые «посольства», регулирующие в основном «правильные» «посажения» правителей в отдельных княжествах. Хан Узбек выдал за московского князя Юрия Данииловича свою сестру Кончаку, крестившуюся под именем Агафья, что уже само по себе укрепляло позиции молодого и динамично развивающегося, хотя пока ещё не самого сильного русского княжества.

Такой выбор, вероятно, связан был с желанием хана препятствовать чрезмерному подъёму отдельных русских земель (Твери в первую очередь). А Москва, как ни парадоксально, заметно усилилась после того, как совместно с татарским отрядом Кавгадыя в 1317 году пошла на Тверь, но проиграла в битве «на Бертеневе». Твер-

ской князь Михаил ордынского военачальника Кавгадыя не тронул, почтил, одарил и отпустил, а вот жена московского князя Юрия, Кончака-Агафья, попала в плен и там, в тверском плену, умерла, как говорили, опоенная зельем. Последовавшие обвинения Юрия и свидетельства многих других русских князей и бояр вызвали гнев хана Узбека, в результате Михаил Тверской в Орде был казнён, а содружество Орды и Москвы упрочилось²².

Апофеозом их сближения стали события конца 20-х годов XIV века. Они подвели черту под открытым четвертьвековым соперничеством двух русских княжеств и подвели к верховенству Москвы в Северо-Восточной Руси. Речь идёт о тверском восстании 1327 года и его последствиях. Стараясь соблюдать баланс сил отдельных русских

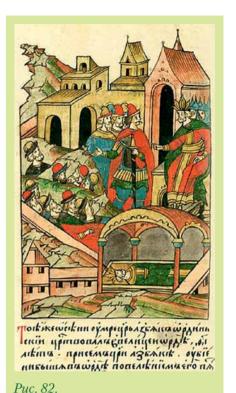

Рис. 82. Смерть хана Узбека. Лицевой летописный свод

земель, хан Узбек годом ранее дал ярлык на великое Владимирское княжение тверскому князю Александру Михайловичу, а через некоторое время послал к нему своего кузена Чолхана (Щелкана русских летописей и былин) «со множеством татар» и с «хопыльскими» (из Центральной Азии) купцами. Судя по всем источникам, знатный татарин повёл себя неподобающим образом: выгнал великого князя из его дворца, а свиту благословил на грабёж и насилие в столице и других городах. Подогреваемые слухами о предстоящей насильной исламизации, простые тверитяне подняли восстание. Как свидетельствуют летописи, долго терпевший произвол ханского посла князь Александр всё-таки решился организовать серьёзное военное противодействие. В результате битвы полков, длившейся целый день, Чолхан был разбит и укрылся в княжеском дворце. Но дворец был подожжён, и посол погиб в нём вместе со свитой. Остатки его воинства и мусульманские купцы по всему княжеству были выслежены и **уничтожены.**

150

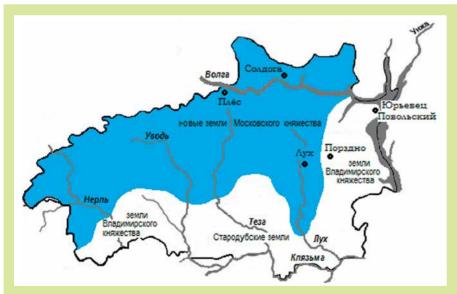
н в (* с. п н

152

Очень скоро последовал неизбежный в таких случаях поход мщения. Его возглавил московский правитель Иван Калита, вышедший в ближайшую зиму из Орды с пятью военачальниками-темниками (то есть с пятью «тьмами» — 50 тысячами приданных ему татарских воинов). Интересно, что поход сохранился в истории как «федорчукова рать» — по имени одного из темников. Федорчук — имя явно славянское и принадлежало, скорее всего, выходцу из Южной Руси, поступившему на службу к ордынским правителям и, вероятно, принявшему ислам (известны и другие случаи перехода).

В том же 1328 году, после победы объединённых сил над Тверью, ярлык был передан московскому правителю, а с ним и новые земли: хан Узбек разделил территорию Владимирского княжества между Иваном Калитой и суздальским князем Александром; к растущему Московскому княжеству отошли обширные Костромские земли — в том числе половина (северо-западная часть) территории современной Ивановской области (рис. 83).

Князь Иван неслучайно получил прозвище Калита (так называлась в Древней Руси кожаная сумка-кошель, подвешиваемая к поясу). Во-первых, найдя полное взаимопонимание с ханом Узбеком, он принёс своим землям многие годы «тишины» (хотя бы отно-

Puc. 83.
Часть территории современной Ивановской области, отошедшая в 1328 г. к Московскому княжеству

сительной, учитывая специфику эпохи Средневековья). Во-вторых, собирая с русских земель «выход в Орду», то есть ордынскую дань, князь пополнял и «калиту» своего княжества. И, в-третьих, опятьтаки исходя из специфики Средневековья, он понимал, что величие государства поддерживается размерами его войска. Князь укреплял вооружённые силы. Каким образом? Где и за счёт чего можно было собирать и содержать отряды воинов-профессионалов? За счёт того самого резерва территорий, весьма ощутимо пополненного землями обширной Костромщины. В эти пределы входила и северо-западная часть современной Ивановской области, её земли по обоим берегам Волги от Плёса почти до Юрьевца, а также южнее (современные Приволжский, Фурмановский, Родниковский и другие районы). Земли по восточному отрезку Волги (преимущественно в границах Юрьевецкого и Пучежского районов), к западу, включая крепостицу на Порздне, относились в те годы к владимиро-суздальским, нижегородским. Западнее шли владения князей Стародубских²³.

Северные края суровы, но богаты. Леса изобилуют дичью и пушниной, реки – рыбой, есть земля под пашню и луга под выпасы. А новые и обновлённые старые города служили опорными пунктами для торговли и, конечно, на случай войны. Где, как не здесь, размещать для проживания приглашённых на службу иноземных воинов-профессионалов, каковыми становились в первую очередь конные рыцари-татары. Не у всех из них складывалась военно-административная карьера в Орде, где главенствующая роль отводилась Чингисидам. Прочая родовая знать если не уничтожалась, то отодвигалась на второй план. В этих условиях можно себе представить незавидную судьбу военно-политической верхушки бывшего обширного и богатого Булгарского государства. Булгария послужила основной точкой роста новой державы, Золотой Орды, которая с принятием ислама стала фактически султанатом с весьма «оседлой» культурой. Но бывшая элита, с её опытом и разветвлёнными территориальными связями, оказалась в ущемлённых условиях – как, впрочем, и некоторые боевые слуги отодвинутых от трона представителей рода Чингисидов. Они-то, как правило, и заполняли постепенно новые владения великих князей Московских.

В 1686 году для внесения в Бархатную книгу (родословная книга наиболее знатных боярских и дворянских фамилий России) была представлена родословная роспись князей Сабуровых, древних владельцев достаточно обширных земель в границах современной Ивановской области и за её пределами. Основателем их рода в русских землях был указан татарский мурза Чет, о котором известно, что он

Puc. 84. Явление Богородицы с предстоящими Захарию Чету. Икона XVI в.

вышел на службу к Ивану Калите в 1330 году и крестился под именем Захария. От Чета пошли три весьма значимые в русской истории фамилии: Сабуровы, Вельяминовы и Годуновы. И если первые прозвучали в начале своего существования, то последняя (Годуновы) стала знаменита позднее, в «смутные» времена. Мурза, вероятно, привёл с собой большой военный отряд и получил немалые земли по Северной Волге. Он же, как считается, стал создателем известного Ипатьевского монастыря в Костроме.

Советские историки подвергли сомнению сведения о Чете в Бархатной книге. С.Б. Веселовский высказал предполо-

жение, что «род Захария был исконным костромским родом, перешедшим на службу в Москву в 30-х годах XIV в. в связи с получением Иваном Калитой великокняжеской власти. Первым поступившим на службу в Москве был Дмитрий Александрович Зерно (или Зернов), с которого Государев родословец начинает род Сабуровых-Годуновых». И, следовательно, Ипатьевский монастырь был основан не в 1330 году, а в конце XIII века, судя по тому, что в нём погребены и Захарий-Чет, и его сын Александр Зерно, убитый костромскими вечниками в 1304 году, как о том повествуется в летописи²⁴.

Находя вполне весомыми аргументы известного историка, отметим, однако, тот нюанс, который он, судя по всему, попытался сгладить, говоря об «исконно костромском» роде. А именно то, что Чет был татарином, из числа приглашённых на службу русскими князьями профессиональных воинов и полководцев, в которых нуждалось и Костромское княжество ещё до времён князя Ивана и хана Узбека. В известной мере обрусевшими, но татарами оставались и потомки Чета, что станет ясно из приводимых нами далее данных. Понять осторожность С.Б. Веселовского можно, учитывая, что своё исследование он проводил в годы жесточайших предвоенных сталинских репрессий, когда учёного легко было обвинить в продвижении идей татарского национализма. Нас же из потомков Чета в первую оче-

редь интересует род Сабуровых, владевших землями на территории Ивановского края, и сам Сабур, мусульманин, имевший второе, христианское, имя Фёдор.

Фёдор Сабур

Первый известный по историческим источникам новский» татарин был праправнуком Чета-Захарии, сыном Ивана Дмитриевича Зернова. Родившись в русских северных землях, мальчик воспитывался как воин-всадник и на практике продемонстрировал соответствие своего характера данному ему имени. «Сабур» по-арабски означает «терпеливый, выносливый», а значит, стойкий в бою. Слово это из арабского перешло в татарский язык и стало использоваться, по свидетельству Н.А. Баскакова, как имя соб-

Puc. 85. Герб Сабуровых со стрелой и ятаганом

ственное. Восточные корни рода подчёркиваются и геральдическими признаками на гербе Сабуровых: стрелой и ятаганом (рис. 85)²⁵.

Серьёзной, а возможно и первой боевой практикой для молодого «сына боярского» стала Куликовская битва 1380 года, в которой немало татар сражалось на стороне Руси. Поставленным в центре войска полком командовал Тимофей Вельяминов, один из потомков Чета, родственник Фёдора Сабура. Среди погибших военачальников числились Микула Вельяминов, Андрей Серкизов (потомок Серкиз-бея), Семён Мелик (предположительно из рода ордынского хана Урду-Мелика)²⁶. Последний обеспечивал охрану великого князя в бою. К нему, погибшему, князь обратил слова *«крепко охраняем был я твоею стражею»*. Понятно, что среди боевых слуг таких полководцев значительную часть составляли их соплеменники, также сложившие головы в борьбе с Мамаем.

По мнению многих специалистов, решающую роль в битве сыграла кавалерия, воины-всадники передовой восточной боевой

156

традиции, и обе противоборствующие стороны постарались привлечь как можно больше таких профессионалов. Особо отметим, что против Руси не выступили главные потенциально обширные военные силы Золотой Орды. Наоборот, относительно свободные всадники могли примкнуть к войску Дмитрия – ведь против него встала самопровозглашённая «Мамаева орда» — с юга, из родовых владений беклярбека (одна из двух главных административных должностей в Золотой Орде), а не из Поволжья. Накануне битвы, в годы ордынской «великой замятни», большая часть татарских владений находилась в руках Тохтамыша, главного соперника Мамая и пока ещё (до похода на Москву в 1382 г.) союзника Дмитрия.

В битве на Куликовом поле Сабур показал себя не просто как воин, а, по словам летописца, как боец «храбрый». Несмотря на молодость, боярский сын, как и положено, явился к войску *«конно*, людно и оружно» и влился со своими боевыми слугами в Костромской полк, которым командовал воевода Иван Родионович Квашня. Костромские воины оказались в составе Большого полка русского войска и понесли на поле боя тяжёлые потери: только бояр погибло 25, «а молодым людям счёта нет». Между тем, наш герой не только показывал храбрость и боевое мастерство в битве, благодаря чему и остался жив, но и проявил себя в последовавшей затем без преувеличения судьбоносной для него ситуации.

Речь идёт об известном в истории эпизоде, когда после окончания сражения два участника битвы, разыскав израненного великого князя Дмитрия, вероятно, спасли ему жизнь, обеспечив оказание своевременной медицинской помощи. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» называет их: Фёдор Сабур и Григорий Холопищев. Важные подробности в описание события вносят летописи. Из Архангелогородского летописца мы узнаём, что юноши были «сыны боярские». Как следует из текста другой летописи, Сабур сыграл в поиске главную роль. Храбрый костромич отличался ещё и сообразительностью. Он понял, что если великого князя опасно ранят, то ближние боевые слуги постараются вынести его с поля брани и укрыть где-нибудь в стороне, а потому поиски вести надо отнюдь не в гуще мёртвых тел. «И отскочиша за версту... и наехаша государя, седяща под березою посеченною, ранена вельми кровава, во единои срачице седяща» (рис. 86). После чего Сабур послал Холопищева к брату великого князя, Владимиру Андреевичу Серпуховскому, а сам остался при тяжело раненном Дмитрии.

Между тем, как писалось в «Сказании», князья уже плакали по государю как по мёртвому и тому, кто найдёт тело убитого, сулили

Puc. 86. Фёдор Сабур и Григорий Холопищев находят израненного великого князя Лмитрия Лонского после битвы на Куликовом поле. Миниатюра Лицевой рукописи XVII в.

награду, высокий статус: «тот у нас будет в болших». Можно представить ликование победителей, узнавших, что великий князь жив и спасён, а также меру благодарности от родственников и самого Дмитрия Ивановича его спасителям²⁷. Вскоре Сабур действительно был возвышен: из детей боярских произведён в статус боярина. Вероятно, в дальнейшем он не раз блестяще проявлял себя в государственных делах, поскольку при сыне Дмитрия, Василии Дмитриевиче, стал первым боярином и опорой нового великого князя. Вслед за М.Е. Бычковой укажем на один из популярнейших доку-

Puc. 87. Один из трёх одинаковых крестов-складней, найденных в Плёсской крепости (точный аналог нахолка на Куликовом поле)

ментов, регулировавших служебные отношения между семьями старомосковского боярства даже во второй половине XVI столетия. Это так называемая «память», носящая красноречивое название: «Федор Сабур больши был»²⁸. О близости к Московскому престолу говорит и тот факт, что, по свидетельству всё того же С.Б. Веселовского, Фёдор Сабур вскоре оказался в свойстве с одним из самых могущественных родов того времени: боярин Иван Андреевич Бутурля выдал за него свою дочь²⁹.

Обретя политический вес, Фёдор Сабур стал обладателем значительных земельных владений по обоим берегам Волги в северной части современной Ивановской области: как минимум от западных предместий Плёса почти до восточных границ земель Солдоги. На севере в его владения входили колдомские сёла с окрестностями, на юге — сёла с деревнями в границах современных Приволжского и Вичугского районов, а также части Фурмановского (старинного стана Шухомош). В дальнейшем эти земли в основном оставались за детьми и внуками боярина.

Как свидетельствуют письменные источники, ближайшие к Плёсу территории (в границах современного Приволжского и Фурмановского районов Ивановской области) принадлежали сыну Сабура, Семёну Пешку Сабурову. Брату Семёна, Михаилу Фёдоровичу, который стал боярином и дворецким великого князя Василия Тёмного, достались владения на противоположном берегу Волги, в частности в районе р. Колдомы. Из дошедшей до нас раздельной грамоты сыновей умершего в 1484 году пятого сына Фёдора Сабура, Семёна Пешка, дети (Пешковы-Сабуровы) поделили между собой отцовские земли в Плёсском стане и в стане Шухомош: сёла Якольское, Остафьевское и Колышинское с деревнями и пустошами. Даниле, по прозвищу Чурка, досталось «большое село Якольское» (ныне г. Приволжск) и с ним 15 деревень и пустошей (из ныне известных – Ильицыно, Ратово, Ивашково). У Константина, державшего кроме этого половину г. Зубцова, оказалось с. Остафьевское и 24 деревни и пустоши (в том числе д. Парушево и Ильинское в верховьях Тезы). Дмитрию, политическая деятельность которого известна по документам 1491–1495 годов, отошли в Плёсском стане пять деревень, среди них Васьково (ныне Васькин Поток) и Одеришино. Фёдор Мусса получил земли в Шухомоше. Сабуровы также владели некоторыми близлежащими землями вне Плёсского стана и Шухомоша. Так, до 1459 года в состав их владений входили сёла Вятского стана Наволок и Коростелево, переданные затем Троице-Сергиевому монастырю, а также колдомские

сёла, отданные к 1462 году Михаилом Сабуровым великой княгине, матери Василия Тёмного 30 .

Московская центральная власть, обретя костромские земли, достигла Волги и получила возможность контролировать хотя бы этот отрезок важнейшей евразийской международной водной магистрали. Исходя из совокупности данных, мы вправе допустить, что «ивановский» участок реки некоторое время в составе Костромского княжества оставался, что называется, бесхозным и лишь в XIV веке обрёл хозяев, которыми и были, очевидно, потомки ордынского князя Чета — дед и отец Сабура. Материалы раскопок стоявшей здесь ещё с домонгольских времён крепости Плесо свидетельствуют: если на территории уничтоженной в нашествии 1238 года «тверди» во второй половине XIII века ещё располагалось кладбище, то уже с начала следующего столетия оно прекращает функционировать, а в культурном слое появляются отложения, связанные с присутствием воинов (причём воинов-всадников с восточным боевым снаряжением)³¹.

Неизвестно, в Костроме или, может быть, в Плёсе родился и вырос мальчик Сабур из древнего мусульманского рода, получивший русское имя Фёдор, как брат его с тюркским именем Годун получил второе имя Иван и дал начало роду знаменитых впоследствии «татар Годуновых». Русское имя – дань жизненным обстоятельствам, официальной идеологии русских княжеств, хотя потомки затем носили фамилии с тюркским корнем и даже мусульманские имена (как сабуровский внук Мусса). В исламе есть понятие «такия», означающее намеренное сокрытие своей веры. Ради блага семьи и потомков человек в душе может оставаться верен исламу, не проявляя этого публично. В узком семейном кругу и в окружении многочисленных боевых слуг служилые татары могли демонстрировать свои духовные предпочтения открыто. Более широкое русское окружение относилось к этому с пониманием, поскольку на Руси стало появляться всё больше «наших» татар, которые защищали, а не нарушали покой местного населения; кроме того, известная толерантность к иноверцам сохранялась и в самих татарских землях, в Орде, и особенно «в Болгарах», с которыми быстро налаживались прежние торговые связи. Государственный же этикет требовал соблюдения определённых ритуалов, поэтому многочисленным восточным (впрочем, как и «немецким») боевым слугам русских князей приходилось следовать принятым правилам, в том числе и ряду религиозных, православных.

Итак, после Куликовской битвы и возвышения искусного воина и организатора Сабура отрезок магистрали от Плёса до Солдоги

попал под его непосредственный контроль. Миссия ответственная, поскольку с востока здесь можно было ожидать зимних, по льду, набегов всевозможных шальных отрядов, ходивших «изгоном», то есть быстро, без обоза. А с запада летом из реки Костромы в Волгу могли войти речные флотилии новгородских ушкуйников – хорошо организованных и вооружённых речных разбойников, разграблявших русские и далее, ниже по течению, татарские города.

Кроме того, боярину-землевладельцу следовало позаботиться о наделении угодьями, сёлами и деревнями своих боевых слуг для «прокорма», отрегулировать границы их личных владений, а также наладить быструю связь (обустроить какие-то дороги для передвижения конницы). В любой момент мог поступить сигнал к общему сбору костромских полков, и боярин должен был явиться со своими подчинёнными в полной боевой готовности, «конно, людно и оружно», согласно правилам того времени.

Глядя на современную карту, мы и сегодня можем сделать вывод, что в полку Сабура и его потомков было немало татар. Их имена сохранили когда-то принадлежавшие им деревни и местечки. В пределах Ивановской области именно в бывших сабуровских землях наблюдается самая высокая концентрация тюркских назва-

Puc. 88. Владения Сабура и рода Сабуровых в XV в. (в границах современной Ивановской области)

ний: Касимовка, Шалдово, Ярыгино, Алабуга, Кученёво и др. (рис. 88). (Сохранились средневековые документы, согласно которым людям «из татар» принадлежали также селения с русскими именами.) Около р. Сунжи есть деревня с говорящим названием Кадыево: кадиями называли мусульманских судей, которые вершили суд на основе шариата. Можно сделать осторожное предположение, что татарское сообщество в пределах сабуровских владений жило своим, замкнутым мирком по законам шариата, даже особо этого не скрывая. Ведь если обратиться к письменным источникам более позднего времени, можно найти свидетельства, что в семьях обрусевших татар региона по-прежнему соблюдались мусульманские традиции (о чём будет особо сказано ниже, в связи с бытом женщин в семье дворян Бастановых). Вряд ли стоит сомневаться, что в имуществе этих родов имелись, например, «ковры намазные» (упоминание о таком есть в документе начала XVI века по Подмосковью, где также проживало немало служилых татар) 32 .

И в связи с вопросом о вере есть смысл вновь вернуться к загадке происхождения мурзы Чета.

Откуда «есть пошёл» мурза Чет

Согласно данным Бархатной книги и сказания о постройке Ипатьевского монастыря, загадочный мурза был мусульманином и пришёл на службу к великому московскому князю Ивану, получив от него земли «на Костроме». Если же принять во внимание аргументы С.Б. Веселовского, то выходит, что Чет поступил на службу ещё к костромским князьям, и случилось это гораздо раньше, в конце XIII столетия. В соответствии с обычаями того времени он основал вотчинный православный монастырь, несмотря на то, что был приверженцем ислама. И многие потомки его, судя по всему, не изменяли вере³³. История сохранила, конечно, не все мусульманские имена в этом роду. Нам известны Годун, Сабур и внук Сабура, Мусса, названный в честь одного из исламских пророков.

Из какой же части той, в основном ещё не исламской, «доузбекской» Орды, соблюдавшей Ясы Чингисхана, мог выйти Чет, твёрдо стоявший на заповедях Аллаха? Из северной части, из булгарской земли, где ислам был принят правителями ещё в 922 году! Археологическая находка XV века, обнаруженная при раскопках в Плёсской крепости, где в основном базировались полки Сабуровых, может

163

Это фрагмент чаши для возлияний, на которой отчётливо и глубоко начертан знаменитый знак Джаффаридов – правящей династии государства Волжская Булгария (рис. 89.6). Такие символы неоднократно встречались на керамических изделиях государственных мастерских Булгарии, на монетах, оружии и проч. (рис. 89.1-4). Памятью, связью с древними «царями» домонгольской державы служат те же знаки более поздних времён, что постепенно выявляются в ходе археологических исследований. Так, в археологических напластованиях Московского Кремля XV столетия был найден фрагмент дорогого поливного сосуда. Поверхность его покрыта штампованным орнаментом, где знакомый символ в виде перевёрнутой буквы «А» и под ним лик предка (?) многократно повторены, чтобы они были видны со всех сторон (рис. 89.5). Остаётся только гадать, не была ли специально изготовлена такая дорогая (учитывая хотя бы, сколько потребовалось штампов) партия посуды кем-то из богатых приближённых двора московских правителей. Может быть, ею пользовался (и подобную кому-то даровал) очень богатый, по утверждению С.Б. Веселовского, Фёдор Сабур, а может быть, его старший сын Михаил, боярин и дворецкий великого князя Василия Тёмного³⁴.

Примечательно, что род Алмыша (ещё не Джафара) был обладателем указанного символа, видимо, до прихода на Волгу, со времён причерноморских кочевий. Символ явно связан с тюркской руникой, где он встречается в несколько ином, перевёрнутом, виде либо в «лежачем» положении. Подобный знак использовался не только в рунических алфавитах степей, но и на Балканах, куда отошла значительная часть болгарского населения. А значит, руна восходит как минимум к временам раннеболгарской цивилизации, к причерноморскому государству Великая Болгария VII века н.э.

Таким образом, мы вправе предположить, что род Чета был осколком мощного клана Джаффаридов, отодвинутого от власти Чингисидами после завоевания Средней Волги и Прикамья в 1236 году. Вероятно, часть бывшего правящего рода погибла. Как пишет С.А. Плетнёва, монгольские ханы на завоёванных землях старались уничтожить местную аристократию (во всяком случае, самых строптивых и потенциально опасных)³⁵. Сохранилось и предание, как в завоёванной Булгарии лучшие учёные были убиты вместе с правителями страны. Но часть бывшей правящей элиты всё-таки выжила и могла перейти в ранг «мурз», сродниться с новой знатью – либо уйти на службу к русским или литовским князьям.

В чём состояла ценность таких знатных булгарских «находников» на русской службе? Из поколения в поколение они оттачивали навыки умелых организаторов и военачальников, а значит, всегда были востребованными в условиях «дефицита кадров специалистов» воюющего Средневековья. Не забудем, что их войско доставило много хлопот Чингисидам, прежде чем те сумели покорить Булгарию. У Джаффаридов за плечами был опыт управления обширными территориями развитого государства, сохранились связи с окружающими племенами (мордва, марийцы и др.). Имелся, видимо, и запас богатств, позволявший содержать боевых слуг. Они пришли к костромским и московским князьям с немалым числом воинов, а потому получили достаточно обширные земли для их содержания. Свой потенциал булгары предъявили на Куликовом поле, где из потомков Чета воевали все ветви, где его праправнук Сабур спас жизнь великому князю, а Микула Васильевич Вельяминов, к тому времени ставший свояком Дмитрию Донскому (!), был воеводой Коломенского полка. Когда же буквально через пару лет к Москве подошёл бывший союзник Тохтамыш с соперниками Москвы, нижегородцами, великий князь Дмитрий поспешил отъехать именно в Костромские земли, оставив необходимые силы для обороны столицы. И не спасаться уехал, как иногда трактуют событие, а чтобы

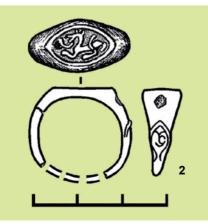
быстро собрать «на Костроме» для отражения внезапной угрозы надёжное профессиональное войско.

Похожий, но даже более искусный манёвр затем произвёл его сын Василий Дмитриевич, когда в 1408 году к Москве направился беклербек Золотой Орды Едигей. Василий в Костромских землях быстро поднял местные силы, и, видимо, такие, что полководцы посланного за князем в погоню 30-тысячного татарского войска сочли за благо повернуть назад, не вступая в бой. Кроме того, здесь у великого князя была возможность так же быстро собрать большой «летучий отряд» и отправить его для начала смуты в самой Орде. Василий послал «некоего ордынского царевича» (имя его в летописях не обозначено) с достаточно многочисленной конницей против сидящего во вражеской столице, в отсутствие основного войска, Булат-Султана, Едигеева ставленника. Грамотный в военных делах «царевич» пошёл на Булат-Султана «изгоном», на рысях, со сменными конями. Его он не захватил, но наделал в самом сердце Орды много шума. В результате Едигей спешно снял осаду Москвы и вернулся восвояси, довольствуясь сравнительно небольшим выкупом в 3 тысячи рублей с осаждённого города³⁶.

Кем бы ни был упомянутый «царевич», старт его походу был дан в тех краях, которые позволяли содержать служивших Василию тюркских рыцарей – искусных конных воинов, что пригодились для организации марш-броска на Орду. Рискнём предположить, что и «царевичем» мог быть не укрываемый Москвой сын Тохтамыша Джелал ад-Дин, а один из представителей древнего «царского» рода Джаффаридов, заметно развернувшихся и в Костромских землях, и при Московском великокняжеском дворе. Это предположение могли бы подкрепить находки владельческих перстней-печатей из сабуров-

Puc. 90. Перстни с изображением барса из раскопов Плёсской крепости

ской крепости – г. Плёса (рис. 90). На них присутствует изображение барса – символа величия Булгарии (и не только на перстнях, найденных в крепости). Но возвышение потомков Чета началось не со времён произведения Сабура в боярство, а гораздо раньше. Ещё до Куликовской битвы московская княжеская власть проявляла странное, на первый взгляд, желание приблизить и даже привязать к себе родственными узами потомков таинственного мурзы. Не потому ли, что потомки эти были «царских кровей» (а иначе мог ли позволить великокняжеский престиж)?

Вельяминовы и годуновы

Упомянутый в Бархатной книге мурза Чет стал родоначальником известных фамилий, громко прозвучавших в истории России. Но если Сабуровы в XIV–XV веках были тесно связаны с нашим краем, долго являлись владельцами достаточно обширных территорий и внесли зримый вклад в их развитие, то связь Вельяминовых и Годуновых с регионом не столь очевидна, во всяком случае в указанный период. А потому не будем уделять здесь слишком много внимания этим родственникам Сабуровых, они нужны нам, дабы лишний раз засвидетельствовать, что Чет был не простой «мурза» и не напрасно к его потомкам великокняжеская власть относилась с должным уважением и даже роднилась с ними.

Из трёх славных фамилий раньше всех приблизились к Московскому двору Вельяминовы. Их родоначальник, боярин Протасий Фёдорович, был тысяцким у Ивана Калиты; его сын Василий также руководил московским войском, но уже у Симеона Гордого. А очередного тысяцкого из древнего рода, Василия Васильевича, великий князь Московский Дмитрий называл ни много ни мало своим дядей (!). Дело в том, что матерью Дмитрия Ивановича была родная сестра В.В. Вельяминова, Александра. И взял её в жёны великий князь московский Иван II Красный, очевидно, неспроста: он наверняка знал, что она «царского» рода, от бывших правителей Волжской Булгарии³⁷. Таким же образом в дальнейшем породнились с московскими властителями и «ивановские» татары: Соломония из рода Сабуровых (выбранная из пятисот претенденток!) стала супругой великого князя Василия III.

Впрочем, мы не стали бы совсем исключать Вельяминовых из числа «ивановских» татар. Время не пощадило большинство древ-

Парсуна с изображением Бориса Годунова. Музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское»

них документов, которые могли бы подтвердить наличие владений этого рода в нашем регионе в XV-XVI столетиях. Но С.Б. Веселовский отметил, что родоначальником Вельяминовых был Андрей Глаз, одна из его «именных» деревень находилась в 11 км от Кинешмы, и ещё одна – у Нерехты; царь Василий Шуйский пожаловал Леонтию Вельяминову село Батыево в 6 км от Суздаля; Пётр Никитич Вельяминов был воеводой города Шуи в 1630-1631 годах. А за Марией Ивановной Годуновой в начале XVII века числилась часть села Парского 38 .

Наибольших высот во власти из трёх ветвей достигли, как известно, Годуновы. Некоторые

видные современные историки отрицают их восточное происхождение, не принимая во внимание тюркские корни фамилии. Так, Р.Г. Скрынников выдёргивает нужное из вышеупомянутого исследования С.Б. Веселовского: 1) сказание об основании Ипатьевского монастыря не заслуживает ни малейшего доверия; 2) Годуновы – «природные костромичи» ³⁹. Но будто не замечает при этом у того же исследователя: 1) признание реальности пришествия Чета (хоть и не в 1330 г., а раньше); 2) указание на наличие могил его и его потомков в монастыре.

Да, Годуновы долго находились в тени своих более известных родственников и приблизились к Московскому престолу лишь при Иване IV Грозном. Но, внимательно присмотревшись к старинным портретам Бориса Годунова, мы не можем не увидеть в чертах его лица «татарское». Может быть, художники давних времён даже специально подчеркивали эти характерные восточные признаки (puc. 91).

Будучи молодым, Борис старался сохранять достоинство и, по мнению В.О. Ключевского, «не запятнал себя службой в опричнине и не уронил себя в глазах общества». Интересная деталь, отмеченная тем же Р.Г. Скрынниковым: современники не могли простить

Годунову плохое знание Священного писания и потому считали его малограмотным. Но, по замечанию того же учёного, Борис обладал аккуратным, почти каллиграфическим почерком и без сомнения был человеком хорошо образованным. Дядя, Дмитрий Иванович, имел большую библиотеку и позаботился о том, чтобы обучить грамоте не только племянника, но и его сестру Ирину⁴⁰. Дело, по нашему мнению, в другом: усердно православные (скорее всего, священники, имевшие больший доступ к перу и бумаге, чем простой народ) не считали Бориса «своим», то есть видели в нём татарина, хоть и служилого, и достигшего высшей власти.

В семье самого Бориса тоже поддерживался культ знаний, что царь попытался вынести и на государственный уровень. Ведь именно при нём впервые дети российской знати были отправлены для обучения в Западную Европу. Борис, о котором современники писали, что он *«образом своим и делы множество людей превзошед»*, на троне был «строителен зело, о державе своей много попечение имея, и многое дивное о себе творяще». В отличие от Ивана Грозного или Василия Шуйского (каждый из которых, будучи внешне христолюбив, оставался «к волхованию прилежаще»), Борис имел «ко врачем сердечное прилежание», способствовал распространению научной медицины. Вероятно, следуя заветам веры предков, царь проявлял отвращение к алкоголю, что также отмечали современники.

За пределами Руси, на Востоке, возможно, тоже видели в Годунове татарина и пытались своё видение как-то символически запечатлеть. В 1604 году персидский шах Аббас I послал Борису в подарок оформленный в восточном стиле царский трон⁴¹.

«Царевич Федор, сын царя Бориса... научен же бе от отца своего книжному почитанию, и в ответех дивен, и сладкоречив велми». Отметим ещё одну черту поведения царевича, важную для характеристики устоев восточной семьи: никогда из уст его не исходило «гнилое слово», то есть нецензурная брань, что соответствует и высокой культуре вообще, и исламской культуре в частности, меж тем как похабство и брань не считались зазорными даже в высших кругах того времени. И дочь царя Бориса, та самая Ксения, которая, как о ней говорили, «червлена губами» и «бровями союзна», была к «писанию книжному навычна» и «гласы воспеваемыя любляше», то есть была грамотной и любила гармоничное, «на голоса», пение⁴².

В общем, Борис и его ближайший семейный круг были людьми широких интересов и всесторонне образованными. При этом внутри семьи, очевидно, поддерживались восточные, близкие к исламу традиции, чему не могло не способствовать, например, приближение

Рис. 92. Герб Беклемишевых. РГИА, ф. 1343, on. 51, д. 480, л. 111

Борисом к высшему кругу своих родственников Годуновых: многие из них вошли в состав боярской Думы.

Серьёзным аргументом можно считать и то, кого Борис пригласил для воспитания дочери. Главной боярыней при Ксении в 1602 году была избрана Мария (Ефросинья, Федосья) Пожарская, из старинного восточного рода Беклемишевых. Несмотря на то, что небогата (богатств у Пожарских во времена опричнины отнюдь не прибавилось), она и раньше была вхожа в царский дворец, но ока-

залась, в конечном итоге, настолько приближена к царской семье, что вскоре была повышена до статуса верховной боярыни, состоящей уже при царице Марии Григорьевне! Чтобы понять, как такое стало возможным, предлагаем обратиться к родовым корням Федосьи Пожарской⁴³. Выделивший «пятьсот русских фамилий булгаро-татарского происхождения» А.Х. Халиков подметил следующий важный для нас момент: Беклемишевы были выходцами ещё из волжско-булгарской среды и, очевидно, не из рядовых жителей домонгольской державы⁴⁴. Вспомним, что булгарские корни имел и ушедший из-под монголов на русскую службу предок Годуновых – Чет. Может быть, потомков Чета и Беклемишевых даже связывали древние, со времён Волжской Булгарии, родственные узы. В гербе Беклемишевых, заметим, также присутствует восточный изогнутый меч (рис. 92). И неслучайно, наверное, большой боярин Иван (Берсень) Беклемишев выступил в защиту бездетной царицы Соломонии Сабуровой, за что и поплатился головой в 1525 году.

И – да, повторим: Борис Годунов хоть и крещёный, но, в особенности для москвичей, был «не нашим» – татарином, а потому «язычником» и «колдуном». В какой-то момент столичная толпа вдруг «вспомнила» об этом, забыв заслуги кормильца, извлекла тело из погребения и вытащила из собора через пролом в стене – как «плохого покойника» Завершая рассказ о Годунове, вновь вспомним вышеупомянутую плёсскую находку: знак-символ на чаше, который может указывать на происхождение всех потомков Чета. Могло ли

быть такое, что на русском троне несколько лет восседал представитель булгарского правящего рода Джаффаридов? Подтвердить или опровергнуть это могут только новые исторические изыскания.

Русские князья и «мугреевские татары»

Возвращаясь к татарам на территории Ивановского края, вновь остановимся на Беклемишевых. Во-первых, потому что вышеупомянутая Мария-Ефросинья была не только влиятельной боярыней при царском дворе, но и матерью нашего знаменитого земляка Дмитрия Михайловича Пожарского. Во-вторых, из относительно немногих сохранившихся письменных источников по нашему краю можно извлечь сведения о деяниях представителей этого рода в регионе (Михаила Беклемишева в Шуе в 1617 г.; «горододелца Микифора Беклемишева», который шуянам в 1669 г. выдавал задания по возведению суздальских городовых укреплений)⁴⁶. И, в-третьих, выходцы из древнего татарского (булгарского) рода оставили след в ивановской топонимике. Сохранилось село Беклемищи в средней части бассейна р. Лух, недалеко от пос. Пестяки. С беклемишевским наследием могут быть связаны и некоторые тюркские топонимы ближних территорий: Курмыш, Тарантеево, кордон Татары, Телепино, Шеверниха, Сунгурово (Лукино) и, наконец, небезызвестные сёла с названием Мугреево. В исламской энциклопедии они увязываются с «этнолокальной группой» мугреевских татар, которая, предположительно, образовалась с приходом сюда во времена феодальных войн в Орде XV века некоего Мугрей-бека с его людьми⁴⁷.

Нам подобная версия, как и само существование отдельной, занимавшей какую-то особую «татарскую» территорию «этнолокальной группы», представляется сомнительной. Достаточно взглянуть на карту области: тюркские топонимы на ней присутствуют повсеместно. Почти все земли «мугреевских татар» ещё с домонгольских времён являлись частью Стародубского княжества, права на них Орда не отменяла. И в дальнейшем землями и селениями, до катаклизмов в государстве, возникших при Иване Грозном, и отчасти позднее, владели семьи Ряполовских, Палецких и Пожарских из рода Стародубских.

Слово «семьи» прозвучало неслучайно: зачастую распорядителями владений становились женщины. За многими из них, когда муж погибал на государевой службе, закреплялись «на прокорм» сёла,

Y 169

171

деревни и прилегающие земли. Так и Мария-Ефросинья Пожарская, урождённая Берсенева-Беклемишева, оставалась хозяйкой не только доставшегося ей в приданое с. Берсеньева под Москвой, но и мугреевских земель в бассейне р. Лух. «Село Дмитреевское, что было княгини Федосьи Пожарской», — записано в Духовной грамоте царя Ивана IV⁴⁸.

В стародубских землях, правда, к концу XVI века прибавилось пестроты и чересполосицы, отчасти из-за дробления территории наследниками, но и благодаря переустройствам в организации государственной власти (особенно при Иване Грозном) и смене фаворитов при ней. В той же Духовной грамоте мы найдём рядом с федосьевскими владениями земли и поселения, отданные на условиях службы Ногаевым (с. Татарово и с. Никольское, будущую Южу; в середине века они принадлежали Карамышевым), Ромодановским (ещё одно с. Татарово, с. Хряпово, половина с. Ромодановского и др.), Гундоровым, Тулуповым, Палецким, собственно Стародубским и, конечно, князьям Пожарским (Фалеево, Коченгир-Кочергино и др.). Практически у всех землевладельцев, обязанных, как и прежде, выходить на смотры и на войну *«конно, людно и оружно»*, были в их больших и не очень отрядах умелые всадники из приглашённых на службу татар. Они могли довольствоваться жалованьем от хозяина, а могли получить «на прокорм» отдельные деревни. Известны такие «послужильцы» у потомка Стародубских, Семёна Ивановича Ряполовского (казнённого в 1499 г. владельца с. Ряполово), которые в дальнейшем были «испомещены». Среди них татары Албычевы⁴⁹.

Благодаря письменным источникам мы знаем, как волевая и целеустремлённая Федосья Пожарская, оставшаяся с двумя сыновьями и дочерью, заботилась о воспитании и продвижении по службе прежде всего старшего из сыновей, Дмитрия, и вырастила из него образованного человека, смелого воина и едва ли не лучшего военачальника своего времени, полководческий талант которого был востребован до самой его смерти уже в почтенном возрасте и при плохом здоровье. И, конечно, не без участия матери, постепенно укреплявшей свою власть при дворе Годуновых, начинала формироваться мугреевская «гвардия» будущего славного полководца. По мере приобретения окрестных земель в полку Пожарского становилось всё больше выходцев с Востока, пополнявших ряды «мугреевских татар».

Князь Дмитрий жаловал татар, черкасов и любых казаков – свободолюбивое и смешанное по национальному составу воинство, которое благодаря выучке и умению много раз становилось опорой в его военных кампаниях⁵⁰. В смутные времена начала XVII века бес-

покойное воинство это в условиях бескормицы не раз открыто посягало на имущество крестьян. Так, в 1608 году в западной части края грабежом занимались «полские казаки и юртовские татары». В 1615 году, когда в регионе разбойничали поляки во главе с А. Лисовским, их преследовал (весьма неспешно) отряд воеводы М. Борятинского — и местное население в равной мере страдало от грабежей со стороны бойцов обоих формирований. В 1618 году Ярополческую волость сначала грабили черкасы, потом казаки, которые здесь расположились станом; близость по духу к их «вольнице» быстро проявили русские и татары окрестных земель, в том числе люди Д.М. Пожарского во главе с небезызвестным Ильёй Деньгиным. И что интересно, вскоре казацкий круг постановил, что им «боярина князя Дмитрия Пожарского в вотчины в сёла и в деревни не въезжати и крестьян не жечь, и не ломать, и не грабить»⁵¹.

Дело здесь, вероятно, не только в быстро налаженной с мугреевцами выгодной торговле: жалобы притесняемых указывали и на примкнувших к вольнице людей с иных земель. Главная причина, скорее всего, это уважение к славному воеводе, который, к тому же, мог осерчать и быстро собрать для усмирения вольницы своих казаков, в том числе и «мугреевских татар», которых становилось всё больше по мере возвышения героя-боярина.

Общий язык с татарами, причём находясь в их тесном кругу, пришлось искать ещё деду Дмитрия, Фёдору Ивановичу Пожарскому. В 1565 году он был отправлен в ссылку в Казань, хотя спустя недолгое время его «государь велел от казанского жития отставить». Ссылку такого рода, конечно, можно назвать относительной: князь получил земли в Свияжском уезде, он оставался на царской службе и, разумеется, имел возможность пополнять свой полк хорошими конными воинами из числа жителей татарских земель. И в целом такого рода «погружение» в местную атмосферу способствовало в дальнейшем правильному выстраиванию отношений с людьми Востока — как ранее прошло не без пользы трёхгодичное (с 1382 г.) пребывание в Орде сына Дмитрия Донского, будущего великого правителя Московской Руси Василия Дмитриевича, явно недооценённого в русской истории⁵².

Улус и юрт под Юрьевцем

Татары, безусловно, были и в полках соседей Пожарских, князей Шуйских и Горбатых-Шуйских. Топонимы центральной части Ивановской области тому свидетельством, причём, надо полагать, такие названия, как Бедряево или Исупово, указывают на принадлежность села (деревни) служилому татарину, который по первому зову вливался в полк указанных потомков Рюрика, и не один, а со своим небольшим отрядом, содержавшимся им за счёт земельного надела. Исуповых А.Х. Халиков упоминает среди русских фамилий татарского происхождения как род, поступивший на службу ещё к Дмитрию Донскому. Интересно, что татарские корни имеет и род Дуниловых (и Дуниловых-Бахметьевых), так что известное село в шуйских землях тоже связано со служилыми татарами⁵³.

На фоне немногих самых древних (XV–XVI вв.) сохранившихся письменных источников по Ивановской области особый интерес представляет духовная грамота (завещание) Марии Петровны Горбатой-Шуйской, дочери князя Ряполовского и родственницы Палецких и Пожарских. Согласно этому документу от 1551 года, после смерти Марии, вдовы князя Ивана Борисовича, Николо-Шартомскому монастырю должно быть передано поселение Шилекша на одноимённой речке. Причём в документе Шилекша именуется не селом и не деревней, а улусом! «И яз княгиня Мариа даю в дом к чудотворцу Николе Шартомскому тот улус Шилехшу и храм чудотворца Николы з деревнями и с починки и со всеми угодьями» (а деревень и починков всего числом 36)⁵⁴.

В Золотой Орде и татарских ханствах ещё с XIII века понятие «улус» было синонимично «юрту» — территории кочевья и сбора дани того или иного тюркского рода. Возможно, «Шилехонский улус» образовался в результате приглашения на службу группы татар нижегородскими, городецкими, костромскими или уже московскими князьями в XIV—XV веках. В дальнейшем, с усилением Шуйских, земли улуса перешли в их владения, а укоренившиеся здесь татары в значительной степени обрусели и влились в полки новых хозяев. В духовной грамоте Марии Горбатой Шилекша хоть и именуется улусом, но фактически рассматривается как село с храмом, с приписанными к нему деревнями и пустошами; мечети в нём нет.

Шилекша располагалась в пределах Юмохотской волости, а та, в свою очередь, тяготела к г. Юрьевцу. Вероятно, здесь и следует искать разгадку села-улуса, поскольку с Юрьевцем однажды

сомкнулась судьба видного представителя татарского народа, хана Абдул-Латифа. Сын казанского хана Ибрагима и пасынок крымского Менгли-Гирея, в конце XV века Абдул-Латиф избрал свой путь и поступил на службу к Ивану III. Довольно скоро русским государем, при поддержке местной знати, он был посажен на казанский трон, но стал проводить самостоятельную политику, за что был низложен. После нескольких лет ссылки в Белоозеро вышел из опалы и в 1508 году получил «в кормление» Юрьевец-Повольский, обретя также статус «удельного государя»⁵⁵. В следующем году Абдул-Латиф сопровождал Василия III в его поездке в Новгород, а в 1512-м участвовал в противодействии крымской агрессии. В условиях того времени высокопоставленный военный слуга московского государя не мог не иметь своего сильного полка, а потому мы можем с уверенностью полагать, что в распоряжении Абдул-Латифа был не только сам Юрьевец, но и юрьевецкая округа. Неслучайно в округе этой ещё до недавнего времени существовало несколько деревень Татариново, есть Булатово, Манылово, Чигаево и другие населённые пункты с тюркскими названиями. Вполне вероятно, с тем же временем пребывания Абдул-Латифа в статусе «удельного государя» следует увязывать и существование Шилекши как улуса.

Ранее мы предположили непосредственную связь данного улуса с «юртовскими татарами» расположенного неподалёку Юрьевца⁵⁶. Но, с поправкой на время, можем допустить, что ориентировочно во второй половине XVI – начале XVII века город имел дело уже с другими «юртовскими» – представителями какой-то кочевой группы воинов-всадников, возможно, из отдалённых мест. Они были наняты городом для охраны, кочевали в установленных пределах и получали от юрьевецкой общины дополнительную плату. Напомним, что в 1612 году Юрьевец принял Нижегородское ополчение, оказал ему денежное вспомоществование, и, кроме того, в ряды ополченцев влились «юртовские татары, состоявшие на жаловании от Юрьевца»⁵⁷. Ещё большую ясность вносит исследование о жизни Юрьевецкого посада конца XVI века, которое провёл Евг. Дюбюк на основе «сотной» (переписи местного населения). Из документа явствует, что город страдал от нападений восточных соседей, марийцев, когда, по словам Карамзина, в 1584 году «бунт кипел в земле Черемисской», а в 1592 году, по сведениям разрядной книги, в земле луговых черемисов бунтовало аж 12 волостей⁵⁸. Отголоском этого в «сотной» является упоминание юрьевчан, погибших от черемисской руки. В таких условиях приграничному городу ещё недавней «казанской украины» необходима была дополнительная охрана – как, впрочем, и для

защиты от разбойничьих ватаг, подобных той, что напала на Плёс в 1660 году. Тишину и спокойствие призваны были обеспечить конные татары.

В период, предшествовавший Смутному времени, в течение нескольких лет Юрьевец мог чувствовать себя в относительной безопасности. В 1552 году, в самый канун битвы за Казань, «въ мае, выехаль кь государю изь Азсторохани царевичь Кайбула Ахкубеков сынь царевь, и царь государь пожаловаль даль ему городокь Юрьевь и з данию»⁵⁹. Абдулла-Султан Ак-Кубека (таково его полное мусульманское имя) приехал с братом, Дербыш-Алеем, и привели они с собой 20-тысячное войско. Оба участвовали во взятии Казани, где, после свержения ставленника Москвы хана Шигалея (Шах-Али), у власти оказался царевич Едигер из Ногайской Орды. Кайбула, согласно «Казанской истории», был одним из главных воевод в полку левой руки и хорошо зарекомендовал себя в военной кампании. В отличие от брата, он затем остался на московской службе и взял в жены племянницу «царя Шигалея», дочь одного из многих татарских сторонников Руси того времени, казанского хана Еналея, убитого сообщниками Сафа-Гирея. В 1565 году Юрьевец с окрестными землями перешёл в разряд опричных, и вскоре царь Иван Грозный отдал его в удел сыну Кайбулы – Муртазе-али (в крещении Михаилу), будущему видному государственному деятелю России. В 1570 году он ещё упоминался под мусульманским именем, примерно в это же время женился, взяв в жёны девушку из знатного рода (дочь И.В. Шереметева). И уже в 1572 году молодой Михаил Кайбулович участвовал в походе государя на «свейских немцев». Когда он умер и в каком году Юрьевец обрёл новых хозяев, неизвестно. Однако в писцовой книге Коломенского уезда под 1577/78 годом упоминается вдова Михаила, «старица» Агафья Шереметева⁶⁰.

Документальные подтверждения связей Юрьевца с астраханскими татарами в последующие годы нам неизвестны.

Калейдоскоп имён и событий

Разумеется, мы не имеем возможности представить в этой книге всех татар, так или иначе оставивших след в истории Ивановского края и отмеченных в сохранившихся письменных памятниках допетровской Руси. В регионе имели вотчины представители самых знатных родов. Через эти земли проходили воинские соединения и вос-

точные купцы. Многие татары оставили о себе память только в виде топонимов, а иные — в горестных строках летописей, где, впрочем, отмечены и не менее губительные походы наших земляков, русских князей, в татарские земли. Таковы реалии Средневековья.

Ранее уже приводились примеры того, как неоднозначно могла выглядеть обоюдная военная помощь русских и татар, или что в реальности могло означать в Средние века безобидное вроде бы понятие «посольство». Действия персонажей прошлого с современной точки зрения далеко не всегда логичны и понятны и не поддаются суду человека XXI века. Вспомним времена феодальной войны, прокатившейся по русским землям в XV веке после смерти уверенно правившего Василия Дмитриевича, великого князя Московского. «Нестроения» в княжестве способствовали ослаблению его военных сил и, как следствие, новым приходам ордынских отрядов и разорению верхневолжских земель (заметим, что на стороне ордынцев в походе на Владимиро-Суздальские земли выступили князья В.Ю. и Ф.Ю. Шуйские). Наиболее чувствительным оказалось поражение русских войск от будущего создателя Казанского ханства Махмуд-хана весной 1445 года под Суздалем, когда был пленён великий князь Василий Васильевич. События эти вошли в историю Ивановского края как «мамотяковщина»: после разгрома русского войска начался обычный в таких случаях грабёж окрестных земель, от которого пострадало население западной части региона⁶¹.

Но! Битву под Суздалем нельзя категорично рассматривать как противостояние татар и русских. В войске Махмуда, кроме сил упомянутых Шуйских, могли быть нижегородцы, а в московском полку - «ивановские» татары (отряды тех же Сабуровых, Пешковых-Сабуровых); кроме того, на помощь Василию спешил (но не успел) служивший ему царевич Бердедат. Интересны и дальнейшие события. Вместе с Махмудом, командовавшим ордынскими войсками, в битве под Суздалем участвовал его брат Якуб. Махмуд в том же 1445 году после смерти отца, Улу-Мухаммеда, стал правителем Орды. А Якуб уже к осени сблизился с пленённым Василием Васильевичем и, по некоторым данным, способствовал его освобождению (за очень большой обещанный выкуп). Вскоре он участвовал в русских делах на стороне Василия. В 1446 году Якуб прибыл в Тверь на сбор военных сил только что ослеплённого Василия: «И прииде вся сила московская со все страны ко Твери къ великому князю... и царевичи три: Трегобъ, Каисымъ, Ягуб, и иныхъ князей, бояръ и детий боярскихъ много»⁶². Собрав войска, Василий начал военную кампанию против сил Дмитрия Шемяки, сконцентрированных к северу от нашего региона,

Рис. 93. Смерть казанского хана Абдул-Латифа. *Летописная миниатюра*

в галичских местах. Летописцы особо отметили роль воинов-татар: «...послаль князь великий Василей на князя на Дмитрея да на князя на Ивана на Ондреевича на Кострому дву царевичь, Трегуба да Агуба, а с ними брата своего князя Михаила Андреевича и множество войска»⁶³.

В войне Василия Тёмного значительную роль сыграли трое братьев-князей Ряполовских, спасителей великокняжеской семьи и, кстати, первых владельцев села Мугреева, перешедшего затем к Пожарским. В их полках не могло не быть воинов с тюркскими корнями, поскольку и другие родовые земли Ряполовских совпадали с более обширной условной территорией «мугреевских татар» – также как земли их соседей, ближайших родственников и

соратников, князей Палецких, лихих вояк и разумных полководцев. Палецким не меньше, чем Ряполовским, приходилось иметь дело с татарами. В биографиях представителей славных родов, например, отмечено их участие в защите Казани от агрессоров и незваных претендентов на восточный престол, в особенности при новом правителе Московской Руси Иване III Великом. Так, после присяги хана Магмет-Аминя на верность Ивану Великому из России в Казань в 1496 году было послано сильное войско во главе с воеводой Семёном Ряполовским, что заставило ретироваться главу Шибанской орды Мамука, правда ненадолго. Когда опасность миновала, он вернулся и захватил трон. Казанцы запросили у государя Ивана в правители Абдул-Латифа. Сажать нового хана на трон отправилось войско во главе с Семёном Холмским и Фёдором Палецким. Они же «къ шерти приведоша всехъ князей Казанскыхъ, и улановъ, и земскихъ людей по ихъ вере за великого князя» 64.

Затем уже Дмитрий Палецкий в 1546 году вместе с князем Д.Ф. Бельским участвовал в утверждении на казанском престоле

«царя Шиг-Алея» (Шах-Али). В 1551 году, по сведению Пискарёвского летописца, царь Иван IV после ряда перипетий снова послал на казанский трон Шиг-Алея и велел с ним остаться князю Дм. Палецкому. В городе был организован заговор, угрожавший жизни и Шиг-Алея, и русского князя. Однако Палецкий не оставил в беде правителя и помог ему выйти из Казани на Русь невредимым 65. В знаменитом казанском походе 1552 года тот же Палецкий и его боевые слуги вновь выступили в качестве «ангелов-хранителей» для казанского правителя Ядыгар-Мухаммеда. Как писал автор «Казанской истории», Иван Грозный велел отдать хана «на брежение великому воеводе князю Дмитрею Палецкому Щереде», отрок которого взял казанского царя в плен и невредимым вывел из гущи кровавых событий. После крещения хана стали звать Симеон Касаевич, и князьвоевода был приглашён на его свадьбу.

Кроме Ряполовских и Палецких, защищать татарские земли приходилось и другим полководцам нашего региона. Принятый на службу Иваном III Ф.И. Бельский из рода Гедеминовичей, получивший г. Лух и к нему волости Вичуга, Кинешма и Чихачёв, в 1499 году был послан с большим войском на помощь вышеупомянутому казанскому хану Абдул-Латифу, которому на этот раз угрожали силы татарских князей, шедшие из Аральска и Урака. Воевать не пришлось: противник повернул вспять. Да, значение ханов-союзников для великокняжеской власти в те времена трудно переоценить, но то же могли бы сказать и восточные правители в отношении набравшей силу Руси. Союзнические отношения обеспечивали мир, а значит, гарантировали от взаимного разорения и многочисленных убийств населения и создавали равновесие, дающее шанс к процветанию обеих сторон.

Много десятилетий спустя ратные люди и казаки из Шуи призваны были защищать уже Касимовское ханство от «воров» Смутного времени. В 1610 году, согласно грамоте царя Василия Шуйского, «Касимов и касимовские места от воров очистить» пошёл отряд под руководством Фёдора Каблукова. Москва старалась по возможности поддерживать союзников⁶⁶.

Но вернёмся к татарам, чьи имена прозвучали в истории Ивановского края в XV–XVII веках. По мере развития государственных и «народных» связей с Ордой и Казанским ханством их здесь становилось всё больше. Особенно заметно это проявлялось в умножении числа выходцев с Востока, поступавших на русскую службу. Так, в Плёсе с XIV века и, вероятно, до середины XV века хозяевами оставались князья Сабуровы; в 1458 году подготовкой возможной обо-

роны от казанских войск руководил «в осаде» уже потомок Гедеминовичей Семён Несвицкий, а на рубеже XVI столетия (вероятно, в 1504 г.) город был отдан «на прокормление» Александру Карамышеву, чьи предки-татары ещё век назад выехали на службу в Москву⁶⁷. В августе 1540 года наместничество в Плёсе было у Ивана Андреевича Булгакова (происхождение фамилии от тюркско-татарского «гордый человек»), в чьём гербе, также как и в гербах Карамышевых, Сабуровых, Вельяминовых-Зерновых и других дворян «из татар», присутствует восточный маркер — кривой меч. А с апреля 1550 года, как уточняет А.А. Зимин, в Плёсе наместничал Андрей Васильевич Нагаев-Ромодановский⁶⁸.

Кроме кратковременных правителей Плёса, мы могли бы назвать имя одного из его защитников, тоже выходцев из Орды, не столь высокого ранга. В 1459 году, «сидя в осаде», решил написать завещание («грамоту душевную») Осип Окинфов, но для оформления документа его не выпустил из крепости упомянутый воевода Несвицкий. Из грамоты мы узнаём, что Осипу принадлежало родовое село Окинфеевское (написание может свидетельствовать о восточном предке по имени Окинфей или Акинфей) ниже Плёса, вероятно в волости Шухомош. Такая география может гипотетически связывать предка с боевым полком рода Сабуровых, владельцев местных земель в XIV–XV веках. Интересно, что почти через столетие, в историческом источнике 1544 года, упоминается дворянин Курган Тырыданов Акинфов, судя по имени даже формально не крещённый.

Список известных шуйских воевод тоже примечателен: в нём немало татар (встречаются они и в списке старост). Среди воевод XVII века упоминаются Борис Кайсаров (1611 г.), Пётр Вельяминов (1630–1631 гг.), Иван Акинфов (1641–1642 гг.), Гаврила и Григорий Кайсаровы (1657–1659 и 1662–1663 гг.), Семён и Иван Ушаковы (1664–1665 и 1673–1674 гг.), Григорий Тулубеев (1697–1698 гг.). В земских старостах состояли Василий Ушаков (1611–1612 гг.), Фёдор Шибаев (1633–1634 гг.), Иван Алатырцев (1676–1677 гг.)

В жарких событиях 1540 года на Волге ниже Плёса, в Солдоге, принял участие сын боярский Борис Алалыкин. Здесь, *«у Пятницы на плеси»*, русское войско встретило большой казанский отряд Чуры Нарыкова и разбило его, потеряв при этом четырёх больших воевод. ⁷⁰ А среди убитых детей боярских оказался и Б. Алалыкин. Павший на поле брани герой владел землями на территории современного Фурмановского района. Это с. Шевлягино с окружающими деревнями, среди которых примечательна д. Сабан-

чеево (сегодня именуемая Собанцеево): в её названии отражается история татарского земледелия (собан — плуг, отсюда же название праздника Сабантуй — праздник плуга). У потомков Б. Алалыкина в регионе имелись и другие владения, в частности, перешедшие затем к Вл. Бастанову — также потомку выходцев из Орды и, как фиксируется в источниках, бережно соблюдавшему татарские традиции в семейном быту⁷¹.

Фамилии переселенцев из Орды неоднократно отмечены в письменных свидетельствах бурных событий начала XVII века в нашем крае. Авторы книги «Ивановский край в Смутное время» отдельную главу посвящают «вождям народного движения» региона и представляют в ней «командиров царских войск, сражавшихся на стороне восставших»: Ф.В. Каблукова, братьев Соловцовых, отца и сына Молвяниновых. Мы же отметим, что все они являются представителями татарских родов.

Вышеупомянутый Фёдор Васильевич Каблуков прочно связан с шуйскими землями: его отец с 1576 года был владельцем деревень (Щапово и др.) в Горенском стане. Кроме защиты Касимовского ханства в 1610 году, Фёдор отличился в бою с З. Заруцким в 1615-м, получив за это прибавку к жалованью и золотую монету (прототипы медали – наградные золотые монеты в XVII в. принято было нашивать на одежду)⁷². К числу таких же «суздальских дворян» принадлежали и иные представители разветвлённого рода – родственники Фёдора, также связанные с Ивановским краем. Е. Филиппова в своём архивном исследовании указывает владения Каблуковых на территории современного Ивановского района и сообщает, что в сражениях «смутных времён» погибли дети Афанасия Каблукова – Иван и Григорий, что вместе с патриархом Филаретом в плен попал Образец Афанасьевич, дети которого в дальнейшем, согласно источникам, владели *«жеребьями сц. Хороброво и дер. Худынино»*⁷³.

Родоначальником Соловцовых принято считать Данилу Соловца, правнука последнего московского тысяцкого Василия Васильевича (дяди Дмитрия Донского по матери), представителя мощного клана Вельяминовых, от которого пошли также Аксаковы и Исленьевы. Мисюрь Иванович Соловцов в 1607 году служил выборным дворянином и имел большой авторитет в Нижнем Новгороде. Он сохранил верность Василию Шуйскому и в 1609 году во главе военного отряда защищал законную власть в Чебоксарском уезде.

В начале июня того же года ему (вместе с Афанасием Молвяниновым и Беляем Наговицыным) была поручена оборона Юрьевца. Превосходящими силами Лисовского Юрьевец был взят, но артиллерию,

боезапас и провиант, столь необходимый врагу, М.И. Соловцов спас, вывезя в Городец. И уже в конце месяца вернулся во главе посланного Ф.И. Шереметевым сборного войска, с судовой ратью, конной сотней и стрельцами. Под Решмой, во время переправы «лисовчиков» во главе с И. Наумовым через Волгу, русское войско напало на врага и нанесло ему большой урон. М.И. Соловцов участвовал в Первом и Втором ополчениях против поляков. В июне 1612 года из Ярославля он был послан обеспечивать порядок в вотчинах суздальского архиепископа в суздальских и шуйских землях. Далее, в 1615–1616 годах, сидел воеволой в Цариныне.

Афанасий Матвеевич Молвянинов происходил из рода «салтанеича Наручатской орды» Яндоуганда Трегуба, выехавшего на службу к нижегородским князьям с отрядом в 1900 человек и крестившегося с именем Василий. Сохраняя татарские воинские традиции, А.М. Молвянинов в войске Ф.И. Шереметева командовал конным подразделением. Именно он возглавил упомянутую сотню в победном бою под Решмой. Начиная с 1613-го два года выполнял обязанности воеводы г. Луха, объезжая дозором и весь Лухский уезд. В 1622 году ветеран боёв получил в вотчину две трети села Ряполово с деревнями⁷⁴.

Куломзины – старинная татарская фамилия, восходящая к временам Московской Руси. Можно предположить, что они, «сидящие» на землях около Солдоги, когда-то были связаны с кланом землевладельцев и воинов Сабуровых. В «смутном» 1609 году верный присяге помещик Куломзин вместе с соседом Шушериным организовали жителей слободы и окрестных земель на оборону Солдоги от Лисовского. Но в бывшей крепости, передавшей боевую эстафету Кинешме, укреплений уже не было, и защитники погибли в неравном бою. Надгробные плиты над их могилами ныне затоплены водами Горьковского водохранилища, а потомки Куломзиных ещё и в конце XIX века владели землями в Есиплевской волости Кинешемского veзла⁷⁵.

Дворянин Владимир Алексеевич Бастанов (имена его предков говорят о тюркском, возможно булгарском, происхождении рода), крупный землевладелец региона, вместе с суздальцами в 1608 году присягнул самозванцу. Однако, должно быть, под впечатлением зверств, учиняемых поляками, быстро покинул тушинский лагерь и, прибыв в дворцовое село Семёновское, организовал отряд, напавший на тушинцев и «воров» побивший. Вскоре боевой и жизненный путь В.А. Бастанова завершился: он был почему-то убит семёновскими крестьянами. Его братья, Иван и Елизарий, ушли в Н. Новгород на

службу к Ф.И. Шереметеву⁷⁶. Иван Бастанов затем со своими слугами воевал под началом Р.П. Лопаты-Пожарского.

Большое количество татар, не оставивших в истории своих имён, участвовало в освобождении наших земель от польских интервентов. Это прежде всего «юртовские татары», которые охраняли Юрьевец и в 1612 году, по прибытии в город Второго ополчения, встали под знамёна князя Дмитрия Пожарского. Не будем забывать, что инициаторами сбора ополчения, кроме новгородцев, были жители Казани, города, где у власти в то время оказался выходец из Ивановского края, помещик Лухского уезда Никанор Михайлович Шульгин. В 1606 году царь Василий Шуйский назначил его дьяком Казанского царства. В результате политических перипетий «смутных лет» дьяк стал народным лидером казанцев, и в его подчинении оказались силы, превышающие по численности Первое и Второе ополчения. Казань направила их для участия в боях 1611 года под Москвой и затем, через год, оказала помощь нижегородцам. К сожалению, если бы не противоречивые действия Н.М. Шульгина, помощь эта могла быть более ощутимой⁷⁷.

В разные годы Средневековья и наступавшего Нового времени отдельные земли и селения Ивановского края оказывались то у одного, то у другого выходца из Орды и Казанского ханства, отдавшего предпочтение службе русским великим князьям, либо у потомков тех, кто давно выбрал этот путь. Во времена, предшествовавшие царствованию Ивана Грозного, это были, очевидно, не владения древних боярских родов, а т.н. «чёрные земли», составлявшие своего рода земельный резерв и разменный фонд, которыми распоряжались московские властители. Этот устоявшийся порядок сильно поломала опричнина. К тому же, частые войны не позволяли князьям вести нормальную семейную жизнь, а то и просто доживать до зрелых лет, чтобы, сняв боевые доспехи, обзавестись потомством и спокойно растить наследников. Во второй половине XVI века пресёкся славный род князей Палецких. Земли их были розданы в поместья. А село Палех, старинный центр вотчины, как свидетельствуют сохранившиеся документы, в 1619 году было пожаловано Ивану Матвеевичу Бутурлину, участнику Первого народного ополчения и московских событий 1612 года.

В тех же землях бывшего Стародубского княжества ещё раньше, в середине XVI столетия, «селище Южа» оказалось во владении Григория Яковлевича Карамышева, из дворян татарского происхождения (кирумуш – «защищающий»). Григорий числился в Тысячной книге 1550 года, содержащей текст указа Ивана IV Грозного об «испомеще-

нии» лучших слуг, по Стародубу Ряполовскому, в дальнейшем побывал в городовых приказчиках в Казани (1554 г.), воеводой в Васильгороде (1558–1559 гг.) и в Курмыше (1564–1565 гг.). В 1622 году с. Никольское, оно же Южа, уже числилось за Ф.Ф. Толмачовым, и в том селе при церкви Николы «поп Яков Исаев, во дворе дьячёк Васька Исаев, во дворе проскурница Матрёница Остафьева дочь». А среди крестьян, между прочим, Будилка Ногаев⁷⁸.

Специальным наказом Дмитрия Пожарского в 1611 году его

соратнику Лукьяну Башмакову была отдана д. Хомутинино с пустошами в Кинешемском уезде. Этот татарский род вёл своё начало от Даниила Васильевича Башмака Вельямина, упомянутого под 1447 годом вместе с сыновьями, которых звали Абаш, Ташлык и Каблук. Интересно, что перед внесением рода в Бархатную книгу подтверждение о происхождении Башмаковых было получено у однородцев: Воронцовых-Вельяминовых и Аксаковых⁷⁹.

Другой потомок переселенцев из Орды, Иван Петрович Черемисинов, наоборот, в годы опричнины был лишён своих владений. В Суздальских землях Иван Грозный предполагал «испоместить» большую часть царёвых слуг, а для этого требовалось выселить тех. кто по тем или иным причинам на эту роль не подходил. И.П. Черемисинов «не подошёл» и был выдворен из своего родового гнезда, Петрова Городища в 1565 или 1566 году, хотя его род (из татарского субэтноса мишарей или марийцев) как минимум полвека служил московским государям (в 1508 г. в Ростове отмечен Мещерин Черемисинов⁸⁰). Один из первых владельцев ныне не существующего с. Марфино в Кинешемском уезде И.Г. Беклемишев к 1550 году был уже «стар и болен» и, вероятно, не имел наследников, и потому село перешло к другому владельцу⁸¹. Чадуевы (с. Ногино Плёсского стана, 1665 г.), Отяевы (с. Давыдовское Юрьев-Польского уезда), Кайсаровы, Чириковы, Куломзины, Татариновы, Тимирязевы, Бибиковы, Шалимовы, Обалдуевы, Кафтыревы, Тихменевы... Список татар – владельцев земель на территории края в разные века можно было бы

продолжить и даже посвятить этому отдельное исследование. Оно, правда, всё равно не отразит реального масштаба присутствия выходцев из Булгарии и Орды на территории Ивановского региона в допетровскую эпоху, поскольку письменные источники в подавляющем большинстве на сегодняшний день утеряны. Что касается археологических сведений, то, несмотря на большой потенциал, область изучена пока очень слабо. Лишь намёками могут служить отдельные характерные находки вещей восточного облика в районе раскопов древних сёл и деревень.

Так, не могла случайно оказаться на территории современного Родниковского района монета хана Джанибека: в середине XIV века торговые расчёты

Находка из с. Парского портупейная пряжка (1) и похожая по стилю оформления ремённая накладка из г. Булгара (2). Татарский мир. Казань, 2020

велись не только на основных – речных – путях и в городских центрах. Жизнь была активной и в глубинке, где, заметим, по-прежнему добывалась пушнина и выращивался лён, столь востребованные на Востоке82.

Ещё одной интересной находкой из того же района, а конкретнее, из с. Парского, стала деталь поясного набора. Выполненная из бронзы портупейная геральдическая пряжка походит по стилю оформления на изделия булгарских мастеров, с той разницей, что на пряжке из Булгара изображена собака, а на «ивановском» экземпляре – вариация на тему кошачьего хищника, с птичьей или драконьей (как на казанском гербе) головой: возможно, это попытка изобразить крылатого барса, столь популярного в булгарских землях (рис. 95)83. Скорее всего, находка из Парского могла принадлежать кому-то из воинов полка боярина Фёдора Сабурова или его потомков, Пешковых-Сабуровых, на что указывает близость данной территории к владениям знаменитого рода.

В калейдоскопе событий давних времён следует отметить и выходцев с Востока, которые не стали более или менее крупными

землевладельцами, но так или иначе отметились в истории Ивановского края.

Среди них упомянутый в 1616 году мелкий служащий из г. Шуи, один из целовальников (должностные лица на Руси, избираемые земщиной для исполнения судебных, финансовых и полицейских обязанностей), Курбат Нестеров, а также пострадавший на службе в Лежневе в 1618 году приказчик Урак Сабуров (возможно, не родственник, а однофамилец потомков мурзы Чета). Последний через год был поставлен приказчиком с. Дунилова, дабы «крестьян от сторон и ото всяких обид и от продажей беречи», и там тоже пострадал, проявив при этом немалую смелость. Когда в село в торговый день явился слуга князя Д.М. Черкасского в сопровождении казаков и начал бить и грабить крестьян, Сабуров вышел один против незваных гостей. Он выжил, потому что пользовался уважением населения и был отбит у нападавших.

Похожие события наблюдались и в Лухе в 1651 году, где «отметились» приказчик села Мыт Пётр Шибаев и Кирсан Матвеев, из мытских крестьян. Доморощенное войско также заявилось в базарный день отстаивать мнимые права нового владельца Мыта, князя Бориса Репнина. Князевы слуги учинили погром в Лухе и даже посягали на жизнь местного воеводы, что, вероятно, не прошло для них бесследно⁸⁴. Некоторое время спустя при воеводе Григории Борисовиче Кайсарове безобразия мытских «гостей» прекратились, но возникли разбирательства в связи с колдовством местных жителей, растянувшиеся с 1654-го аж до 1659 года. Интересно, что в них фигурировали представители местной семьи Салаутиных, судя по фамилии, не русских, но, исходя из содержания документа, обрусевших и уже не в одном поколении проживавших в Лухе⁸⁵.

Особенно часто упоминаются татары в документах по Шуе XVII века, заботливо собранных и опубликованных В.А. Борисовым. Кроме обрусевших местных дворян, громкую славу стяжал, например, присланный в город в 1639 году по «корчемным» и «табашным» делам сыщик Иван Тарбеев. Без нареканий вершил свои дела прибывший для сбора конских пошлин в 1676 году конюх Клим Курбатов. Но с куда большей радостью шуяне, конечно, ждали других татар, касимовских, которые приезжали к ним в город в большие торговые дни продавать лошадей. Судя по документу 1640 года, шуйские купцы ценили касимовских коней, покупали их за деньги или с удовольствием выменивали на свои товары. А когда кто-то пытался притеснять торговых партнёров, сообща восстанавливали справедливость⁸⁶.

Обитатели Плёсской крепости

Древний быт — неотъемлемая, если не первейшая составляющая истории наших далёких предков. И ничто так не раскрывает его подробности, как археологическое исследование, особенно если дело касается времён, предшествовавших широкому развитию эпистолярного жанра, семейно-бытовой переписки (она представлена в нашем крае лишь начиная с XVII столетия).

Мы получили возможность раскрыть подробности древнего быта татар в регионе благодаря многолетним раскопкам в Плёсской крепости. Вместе с землями вдоль Северной Волги, ниже Костромы, она досталась таинственному мурзе Чету, который, по расчётам С.Б. Веселовского, перешёл на службу в конце XIII века ещё к костромским князьям.

Возможно, именно ему крепость обязана своим возрождением, правда, в территориальных границах первой, домонгольской тверди. После известного нашествия и пожара в 1238 году бывший военный опорный пункт Владимиро-Суздальской Руси прозябал, некогда обнесённая стенами территория не имела укреплений и использовалась как кладбище. Однако примерно с начала XIV столетия, уже в пределах Костромского княжества, крепость стала оживать. Об этом свидетельствует начавший формироваться в эти годы и откладывавшийся в течение всего столетия особый, местами хорошо различимый в общих археологических отложениях плёсских раскопов коричневатый культурный слой. И, разумеется, характерные находки в нём. Одним из ярких свидетельств восточного присутствия были фрагменты орнаментированной поливной кашинной посуды (рис. 96). В основном это чаши, которые использовались не только для пиров, но были непременным атрибутом кочевой жизни, особенно военных походов, когда всаднику – и знатному, и незнатному – требовалось быстро подкрепить силы (например кобыльим молоком, смешанным с кровью животного). У самых богатых в обиходе были дорогие чаши из Самарканда и других среднеазиатских городов. Но с расцветом Золотой Орды и в её городах научились производить похожие нарядные изделия. И те и другие появились в Плёсской крепости с тюркскими воинами-всадниками.

Судя по тому, что мурза Чет получил для содержания своих военных слуг обширные земли, войско с собой он привёл немалое. Вспомним для сравнения: предок Молвяниновых, сын султана Наручатской орды Яндоуганд, пришёл к нижегородским князьям с 1900

Puc. 96. Фрагменты дорогой кашинной посуды XII–XV вв. из раскопов Плёсской крепости

всадниками; астраханский царевич Кайбула воинов привёл около тысячи, а земель получил меньше, чем мурза Чет. Исходя из этого, следует полагать, что не только Костроме, но и каждому малому городу-крепости в случае смотров воинских сил, сбора войска в поход и т.п. приходилось принимать сотни конных ратников со всем их сопровождением (слуги, сменные лошади, вооружение, провиант и т.п.). Крепости восстанавливались, и требовалась инфраструктура для их содержания. Города поднимались экономически, развивали ремесла, торговлю, начинали нуждаться в административном обеспечении, крепостном гарнизоне. Все эти хлопоты иногда явно, иногда едва заметно отражаются в материалах современных археологических раскопок.

Прежде всего, в XIV веке в восстановленной Плёсской крепости появились жилые и хозяйственные постройки, на месте которых во время раскопок были найдены разнообразные предметы восточного облика или подражания таковым. Далеко не все всадники, лишь

некоторые из них (прежде всего воинское руководство) получали возможность ночевать в добротных тёплых бревенчатых избах, размещать своё ближайшее окружение и имущество, включая коней, в небольших замкнутых пространствах, огороженных прочным тыном: со временем такие пространства получат название «осадный двор». Часть воинов могла зимой размещаться в жилых клетях крепостных стен (вновь отстроенные, судя по их следам, были такими же, как первые, домонгольские)⁸⁷. Но большая часть полка, вероятно, всётаки размещалась вне крепости, в юго-западной напольной части, где сегодня производятся раскопки и находятся, со слов исследователей, предметы XIV века, однако о постройках того времени здесь сведений пока нет.

Следы времён Ивана Калиты и Дмитрия Донского

Жилые дома в пределах укреплений были небольшими и представляли собой бревенчатые срубы с печью, подобные тем, которые в домонгольскую эпоху выглядели почти одинаково что в Плёсе, что в Булгаре. Дома по-прежнему ставились без фундамента, так что об их размерах и устройстве мы можем судить по малоприметным признакам.

Так, на месте одной из плёсских изб прослежена яма довольно большого (2,7 х 2 м) прямоугольного погреба (рис. 97). Стены его были заботливо облицованы досками, закреплёнными угловыми столбами, выше досок шли жерди, и всё это покрывалось глиняной обмазкой. В погребе также имелся деревянный пол, причём ниже было оставлено пространство для дренажирования собиравшейся в яме влаги. На деревянных поверхностях (на полу и полках) размещалась посуда с запасами.

Судя по тому, что погреб был углублён в материковый слой не более чем на один метр, жилая часть располагалась на довольно высоком подклете. Её обогревала печь над погребом, сооружённая из валунного камня и глины; возвышавшийся над полом жилища бревенчатый опечек опирался на вкопанный в дно погреба столб⁸⁸. Такого рода печь была рассчитана на небольшое помещение, о размерах которого также позволяют судить некоторые малоприметные признаки. Чтобы сруб стоял ровно, без перекоса, под его западный угол была сделана прямоугольная выемка. Яма с внутренней

стороны, в углу жилища, могла быть от опорного столба полатей; такая же яма, с остатками столба, отмечена у южной стенки погреба. Благодаря им мы понимаем, что поперечная стена постройки имела длину 4-4,2 м, продольная делалась не меньше поперечной, и, таким образом, площадь избы составляла, очевидно, немногим более 16 кв. м.

Контур одного из погребов в Плёсской крепости

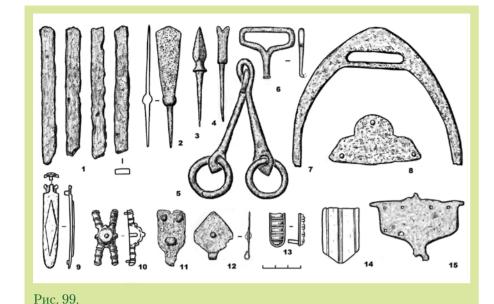
Но изба была центром целого хозяйственного комплекса. С юга к ней примыкала бревенчатая же хозяйственная постройка (или навес на бревенчатом основании), оставившая канавки под нижние венцы конструкции. К юго-востоку от жилья, в неглубокой яме, располагался летний уличный очаг с навесом, опиравшимся на столбы, а к северо-западу – отдельно стоявший прямоугольный погреб (или, скорее всего, ледник) с напогребницею (рис. 98). И всё пространство комплекса, вероятно, было защищено прочной тыновой изгородью, сооружённой по традиционному русскому образцу.

Следами подобных изгородей в раскопах были длинные канавки, в которых сохранились либо остатки вертикально поставленных и заострённых наверху жердей, либо отпечатки-углубления от них (рис. 98). Жерди ставились «в борозду» плотно одна к другой и скреплялись между собой при помощи деревянных стержней диаметром около 5 см: стержни пропускались через просверлённые в жердях

отверстия, стыки получались потаёнными, что препятствовало обрушению даже отдельных секций. Тыновые изгороди в Плёсской крепости сооружались на всём протяжении времени её функционирования, так что вполне закономерной оказалась и находка необходимого в работе инструмента: крупного сверла-коловорота.

А жили во всём этом вполне русском благоустройстве выходцы из татарских, вероятнее всего, из булгарских земель, что у нас не вызывает сомнений. Присутствие воинов-всадников выдаёт восточный облик и военного снаряжения, и многих сопутствующих предметов. С ордынских времён в наших краях обычными в боевых колчанах становятся стрелы с наконечником-срезнем. В культурном слое Плёса XIV века также были обнаружены шпоры, стремена, фрагменты воинской гарнитуры, аналоги которых встречаются в древностях Булгарии, уже вошедшей к тому времени в состав Золотой Орды; две из таких плёсских находок имеют аналоги среди подобранных на Куликовом поле (рис. 99.2, 8). Бронзовые наконечники ремней и накладка на конскую сбрую, обнаруженные в крепости, изготовлены, скорее всего, в самом городе Булгаре, первой столице Улуса Джучи, где ювелирное дело испытывало наивысший подъём во второй половине XIII – XIV веке (рис. 99.9-14). Нам известны точно такие же вещи из раскопок знаменитого золотоордынского города.

Находки из Плёсской крепости, связанные с булгаро-татарским

военным снаряжением

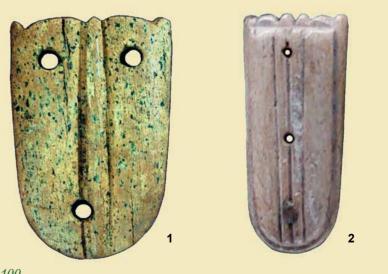
С возобновлением тесных торговых отношений с булгарскими землями в Плёс, как и в другие русские города, помимо отлитых из цветного металла пошла масса костяных изделий: рукояти, затыльники и втулки для ножей, затыльники и наконечники стрел, всевозможные орнаментированные накладки... Их проще было закупать там, где производство было поставлено на поток. Хорошо известны, например, ордынские складные миниатюрные костяные весы. В Плёсе за годы раскопок дважды были найдены фрагменты от разных экземпляров⁸⁹. Разумеется, весы требовались в первую очередь новой русской знати татарского происхождения, поскольку не без её участия на Русь приходили и золотоордынские монеты, вроде тех что были потеряны обитателями нашей крепости. Деньги имели разный вес, а потому оценивалось отнюдь не количество монет: в ходу было по-прежнему весовое серебро. Почти полтора века после монгольского нашествия на Руси продолжался безмонетный период, и происхождение монет не имело значения.

Примечательной находкой на месте неотапливаемого сруба (хозяйственной постройки, возможно конюшни, времён Дмитрия Донского) стал костяной наконечник ремня в виде головы зверя. Лик хищника анфас может вызвать сиюминутную ассоциацию со львами

на стенах Дмитриевского собора во Владимире. Но в музейной экспозиции древнего г. Булгара хранится во многом схожее изделие из местных мастерских (рис. 100). Это повод лишний раз задуматься о том, как и откуда в средневековую русскую культуру пришли образы хищников, столь популярных в культурах восточных народов и не обитавших в северных лесах.

В связи с этим вновь обратим внимание на плёсские перстни XIV–XV веков с изображением барса (оно же угадывается на одной из ремённых накладок). Барс, а точнее белый барс, был своего рода тотемом у племени барсил, влившегося в союз народов Волжской Булгарии; он стал излюбленным мотивом в местной художественной культуре и, более того, священным символом всего государства (рис. 90).

Не менее пристального внимания, благодаря относительно хорошо сохранившемуся изображению, заслуживает ещё одна ремённая накладка. На ней узнаваем персонаж татарской, а ещё раньше булгарской мифологии — крылатый змей Зилан. В XVI веке он стал главным элементом герба г. Казани, но в Плёсе найден в отложениях предшествующих времён, а потому может быть увязан именно с булгарской символикой (рис. 101). Зилан в древности считался знаком непобедимости и оберегом от враждебных сил. Неслучайно он был избран покровителем столицы волжского Тюркского государства,

Puc. 100. Костяные наконечники ремней: 1-г. Плёс, XIV в.; 2-г. Булгар

г. Биляра. Интересно, что булгары, переселившиеся в Плёс, могли здесь, на Северной Волге, найти очень похожего покровителя. В XIV веке ещё сохранялись воспоминания о существовавшем в первой, домонгольской крепости святилище Велеса, защитника Плёса, хозяина Нижнего мира, принимавшего в бою облик дракона, зверя-«коркодила», разящего врага. Ему присягали уцелевшие булгарские воины, прибывавшие сюда после рокового для них монгольского

нашествия 1236 года; его изображение, наспех вырезанное из кости для ритуальных действий, найдено в раскопе наряду с артефактами русского и татарского облика⁹⁰. А плёсская находка с изображением булгарского (ещё не казанского!) Зилана лишний раз указывает на происхождение новых обитателей североволжской крепости.

Получивший в середине XIII века очень высокий, столичный статус г. Булгар стал ещё более влиятельным посредником в международной торговле. Через него в Плёс попадали, например, самоцветы из далёкой Индии. На месте жизни татарской (булгарской) служилой знати в крепости найдены подвеска из сердолика и кристалл горного хрусталя. Здесь они оказались, проделав длинный и долгий путь. Как пишет М.Д. Полубояринова, из Индии полудрагоценные камни приходили к нам через Иран, Афганистан, Среднюю Азию и ордынские волжские города: «Обычно торговля велась поэтапно — груз доставляли в крупный торговый пункт, где он переходил в другие руки, и оттуда он, дополненный товарами этого рынка, следовал дальше». Хрустальные вставки, кроме Плёса, найдены при раскопках в Новгороде, а также во всех крупных населённых пунктах Золотой Орды; все они датируются второй половиной XIII — XIV веком⁹¹.

Вполне можно допустить, что именно благодаря стремлению населивших земли вокруг Плёса выходцев из Орды не порывать связей со своей булгарской родиной, не отказываться от традиций и круга привычных в быту вещей произошло столь быстрое восстановление (и даже усиление) былых восточных торговых контактов города. Мы помним, что на посадские улицы, где жили и работали ремесленники домонгольского Плёса, подходили по водной магистрали

«с низа» большие грузы цветного металла, прежде всего меди и медных сплавов в виде «черновых материалов», проволоки, листовой бронзы – всего, без чего не смог бы состояться и так сильно подняться на «чувильских» горах раннесредневековый крупный ювелирный центр Северной Волги. И материалы раскопок отчётливо показали, где и как происходило возрождение некогда главного городского ремесла, основанного на привозном сырье. Началось оно не на посаде, а в крепости, в тех самых ограждённых тыном дворах, где селилась поначалу преимущественно восточная знать, выходцы из булгарских земель. Старые связи, видимо, помогли вновь наладить подвоз необходимого сырья – того же, что поступало в домонгольские мастерские. И вот уже в культурных отложениях крепости XIV века мы прослеживаем участки с остатками мастерских и хорошо знакомыми археологическими артефактами. Среди них обломки плавильных тиглей, выплески медного сплава, тёмно-красные фрагменты силиката меди внутри и вокруг одной из жилых построек. Вновь попадались обрезки листового металла, подобные тем, что ранее во множестве можно было увидеть вокруг очагов на домонгольской прибрежной «улице ювелиров». Также сохранился остаток не полностью использованного рулона булгарского листового металла, но уже, разумеется, более позднего времени. О растущем производстве свидетельствовал и очаг, в котором отмечена большая концентрация стекловидных шлаков. Находки в нём указывали, что местными ювелирами производилась очистка (рафинирование) привозной черновой меди. Как правило, это делалось накануне литья новых изделий.

Преобразования Фёдора Сабура

Каким бы смелым ни казалось предположение, но нельзя исключить, что в Плёсе, в такой вот вышеописанной не особо просторной русской избе, родился и провёл своё детство отпрыск знатнейшего булгарского рода, праправнук легендарного мурзы Чета и будущий первый боярин великого князя Московского Василия Дмитриевича — мальчик с исламским именем Сабур и русским Фёдор. Отец его, Иван Красный Зернов, в отличие от родственников Вельяминовых, не настолько сблизился с московским великокняжеским домом, а потому семья жила не в столице, а «на Костроме», то есть в Костромских землях, в своей вотчине, откуда по первому зову из Москвы мужчины отправлялись на военную службу.

Y 193

Дети тех времён росли далеко не в парниковых условиях. Русского ли, татарина — мальчика в пять лет торжественно сажали на коня и через специальный ритуал «выводили из младенчества». Даже будь он сын посадского ремесленника — через десять лет подросток уже зачислялся в городское ополчение, пройдя накануне соответствующую военную подготовку. А уж сына воина и будущего бойца-всадника тем более ждала серьёзная школа военного мастерства. Известны случаи, когда даже взрослые воины Средневековья «ушибались до смерти», упав с лошади. И не будь хорошей подготовки, вряд ли вернулся бы живым с Куликовской битвы один из её отмеченных в летописях героев — «храбрый воин» объединённого Костромского полка Фёдор Сабур.

Вознаграждённый по заслугам за спасение великого князя Дмитрия Донского, перешедший из сынов боярских в бояре, Сабур, вероятно, унаследовал (и, разумеется, приумножил) часть владений своего отца Ивана Зернова, причём именно ту часть, которая была крайней с востока (ближе к Костроме получил земли его брат, Иван Годун). Такой расклад не мог не устроить московскую верховную власть, потому что под опеку сметливого и храброго нового боярина отдавались пусть и недостаточно сильные, но важные волжские форпосты Плёс и Солдога. Они призваны были защищать отрезок главной международной водной магистрали и от шальных конных отрядов с востока, и от новгородских разбойников-ушкуйников с западной стороны, где они по реке Костроме выходили на Волгу.

Фёдор Сабур, вероятно, на рубеже веков хорошо зарекомендовал себя на московской службе и, став первым боярином, обзавёлся московским домом. Но никто не освобождал его от обязанности полководца, содержателя своего полка и военных опорных пунктов в вотчинных землях. А между тем, полк набиравшего влияние боярина разрастался, и основной пункт его сбора — крепость в Плёсе становилась тесна. Морально устаревшая к началу эпохи «горячих» войн, эпохи артиллерии, да к тому же имевшая совсем небольшие размеры (площадь 1,1 га), она требовала серьёзного расширения территории и принципиально новых укреплений. Всё это, в целях усиления военного могущества Московской Руси, было обеспечено стараниями потомка булгарских правителей.

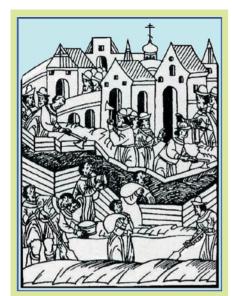
Решительным толчком к постройке передовой не только для нашего региона, но и для всей Московии крепости стали события 1408 года, о чём нам случалось писать подробнее. В дни подхода к Москве войск Едигея великий князь Василий Дмитриевич, сделав необходимые приготовления, выехал для организации военных дей-

ствий «на Кострому», где его ждали, в числе других, солидные военные силы «ивановских» татар. В результате принятых мер Едигей спешно ушёл восвояси уже в декабре 1408 года. Но великий князь не торопился возвращаться в Москву, оставаясь до весны 1410-го (почти полтора года!) на берегах Волги. Здесь, и, безусловно, при активнейшем участии его первого боярина Фёдора Сабура, готовились важные новшества, о которых мы можем судить по указу того же года: «князь великий Василей повеле рубити град Плесо» (так сообщалось в Никоновской летописи).

Заметим: решено было «рубити град», то есть строить новую крепость, не в соседней Костроме, бывшей столице княжества, и даже не в Москве, где на низкие и стремительно разрушавшиеся известняковые стены в это время ставились бревенчатые заплаты, а в Плёсе, который находился под персональной опекой первого боярина великого князя Московского, в сабуровских землях, в окружении сёл и деревень его военных слуг. На новом защищённом пространстве площадью в 5,5 га теперь уже мог разместиться весь полк боярина; в 1459, 1507, 1537, 1540, 1543, 1544 годах сюда стягивались большие подразделения «казанских для людей приходу», а в 1576 году собирался полк левой руки русского войска.

Но кроме решения военных задач Плёсу отводилась ещё одна важная роль: он становился главным рубежом таможенной системы Московского княжества на Волге. Его пришлось проходить, например, тверскому купцу Афанасию Никитину, о чём он с удовлетворением сделал запись в своём «Хождении за три моря» 2. А для недобросовестных торговцев таможня становилась печальным рубежом, о чём свидетельствует клад серебра времён Василия Тёмного. Не желая, видимо, «являть» свои деньги таможенникам, купец спешно зарыл их в прибрежный песок перед входом на досмотр (перед началом искусственного каменного лабиринта, через который проводили суда плёсские лоцманы). Но так случилось, что вернуться за деньгами он уже не смог, и размытый Волгой клад был найден в 2014 году.

Обстоятельства, связанные с Плёсом, указывают, что татары (потомки булгар) участвовали в становлении таможенной службы региона. Особенности устройства волжского рубежа требовали наличия небольшого, но очень мобильного конного «наряда», а лучшими всадниками даже в эпоху развитого Средневековья оставались сыны Востока. Летучий отряд в случае возникновения конфликта мог быстро преодолеть расстояние в 4-5 км от крепости до конца лабиринта. Именно для этого, по всей видимости, был прокопан

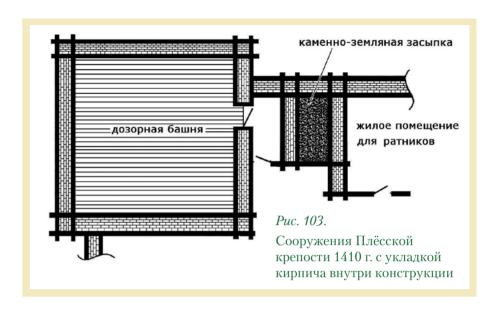
Puc. 102. Строительство крепости с засыпными стенами. Лицевой летописный свод

в крутом склоне правого берега р. Шохны искусственный овраг, известный ныне как Вичугский проезд г. Плёса.

Сама же новая крепость сооружалась уже с учётом возможных артиллерийских ударов. Возведением стен руководили русские инженеры-«городники», но опять-таки с применением восточного опыта (в данном случае наверняка опыта булгарского; при попытке взятия г. Булгара в 1376 году русское войско впервые испытало на себе действие крепостной артиллерии). В XIV веке первая столица Золотой Орды переживала настоящий строительный бум: начал широко использоваться кирпич. В Плёсе, вероятно с подачи выходцев из Орды, кирпич также нашёл при-

менение. Только не для возведения зданий (такое строительство и в Москве-то началось лишь с середины века), а при сооружении крепости 1410 года. Стены её лишь внешне выглядели деревянными, но на самом деле были многослойными, башни – как сруб внутри другого сруба, и везде пространство между наружным и внутренним слоями брёвен заполнялось землёй и камнями: в подобной конструкции невозможно было пробить сквозную дыру (рис. 102). Но, как показали исследования остатков мысовой башни, нижнюю часть заполнения составляли не камни с землёй, а несколько рядов кирпичной кладки, что придавало жёсткость конструкции и уберегало дерево от гниения или, наоборот, от излишнего пересыхания (рис. 103) 93 .

Внутри новой крепости Фёдора Сабура выросли дома, устройство которых отличалось разнообразием. Возводились по-прежнему и однокамерные срубные постройки, рассчитанные на проживание в них мужчин (воинской элиты) без семей. Условия пребывания в «осадных домах», разумеется, были более комфортными, чем в специальных секциях крепостных стен (жилых помещениях без печей, предоставляемых простым ратникам). Но появились и полноценные осадные дворы, а в них жилища просторные и очень комфортные по

меркам того времени. Они представляли собой пятистенные избы с «чистой» половиной, приспособленной для жизни знати, даже целых княжеских семьёй – на случай приближения к окрестным землям вражеского войска или когда в подобном дворе проживал с женой и детьми какой-нибудь городской администратор.

«Горечи дымные не претерпев, тепла не имати», - гласила пословица времён «чёрных» печей. Хозяева пятистенка располагались в чистой половине, куда не выходило жерло печи, а значит, и «горечи дымные». Чистая горница обогревалась заходившей в неё тыльной стороной печи, к которой, к тому же, могла пристраиваться тёплая лежанка или даже своего рода дополнительная «чистая» печь - сводчатая камера, где не разводился огонь, но можно было попариться и помыться, просушить одежду, снаряжение, провиант и прочее. А в тот сезон, когда печи топить запрещалось (обычная противопожарная мера деревянных русских городов), но погода портилась, в таком импровизированном камине возжигался берёзовый уголь, который, как известно, даёт жар без дыма. В «чёрной» же половине, куда открывалось жерло печи, в зимнее время прислуга разводила огонь, готовила пищу и здесь же могла ночевать в тепле на полатях (рис. 104).

Весьма разумно в таком доме «сабуровской» крепости использовался и подпол. Он представлял собой две разделённые половины (как в современном холодильнике). В археологическом раскопе обычно вырисовывался контур в виде восьмёрки, и всегда в расширенной части при выборке заполнения прослеживался погреб, а в окру-

Puc. 104. Следы двухкамерной печи с погребом и ледником под ней. Плёс, 1-я пол. XV в.

глой яме поменьше – ледник. При этом ледник находился под истопкой печи: он был незаменим в тёплое время года, когда печи в городах запечатывались, а яма, загодя наполненная льдом с реки, позволяла долго сохранять свежими мясо, рыбу и другие скоропортящиеся продукты. Там же держали и напитки (пиво, мёд), которые в те времена были обязательными на пирах воинов любого вероисповедания. В погребе, более просторном, с небольшой плюсовой температурой, всё было максимально приспособлено для хранения не таких скоропортящихся припасов, которые выручали, например, в случае долгой осады крепости. На полках стояли объёмистые горшки, на полу - бочки и долблёные кади. Запасы продуктов по возможности пополнялись посылками из хозяйских деревень, а также дарами реки и окрестных лесов, добываемыми местные жителями, слугами.

О хозяевах домов мы можем судить по археологическим находкам. Как и в XIV веке, в крепости 1410 года отчётливы следы пребывания воинов-всадников. В раскопах всё те же находки парадных восточных поясов с металлическими деталями булгарского производства. У новых носителей булгарской традиции (с 1431 г. новый центр, Казань, уже окончательно «переял славу» былой древней столицы) теперь уже и в русских землях заметно преобладание восточных воинских атрибутов. Мечу здесь предпочитали саблю, доспех имел признаки восточного стиля. Найденные ремённые накладки с кольцами свидетельствуют о походном быте; колчанные крюки выдают конных воинов; немало вещей, связанных с содержанием верховых лошадей. Находки очажных цепей напоминают о привычке варить пищу в котле на открытом огне; керамическое кольцо (в крепости найден его фрагмент) позволяло прочно установить на ровной поверхности посуду с округлым дном.

Некоторые из плёсских артефактов идентичны ордынским и даже прямиком отсылают нас к тамошним мастерам. Подобно ранее упомянутым ремённым накладкам, изяществом очертаний отличается накладка более крупных размеров – может быть, наконечника ножен сабли или «налучна» (футляра для лука) (рис. 99.15). Без всякого художественного оформления, но все одинаковых размеров и найдены лежащими в ряд, с равными промежутками, достаточно толстые узкие железные пластины, которые, судя по всему, вшивались между слоями ткани, как принято было при изготовлении особой защитной одежды – тегиляя (рис. 99.1). Доспехи подобного рода упоминаются в завещании владельца окрестных земель Семёна Дмитриевича Пешкова-Сабурова: «да Офонасью Жулебину приказщики мои дадут тегиляй камчат, камка багрова, опушон горностаем». В бою такая облегчённая защита плохо спасала от наконечника копья, но хорошо защищала от сабельных ударов, которые сыпались на противника при столкновении всадников. Для каких-то других случаев предназначался упомянутый в том же завещании доспех куда более тяжёлый и объёмный: если несколько тегиляев Семёна Дмитриевича хранились в одном лубяном коробе, то один тяжёлый целым комплектом занимал два короба⁹⁴. Вероятно, от такого снаряжения, хорошо подходящего, например, для держащих оборону в крепости, и были найдены при раскопках упомянутые выше железные пластины⁹⁵.

Дважды встречены в плёсских раскопах остатки боевого кинжала; один – хорошей сохранности, с костяной рукоятью, изначально нарядной, наборной (рис. 105). Судя по изношенности лезвия и следам ремонта, оружием долго пользовались. Интересно, что идентичный кинжал сегодня представлен в музейной экспозиции древнего г. Булгара; очень возможно, что плёсский экземпляр был изготовлен в тех же мастерских. Заметно схожи с булгарскими и тяжелая ремённая пряжка, и удила, стремена и подковы, скребница для ухода за конём... В течение XIV-XV столетий татарский и русский стили в оружии и доспехах конного воина постепенно слива-

лись воедино, причём с отчётливым татарским доминированием. В то же время, в плёсских раскопах мы находим свидетельства освоения преимущественно западного огнестрельного оружия. И служилым татарам, и русским воинам приходилось учиться содержать и ремонтировать пищали и пистоли, отливать стандартного размера свинцовые пули.

Плёсская жизнь семьи НОГАЕВЫХ-РОМОДАНОВСКИХ

Процесс универсализации изготовления оружия, амуниции и вообще одежды, некоторое уменьшение количества сугубо восточных изделий в обиходе, русификация жизни и быта потомков татар становятся особенно заметными в плёсских археологических материалах первой половины XVI века. Нам выпала большая удача проследить по материалам раскопок организацию быта одной из семей с тюркскими корнями, имя главы которой известно: Андрей Васильевич Ногаев-Ромодановский. У нас есть основания сомневаться в принятой официальной версии происхождения этого рода от князей Стародубских. Пытливому читателю, обескураженному двойной татарской фамилией якобы у потомков Рюрика, следует вспомнить, что родословные росписи, которые подавали к 1687 году представители знатных фамилий для занесения в Бархатную книгу,

далеко не всегда были точны и непредвзяты. Так, например, несколько смущает вполне себе тюркская фамилия Шереметевых, предки которых якобы «из немцев», а имя-прозвище брата Андрея Шеремета, Семёна, такое же тюркское по происхождению: Епанча. Добавим к этому ценное сведение от А.Б. Лакиера, отметившего, что в коллекции знаков татарских родов историка Татищева имелась тамга (ясак) Шереметевых⁹⁶. И уж совсем абсурдным для Рюриковичей можно считать целый перечень тюркских бытовых имён на родовом древе князей Ромоданов-

Герб рода Ромодановских. Большая российская энциклопедия

ских: Ромодан (рамадан – у мусульман священный месяц), Козлок (для игры в бабки), Шибляк (южный кустарник), Нагай, Турубодан, Норок, Шарап... Для сравнения: у реальных потомков Стародубских, князей Палецких, бытовые имена славянские: Пестрой, Палица, Хруль, Гундор, Череда. В гербе ромодановского рода присутствует знакомая по татарским родам рука с кривым мечом... Да и будь тот же А.В. Ногаев-Ромодановский потомком Рюрика, он, как нам кажется, выше ставился бы официальной властью. Из документов известно, что в 1547 году по челобитью горной черемисы (чувашей и горных марийцев), пожелавшей служить московской власти, в подкрепление было выслано сравнительно небольшое войско, где А.В. Ногаев-Ромодановский числился вторым воеводой сторожевого полка. В 1550 году он был поставлен наместником в «украинном» Плёсе, а уже в апреле 1551-го снят для очередного похода, связанного со строительством г. Свияжска, где состоял в полку левой руки опять-таки вторым воеводой при боярине Г.В. Морозове⁹⁷.

Определить место и время жизни князя в Плёсе помогли неплохо сохранившиеся остатки дома и, главное, найденный там кошелёк с серебряными монетами. Деньги были, скорее всего, казённые: они могли быть доставлены наместнику на нужды, связанные с содержанием крепости, и спрятаны в сундук перед спешным отъездом Ногаева-Ромодановского на строительство Свияжска. Так или иначе, когда дом внезапно сгорел, большая по тем временам сумма

в 4,5 рубля почему-то оказалась не востребована, не найдена при разборе пожарища. Анализ монет помог определить дату формирования «клала» ⁹⁸.

Жилище 1550—1551 годов было большим и просторным, с верхним этажом для хозяев и нижним для прислуги. Ширина постройки составляла около 6 м, длина несколько превосходила ширину; узнать более точно не позволили степень сохранности сруба и, как обычно, отсутствие фундамента. Основной, верхний жилой уровень дома обогревался большой печью, сооружённой на традиционном деревянном срубном опечке, но уже с применением кирпича (из него с начала XVI в. выстилались ровные печные поды): «Печки у тебя биты глинены, а подики кирпичные» О солидных размерах отопительного сооружения можно судить по параметрам опечка (в длину от 3 до 3,5 м). Между печью и юго-восточной стеной располагалась чуть менее длинная лежанка. Рядом стоял объёмный сундук с одеждой, некоторыми сбережениями и всякого рода женскими швейно-вышивальными принадлежностями; в сундуке же, под одеждой и под общим замком, хранился тот самый казённый кошелёк с деньгами

Дневной свет в княжеское жилище проникал через большое слюдяное окно (или окна) северо-восточной стены. К середине столетия как в центральную часть, так и — в чём можно убедиться — на «казанскую украину» Московского государства началось массовое поступление слюды из открытых месторождений Карельской Чупы. Тем же прозрачным материалом, например, были «застеклены» окна знаменитого собора Василия Блаженного (храма Покрова на Рву). Блестящие чешуйки слюды в Плёсе отмечены не только среди остатков наместнического, но и ещё одного дома, в соседнем осадном дворе¹⁰⁰.

На нижнем уровне (под жильём хозяев) проживала прислуга. Здесь имелись, видимо, наглухо закрывавшиеся окна, размещалась простая каменно-глиняная печь, пригодная для обогрева помещения и приготовления пищи. Для продуктовых запасов был предназначен погреб с деревянным полом и облицовкой стен; внутри его мог быть оборудован ледник. Впечатляет большое количество и разнообразие керамической посуды, обломки которой собраны в заполнении погреба и над ним, среди остатков собственно жилища: это горшки для приготовления пищи и более крупные тарные, для хранения запасов, корчаги, миски и чаши, крышки и тарели. Посуда собственно татарского производства здесь не отмечена, а вот кувшины прочно вошли в обиход и производились в русских мастерских.

О членах княжеской семьи, совмещая археологические и письменные данные, мы можем сообщить следующее. Князь Андрей Васильевич Ногаев-Ромодановский выехал по месту службы, на «казанскую украину», из Москвы, привезя с собой в Плёс семью и домашний скарб (включая посуду московского и подмосковного производства). Он был небогатым, но рачительным хозяином, и в его погребе на ближайшую зиму хранился большой запас продовольствия (о чём опять-таки свидетельствует посуда, тарные горшки и корчаги). Кроме того, он рассчитывал на пополнение запасов трудами слуг и, зная, что будет жить на большой реке, обзавёлся различными рыболовными снастями (найдены грузы для сети и крючок для уды или донки). В семье было также всё необходимое для обязательных в статусе её главы пиров, больших застолий, о чём свидетельствуют столовый нож и разнообразная парадная посуда: зелёной поливы, красного, коричневого и чёрного лощения и, разумеется, кувшины и чаши для возлияний. У воина и воеводы имелось всё необходимое для ратных дел, но за своё недолгое пребывание он оставил нам (потерял) наконечник стрелы, пищальную пулю да подкову от сапога.

Гораздо больше вещей сохранилось на пожарище после супруги наместника. Она была не менее рачительна и аккуратна, как подобает хозяйке не очень богатого дома. Серьги её не золотые и не серебряные, а самые распространённые в те времена бронзовые, «в виде знака вопроса» и, вероятно, с напускной жемчужиной (камень-самоцвет не растворился бы в кислой почве), – но серьги были позолочены! Одна из найденных пуговиц сравнительно дорогая, сканая, серебряная, другая – свинцово-оловянная, но рассчитанная на нарядную обтяжку. Материалом для обтяжки служили обрезки дорогих тканей, и они наверняка были в запасах женщины. В том же сундуке хранилась не железная, а медная (нержавеющая) швейная игла. Там же найдены две монеты, а также монетовидная подвеска (такие не использовались в русском костюме, но были популярны у татарских и марийских женщин). Одним из свидетельств внезапного пожара стала крупная бусина синего стекла: она перекалилась в огне и рассыпалась в ходе археологической расчистки. В раскопе были найдены и украшения не от княжеского убора, принадлежавшие, видимо, женщине из прислуги. Это ещё одна бусина, сделанная из рыбьего позвонка, а также бронзовое, без золочения, височное кольцо с древнерусской (финской) символикой.

В семье наместника было как минимум двое детей, мальчики Афанасий и Василий. Из письменных источников известно, что они

выросли, но почти одновременно скончались от чумы; рано умер и

успевший родиться внук. Безусловно, оба сына провели какое-то

время с родителями в Плёсе; младший, вероятно, с младенчества.

В доме, где они жили, найдена глиняная игрушка для малыша (погре-

мушка). А вот три фрагмента глиняных скульптурок животных, в

частности лошадки, могли быть совсем не игрушками, а календар-

ными ритуальными атрибутами, что было в обычае Руси. Правила,

связанные с календарными праздниками и народной магией, в семье

соблюдались, иначе как могли бы оказаться в домашнем подвале

глиняная лепёшечка-«хлебец» (такие известны ещё в древностях

кого князя Московского в Плёсе и одним из последних побывавших

в Плёсской крепости воевод. Во второй половине XVI века надоб-

ность в крепости отпала, и она прекратила своё существование. Но

Ногаевы-Ромодановские были отнюдь не последними обитателями

Плёса с восточными родовыми корнями. Как и в других населённых

пунктах Ивановского края, некоторые татары здесь оседали прочно

и надолго, чему способствовали многовековые непрерывающиеся

торговые связи. Когда-то, в булгарские времена, в наши края стало

поступать из Среднего Поволжья зерно; в XVII веке подвоз его через

волжские порты вряд ли прекратился. А с начала XIX века Плёс

стал главным портом, через который поставлялся хлеб для бурно

растущего Иваново-Шуйского промышленного района. В рамках

большого объединённого государства контакты регионов только

усиливались, причём во всех сферах. Плёс столетней давности знал

приезжавших сюда художников В.Н. Бакшеева и М.Н. Елгаштину.

Его жители с уважением относились к династии предпринимателей

Бакакиных, чья знаменитая чайная была одним из центров притяже-

ния местной общественности, своего рода клубом и, между прочим,

местом работы плёсского Общества трезвости. И до конца жизни к

плёсским археологическим древностям проявляла живой интерес

наша современница М.А. Сабурова, археолог, один из лучших знато-

ков древних костюмов, прямой потомок строителя Плёсской крепо-

Князь Андрей Васильевич стал последним наместником вели-

домонгольских финнов и булгар), а также череп лошади.

¹ Татары. М., 2017. С. 94.

- ⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. // Русские летописи. Рязань, 2001. Том десятый. С. 304.
- ⁵ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. М., 2002. С. 262-265.
- ⁶ Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 534.
- 7 Типографская летопись. // Русские летописи. Рязань, 2001. Том девятый. С. 130.
- ⁸ Несмиян О.А., Несмиян В.Г., Марков Д.С. Этапы освоения склона правого берега реки Шохонки в юго-восточной части Плёса (по материалам археологических исследований). // АВСЗ. М., 2016. Выпуск 6. С. 180-182.
- ⁹ Комаров К.И. Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь. // Археология Верхнего Поволжья. М., 2006. С. 23, 34.
- ¹⁰ Повесть о разорении Рязани Батыем. Список Хронографа 1599 г. // Воинские повести Древней Руси. М.-Л., 1949.
- $^{11}\;$ Ерофеева Е.Н., Уткин А.В. Курганные могильники близ д. Яришнево на р. Нерль Малая. // АПВКМ. Иваново, 1989. Вып. 2. С. 17.
- ¹² Травкин П.Н. Древнерусские селища Волго-Клязьминского междуречья. // АПВКМ. Иваново, 1991. Вып. 5. С. 21-22.
- ¹³ Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII–XVI веках. С. 32-58.
- 14 Типографская летопись. С.125.
- ¹⁵ Там же. С.130.
- ¹⁶ Тимофеева Т.П. Город Владимир в XIV веке по данным письменных источников. // АВСЗ. М.-СПб., 2011. Выпуск З. С. 73.
- ¹⁷ Типографская летопись. С. 130-132.
- 18 Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 536-537.
- ¹⁹ Там же. С. 357.
- ²⁰ Типографская летопись. С. 134.
- ²¹ Владимирский летописец. // ПСРЛ. М., 1965. Том 30. С. 103.
- 22 Типографская летопись. С. 143.
- 23 Историко-географический атлас Ивановской области. Иваново, 2007. С. 38-39.
- ²⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 162. (Здесь же отметим, что Ипатьевский монастырь в дальнейшем был усыпальницей потомков Чета. Среди них родители крупного военачальника и вотчинника Семёна Дмитриевича Пешкова-Сабурова, о чём он сообщает в завещании от 1552 г.). // Смирнов Л.П. Плёс. К истории города. 1986. Архив ПГИАХМЗ. Фонд № 10, опись 12. С. 53.
- ²⁵ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 56-57. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 334.
- ²⁶ Большая русская биографическая энциклопедия. 2008 г. Электронный ресурс.
- ²⁷ Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись XVII века из собрания Государственного Исторического музея. М., 1980. Архангелогородский летописец. // ПСРЛ. Л., 1982. Том 37. С. 77.
- ²⁸ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 78-89.
- ²⁹ Слово «бутурля» русское диалектное, восходящее к тюркскому «шуметь», «жужжать».
- ³⁰ Травкин П.Н. Плёс и Плёсская волость в XV–XVI вв. // Иваново-Вознесенский край: история и современность. Материалы II областной краеведческой конференции. Иваново, 1992. С. 18-19.
- ³¹ Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII–XVI веках. С. 60-96.

² Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 533-536.

³ Татары. С. 96.

207

2010. C. 124.

- ⁵⁰ Одним из свидетельств служит документ времён Ополчения 1612 г. о передаче «черкасам» земель в Опольском стане на р. Ухтохме. // Памятники деловой
- ⁵¹ Материалы для истории Владимирской губернии. Владимир, 1904. Вып. III. С. 201. Кабанов А.Ю., Семененко А.М. Ивановский край в Смутное время. Ив.,
- ⁵² Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 677-678.

- ³² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. C. 351.
- 33 Такой вотчинный монастырь мог быть для его основателя и содержателя своеобразной родовой «твердью», где хранились семейная документация, финансы (пенности), всякого рода запасы, где находились могилы предков. Впоследствии, в новых условиях службы централизованной власти, подобные монастыри получали содержание (ругу) от государства. (Аналог – Тихоновский монастырь, основанный выходцем из Литвы князем Бельским в отведённых ему Лухских
- Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельнев. C. 168.
- ³⁵ Плетнёва С.А. Хазары. С. 59.
- ³⁶ Выкуп сравнительно небольшой, если учесть, что ежеголная дань с Руси составляла 7 тыс. руб. (да и ту Василий Дмитриевич не платил 13 лет). // Травкин П.Н. Плёс, 1410. Записки археолога. Иваново, 2017. С. 9-20.
- ³⁷ Лощиц Ю.М. Дмитрий Донской. М., 1980. С. 12-14.
- Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельнев. С. 168. Земские пожалования в Московском государстве при царе Владиславе (1610–1611 гг.), М., 1911. Борисов В.А. Собрание материалов (трудов) в трёх томах. Иваново, 2002. Том первый. С. 365. С. 18.
- ³⁹ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 5.
- 40 Там же. С. 10-11.
- 41 Чернецов А.В., Беляев Л.А. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы. // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. М., 1999. С. 213.
- 42 Повесть книги сея от прежних лет. // Русское историческое повествование XVI-XVII веков. М., 1984. С. 108, 146-147.
- Таким именем она названа в важнейшем государственном документе: царской Луховной грамоте. Имя Мария могло быть ей дано как первое (до крешения). Оно было популярным как у коренных русских, так и у служилых татар, поскольку и в священной книге Коран о Марии (Марьям) сказано как о «возвышенной над женщинами миров». // Священный Коран. Смысловой перевод на русский язык. Медина. Саудовская Аравия. С. 64-65.
- Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. № 100: Берсенёвы.
- ⁴⁵ Владимир Борисов. Собрание трудов (материалов) в трёх томах. Иваново, 2004. Том 3. С. 188-189.
- 46 Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. C. 152-153, 191.
- ⁴⁷ Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 170-171.
- 48 Духовные и договорные грамоты... С. 435.
- 49 Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1991. Том 2. С. 223.
- письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. С. 6-13.

⁵⁵ Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974. С. 40. ⁵⁶ Ислам в Пентрально-Европейской части России. С. 354. 57 Верхнее Поводжье от Ярославдя до Нижнего Новгорода и воджское пароход-

⁵³ Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань,

⁵⁴ Лихачёв Н.П. Сборник актов, собранных в библиотеках и архивах. СПб., 1995.

- ство. Под ред. Н.Н. Бехтерева. СПб., 1913. С. 22-23. 58 Любюк Евг. Юрьевенкий посал в конце XVI столетия. Иваново-Вознесенск. 1928. C. 14.
- 59 Львовская летопись. // Русские летописи. Рязань, 1999. Том пятый. С. 102.
- 60 Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России. // Отечественная история. М., 1996. № 3. C. 97-98.
- 61 Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 153.
- 62 Львовская летопись. // Русские летописи. Рязань, 1999. С. 336.
- ⁶³ Инока Фомы «Слово похвальное». // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. C. 328.
- 64 Львовская летопись. С. 472.

1992. №№ 150 и 178 перечня.

- 65 Экземплярский А.В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период... Спб., 1991. Том 2.
- 66 Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. С. 270.
- 67 Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Кострома, 1901. Том І. Вып. І.
- 68 Зимин А.А. Наместническое управление в русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 284.
- 69 Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси. СПб., 1857. Борисов В.А. Собрание материалов (трудов) в трёх томах. Том первый. С. 365.
- 70 Бой в 1540 г. состоялся именно в Солдоге, у песчаной отмели (плеси), а не в г. Плёсе, где наличие церкви св. Пятницы никакими сведениями не подтверждается и где отмели не песчаные, а каменистые. Причём сражение, вероятно, было одно, а не два на одном и том же месте с перерывом в год, как полагает А.Ю. Кабанов, Приводимые им же сведения, на наш взгляд, как раз и вносят ясность в разнобой летописных известий. В качестве примера привелём одну из записей, под 1440 г.: «приходили татарове казанские к Мурому и Костроме, и учинися бой пониже Костромы у Пятницы святы на плеси». // Кабанов А.Ю. Город Плёс и его окрестности в XV-XVII вв. // Плёс: прошлое, реальность, будущее... Сборник статей и тезисов докладов областной научно-практической конференции. Иваново, 2010. С. 19. Вологодско-Пермская летопись. // ПСРЛ. Л.-М., 1959. Том 26. С. 324.
- 71 Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к истории г. Шуи и его окрестностей. М., 1853. С. 247.
- ⁷² Кабанов А.Ю., Семененко А.М. Ивановский край в Смутное время. С. 209.
- 73 Филиппова Е. Забытое сословие: потомки Краснослепа Каблуковы. // газ. «Наше слово». 19.08.21.
- ⁷⁴ Кабанов А.Ю., Семененко А.М. Ивановский край в Смутное время. С. 209-211.
- ⁷⁵ Костромская старина. Кострома, 1892. Выпуск второй.
- ⁷⁶ Кабанов А.Ю., Семененко А.М. Ивановский край в Смутное время. С. 63.

П.Н. ТРАВКИН 🐧 ТАТАРЫ В ИВАНОВСКОМ КРАЕ: МОСТЫ ДАЛЁКОГО ПРОШЛОГО

- ⁷⁷ Там же. С. 177-182.
- ⁷⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.-Л., 1950. С. 63. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 144, 177, 213. Якушкин Г.Р. Описание села Южа в писцовых и переписных книгах XVII века. // Пожарский юбилейный сборник. Иваново – Южа, 2006. С. 26. Фролов Н.В., Фролова Э.В. Южа как помешичье владение в XVII–XIX веках. // Там же. С. 37.
- ⁷⁹ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ... С. 352. Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. № 87 перечня.
- Зимин Л.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 315. Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. № 467 перечня.
- 81 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 785і. Л. 292об. 294.
- 82 Несмиян О.А., Уткин А.В. Древнерусская актовая печать с верховьев Тезы. // ABC3. М., 2016. Вып. 6. С. 290-291.
- ⁸³ Татарский мир. Казань, 2020. С. 38.
- Владимир Борисов. Собрание трудов (материалов) в трёх томах. Том 2. С. 101-104, 298-300, 305-306.
- 85 Памятники деловой письменности XVII века. С. 180-185.
- Владимир Борисов. Собрание трудов (материалов) в трёх томах. Том 2. С. 66-67,
- ⁸⁷ Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII–XVI веках. С. 59-96.
- 88 Там же. Рис. 33.
- 89 Там же. Рис. 51.8-9.
- 90 Травкин П.Н. Образ ящера в плёсских древностях. // Материалы научной конференции «VI Плёсские чтения, 1996», Плёс, 2001.
- 91 Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. M., 1991. C. 108-110.
- ⁹² Травкин П.Н. Плёс, 1410. С. 52-73.
- 93 Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII–XVI веках. С. 100-101.
- 94 Смиднов Л.П. Плёс. К истории города, 1986 г. // Архив Плёсского музея-заповедника. Фонд № 10, опись № 12. С. 56.
- 95 Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII-XVI веках. *Puc.* 76.1.
- 96 Лакиер А.Б. Русская геральдика. С. 332.
- 97 Мирное, по челобитью, присоединение Чувашии к Российскому государству. // Чувашская республика. Официальный портал органов власти. https://gov.cap. ru/sitemap.aspx?id=1540369&gov id=49
- Травкин П.Н. Скопление монет XVI века из Плёсской крепости. // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 1999.
- 99 Былина «Дюк Степанович». // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938. С. 18.
- ¹⁰⁰ Травкин П.Н. Жилище плёсского осадного двора. // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 2015. Выпуск IV.

210

ачиная с эпохи камня древнее население Ивановского **—** края вступало в разного рода контакты с ближними и дальними народами, включало в свои сообщества иноземцев, воспринимало позитивные сторонние новшества и, разумеется, знакомилось с новыми для себя представлениями об устройстве макрокосма.

Заходившие в леса из степей в І тысячелетии н.э. группы кочевых народов являлись носителями тюркского тенгрианства, которое хотя и в недостаточно изученных на сегодняшний день формах, но позитивно воспринималось на фоне происходивших в регионе социальных и экономических изменений (расслоение общества, зачин «военной демократии», усиление роли скотоводства, начало товарного производства, включение в активную международную торговлю и т.д.). На рубеже тысячелетий состоялось знакомство с авраамическими религиями, и первая реакция населения края на любую из них была одинаковой: отторжение, хотя и не агрессивное, поскольку исконное многобожие с его племенной вариативностью заведомо предполагало веротерпимость.

Дальнейший ход истории расставил приоритеты. Ислам, носители которого из Волжской Булгарии всё чаще появлялись в Верхневолжье, в отличие от христианства не утвердился на Руси в качестве государственной религии. Но в домонгольскую эпоху, на фоне активнейших торговых связей (особенно с принявшей ислам Булгарией), он воспринимался населением нашего региона без вражды, а в дальнейшем (по мере расселения здесь служилых татар) получил право на существование в небольших мусульманских общинах и отдельных семьях. В конечном итоге, мусульманская конфессия стала у нас второй по численности после христианской.

Волжская Булгария была первым влиятельным проводником идей ислама в регионе. Её же знакомство с новой религией состоялось с укреплением регулярных торгово-экономических отношений со странами Востока и вхождением в качестве самостоятельного игрока в систему Великого Волжского торгового пути. Благодаря Булгарии мусульманские торговцы получили доступ к северным

товарам в обход Хазарии; наладилась прямая связь Средней Волги со странами Средней Азии – Хорезмом и державой Саманидов, в которых, пытаясь освободиться от хазарской зависимости, булгары нашли и сильных военных союзников.

Глава объединённых племён Волжской Булгарии Алмыш обратился к правящим в Багдаде Аббасидам с просьбой о помощи против хазар, а также о содействии в официальном учреждении ислама в его владениях. Знаком признания нового, самого северного опорного центра ислама стало знаменитое посольство 922 года, отправленное багдадским халифом Аль-Муктадиром. Его подробно описал секретарь посольства Ахмад ибн ал-Аббас ибн Фадлан, который был знатным и авторитетным представителем мусульманского мира (судя по имени, имел отношение к правящей династии). В решении дипломатических вопросов он оказался на высоте и провозгласил «малика» Алмыша правителем исламского государства под именем Джафар ибн Абдаллах. Известно, правда, что новая официальная религия прививалась на полготовленной почве.

К 922 году в Булгарии уже существовали мусульманские общины. Веру в Аллаха исповедовали правитель Алмыш (в письме

Средневековый список рукописи Ибн Фадлана

к халифу Багдада от 921 года он подписался мусульманским именем «ал-Хасан»), а также его дочь и приближённые; при ставке имелись муллы и муэдзин. В разных селениях существовали деревянные мечети «и начальные училища с муэдзинами и имамами». Но «багдадское посольство сыграло определяющую роль в дипломатическом признании Булгарии как мусульманской страны, дало мощный импульс к распространению ислама в среде булгар и открыло для цивилизованного мира огромную страну, раздвинуло мусульманскую ойкумену до Средней Волги»¹. Новое же волжское государство получило доступ к накопленному мусульманским миром опыту в области ремёсел, художеств, строительства и торговли, через новую письменность — к наукам и литературе, его культура всё больше стала походить на культуру исламских стран.

Фарид Валиуллин. Принятие ислама Волжской Булгарией

Первые знаки ислама в регионе

Источники свидетельствуют, что для распространения новой государственной религии Алмыш-Джафар прибегал порой к жёстким мерам, угрожая «поразить мечом» стремящихся сохранить само-

стоятельность в рамках государства племенных вождей. Разумеется, ни на что подобное он и его наследники не могли бы решиться в отношении своего сильнейшего соседа, Руси, хотя в летописи отмечены мирные попытки предложения альтернативы христианству. Население верхневолжских земель знакомилось с исламом исподволь, не испытывая никакого давления и никакой, пусть даже ненавязчивой, но целенаправленной агитации (во всяком случае, нам такие попытки неизвестны). Знакомство происходило почти полностью в рамках торговых и постепенно развивающихся культурных связей – об их начале нами подробно рассказано в первой и второй главах книги.

Известно, что лучшим проводником, ключом доступа к культурным ценностям и техническим новшествам для Булгара стало принятие и распространение письменности исламского мира. Однако арабское письмо с его округлыми буквами оказалось совершенно не подходящим для заострённого писала и бересты, в отличие от похожих между собой тюркских и верхневолжских рун, а затем и от «угловатой» кириллицы, восходящей к более древним руническим знакам. Но, получая в обмен на пушнину и лён серебряные дирхемы, любознательные северные купцы, безусловно, интересовались смыслом надписей у своих торговых партнёров. Арабские и булгарские монеты, на которых было начертано имя Аллаха, стали первыми для региона фиксированными носителями информации об исламе. В дальнейшем, когда после монгольского нашествия вновь стала чеканиться теперь уже ордынская монета, на ней также часто провозглашался символ исламской веры. В нашем крае, в силу его расположения, возобновление монетной чеканки ознаменовалось появлением сначала не русских княжеских, а ханских денег. Вышеупомянутая монета Джанибека, найденная в Родниковском районе, была отчеканена раньше, чем первые монеты Дмитрия Донского. И в дальнейшем, в XV столетии, здесь, на «казанской украине», были в ходу деньги разной чеканки, с русской и ордынской символикой (и по-прежнему для оценки этого мерного серебра использовались весы) (рис. 109).

Интересна, в связи с данным обстоятельством, одна из археологических находок, сделанных в Плёсской крепости. Монета имела признаки восточных надписей по обеим сторонам, но, изучив её, известный археолог, специалист в области нумизматики П.Г. Гайдуков пришёл к выводу, что она является не отчеканенной на Востоке денгой, а русским подражанием золотоордынской монете, или, иными словами, подделкой, хотя изготовлена, как оригиналы, из серебра

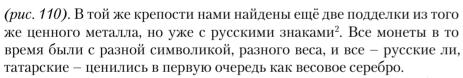

Рис. 109. Восточная монета из раскопов Плёсской крепости

Простое население нашего региона не интересовали арабские письмена на восточных монетах. Так, целые круглые дирхемы домонгольского периода (а равно и западноевропейские денарии) широко использовались в финских (русских) женских костюмах в качестве подвесок, изображавших солнце: важна была именно форма. А в ходе торговых операций, невзирая на религиозную символику, восточный дирхем могли смять, разломить, обрезать для достижения нужного веса серебра (рис. 31.1). Но содержание надписей на монетах стало актуальным в политической сфере и даже приобрело особое значение в годы формирования русской монетной системы в конце XIV – начале XV века.

Деньги на Руси становились сильным средством государственной пропаганды. Ордынские ханы требовали при чеканке монет указывать зависимость от них, причём зачастую отдавая приоритет своему имени, а не имени Аллаха (сравним с домонгольскими дирхемами). Так появлялись монеты, на одной стороне которых, напри-

Puc. 110. Русское подражание золотоордынской монете. Плёсская крепость, XV в.

Puc. 111. Монеты с символикой Суздальско-Нижегородского княжества и подражанием арабскому письму. Плёсская крепость, нач. XV в.

мер, по-русски писалось имя великого князя Дмитрия Донского, а на другой по-арабски имя Тохтамыша с титулом «султан». Иногда добавлялось: «Да продлится его царствие». Символ зависимости от Орды имелся и на монетах других князей, в чём можно убедиться на примере монетных коллекций из раскопок Плёса и других древних городов (рис. 111). Но постепенно даже арабские надписи на русских деньгах становились инструментом большой политической игры. Порой изображение делалось нечётким и неразборчивым, иногда (на деньгах Василия Дмитриевича) это были просто подражания арабским буквам, причём буквам с древних дирхемов, где упоминалось имя Аллаха и не было никакого Тохтамыша. Василий Дмитриевич затем пошёл ещё дальше: в год своего приезда в Орду к хану Джелал-ад-Дину он повелел отчеканить партию монет с арабской надписью «Хорезм» и датой: 815 год хиджры. В данном случае обозначался не центр чеканки ордынской монеты, а город, где в указанном году Джелал-ад-Дин потерпел военное поражение. И, наконец, ярчайшим примером того, как пришедшее с исламом письмо пригодилось в русском государственном строительстве, стали монеты, где арабскими буквами было написано имя князя Ивана III Великого и обозначено: денга московская³. Это могли прочесть как чиновники, знающие

татарский язык, так и, например, наши «ивановские» татары, состоявшие на русской военной службе.

Не сомневаясь в стремлении великокняжеской власти к самостоятельности, мы должны заметить, что Золотая Орда, превращаясь в мусульманский султанат, выпуском своих денег подтолкнула князей к восстановлению давно утерянных навыков чеканки столь значимых государственных символов. Не забудем и то, что из исламского мира пришли и закрепились не забытые до сих пор понятия «деньга» и «алтын». Да и медные деньги – «пулы», московские ли, тверские, пришли к нам из того же мира.

С конца Х века, когда прочно выстроилась система Великого Волжского пути, Булгария стала для нашего региона главным посредником в общении с исламским миром. С принятием ислама она была полноправной составляющей этого мира, хоть и находилась далеко от его культурных центров. Но голос Всевышнего «легко доносился от Балха до Билгара», как писал древний философ и проповедник Насир-и Хосров, а с ним приходил мощный поток культурных и научных ценностей и, разумеется, прекрасных товаров, в которых отразилась передовая техническая мысль стран Востока.

Наглядным примером использования восточных технологий вновь назовём развитие производства стеклянных изделий на Руси, мощный толчок которому дали прибывающие по Волжскому пути грузы цветного стекла (в основном бус и посуды) из стран арабского мира. Уже в домонгольский период из Верхневолжского региона пошёл обратный – в Булгарию – поток недорогих, массового производства, браслетов и бус, о чём было сказано выше (рис. 56).

Но даже рассматривая, казалось бы, вопросы сугубо деловых отношений, мы видим повод вернуться напрямую к теме знакомства региона с исламом. Исследуя мерянские курганы, А.С. Уваров упомянул среди находок «привеску в виде полумесяца из голубого стекла», найденную в захоронении близ д. Старовой на берегу р. Нерли⁴. В восточных странах этот символ («лунница» тюрок или финнов) трактовался в духе исламской традиции, о чём могли поведать покупателям продавцы-мусульмане. Ещё проще объяснению поддавались перстни со стеклянными или каменными вставками и выгравированным на них именем Всевышнего или, например, представленный в суздальских раннесредневековых древностях сосуд с надписью «Аллах – опора». По мнению М.В. Седовой, этот поливной полихромный кувшин был иранского или переднеазиатского происxождения 5 .

Язык, письменность, литература

В пределах Ивановской области, если не в домонгольский период, то в последующие времена, арабское письмо не могло не иметь хотя бы небольшого, локального распространения – именно там, где было зримо присутствие служилых татар с их небольшими общинами. Письменные памятники подобного рода, к сожалению, не сохранились, но трудно представить себе жизнь религиозной общины без священных книг. Главными обитателями Плёсской крепости в XIV-XV веках, судя по археологическим источникам, были служилые татары (булгары) из полка клана Зерновых-Сабуровых. И здесь среди находок фигурируют средневековые книжные застёжки. Нельзя априори полагать, что все они были от православных богодуховных книг: таким же способом могла запираться и священная книга Коран, столь необходимая на месте сосредоточения выходцев из давно принявших ислам булгарских земель.

Как заметил в своё время Д.С. Лихачёв, жители Руси-России в доме держали больше книг, полезных в быту, исторических повествований или даже текстов общефилософского содержания, нежели религиозных. Книги были преимущественно переводные, причём не раз переведённые с одного языка на другой, не минуя исламские страны. Известно, например, что сочинения Аристотеля и Клавдия Птолемея, прежде чем стать достоянием культуры европейского Ренессанса, были переведены на арабский, а уже затем, спустя несколько веков, с арабского на латынь. И, разумеется, благодаря переводам Европа ознакомилась с научной мыслью Востока, в частности с трудами Авиценны. Прямым переводом с арабского оказалась и одна из сохранившихся русских гадальных книг XVI века («от персидских мудрецов»); у еретиков-«жидовствующих» получил распространение целый блок литературы восточного происхождения.

Какими-то извилистыми, а то и тайными путями переводная литература приходила в наши края. Образцом может служить сохранившийся в г. Шуе письменный памятник XVII столетия – «Лечебник», точнее, один из его списков, рукописная книга, которую бережно сохранили поколения жителей старинного города. Несмотря на риск быть обвинёнными в колдовстве, многие горожане средневековой Руси хранили у себя подобные сборники медицинских рецептов, запрещённые церковью. Разумеется, в полном соответствии с эпохой сборники содержали не только сугубо медицинские, но и мистические сведения, дававшие, однако, в определённых обстоятельствах

вполне ощутимый психотерапевтический эффект. К числу таковых относятся представления о волшебных свойствах камней, тех самых самоцветов, что шли в наши края с Востока. Вместе с камнями, надо полагать, приходили оттуда и взгляды на их волшебные свойства.

«Камень алмаз, аще воинь носит на главе или на левой стране во оружие, и той бывает опасень и сохранень от сопостат и от всякия свары, и от нахождения нечистыхь духовь».

«О берюзе. А коли человекъ с коня спадетъ, тот камень сохраняетъ его от расшибения... Носящему его весельство наводитъ. Аще кто его носит при себе, не может бытии тот человек убит, понеже никогда не видали его на убитом человеке»⁶.

Без всякой иронии можно утверждать, что подобного рода амулеты укрепляли дух воинов, обитателей Плёсской, Шуйской или Кинешемской крепостей Ивановского края, в не меньшей мере, чем складни с волшебной «начинкой», кремнёвые «громовые стрелки» или воинские заговоры. При этом сыны Востока поминали имя Аллаха, православные — чаще всего Богородицы или святого покровителя. Смешение разного рода религиозной символики наглядно демонстрировал в своих записях путешественник, писатель и тверской купец Афанасий Никитин. И, попутно заметим, не он один постигал премудрости восточных языков.

Для Средневековья не являлось чем-то необычным, если человек говорил на языке общегосударственном, но при этом знал свой исконный язык и понимал речь иноплеменных соседей. Известно, что Иван IV, будучи малолетним, приветствовал астраханскую царицу на татарском языке; довольно хорошо знали этот язык русские купцы-сурожане, торговавшие с Византией, городами Италии, а затем и Турцией через порт Сурож в Крыму. В эпоху теснейших связей с Ордой многие участвовали в международной переписке. Русские жители того же Плёса и окрестностей (где столько деревень сохранили тюркские названия) находились в услужении или в войске «испомещённых» воинов-татар. В свою очередь, эти воинымусульмане не могли не усваивать русской речи и письма, кто постепенно, а кто и с детства, родившись уже в наших землях.

Примечательна в этом отношении одна из найденных в Москве берестяных грамот начала XV века (составленная, вероятно, позднее 1410 г., вопреки предполагаемой стратиграфической дате). Она написана кириллицей, но является завещанием татарина Турабея. Хозяин, что интересно, имел владения в Суздальских землях (село Турабьево и др.) и своих «суздальских» лошадей, согласно грамоте, отдавал на попечение некоему Кощею (от тюркского «невольник»), «человеку

посельского» (управляющего селом). Велик соблазн увидеть в нём «Кощея из Шухомаша», который был свидетелем духовной грамоты сидевшего в осаде «плёсского татарина» Осипа Окинфова. Ко времени составления духовной (1458 г.) молодой слуга, видимо, вырос в статусе, стал землевладельцем и был удостоен доверия Осипа, представителя известной фамилии, чьё село стало вскоре центром Есиплевской волости.

Перекличка мифов и символов

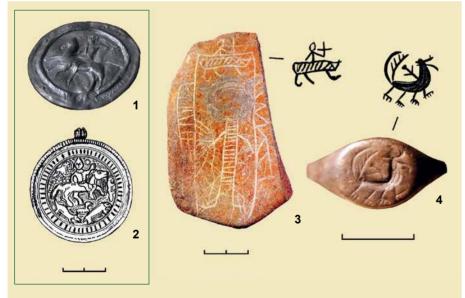
Благодаря арабскому письму сохранились и стали доступными для ознакомления элементы восточной народной культуры, мифологии древних тюрков, которая, если присмотреться, во многом перекликается с русской. Древнее мировоззрение, разумеется, существовало не в отрыве от внешней среды и, в свою очередь, служило живым художественным дополнением к исламской истории и картине мира. Среди сюжетов булгарского фольклора на протяжении длительного времени прослеживаются образы великанов-богатырей (алыпов). Рассказы об Алыпе слышал Ибн Фадлан, причём не только в своём знаменитом путешествии к булгарам, но и в исламском Багдаде. Об этих богатырях писали другие арабские путешественники; исследователи видят в таких рассказах осколки эпоса, где, как замечает Г. Давлетшин, угадывается образ батыра Алпамыша, популярного среди тюрок от предгорий Алтая до Средней Волги и Малой Азии⁷. А в сочинении ал-Гарнати в одном из рассказов, связанных с принятием веры, описывается следующий сюжет: в отместку за поворот Булгарии к исламу хазарский правитель пришёл с большим войском, но был побеждён. Одержать же победу булгарам помогли чудесным образом появившиеся всадники-великаны на серых конях. «Эти мужи — войско Аллаха, великого и славного», — писал Абу Хамид ал-Гарнати, ссылаясь на богослова из Багдада⁸.

Нет смысла здесь перечислять примеры рассказов о великанах и богатырях в русских былинах, сказках и устном народном творчестве. Но разнообразные сюжеты, повторяем, складывались как из местных древнейших мифологем, так и из внешних включений. Ивановская область в эпоху развитого Средневековья, как мы ранее отмечали, представляла собой своего рода «плавильный котёл» культур, куда вливались потоки с Востока и Запада. Местные и восточные сюжеты дополнялись рассказами пришедших на службу литовцев и приве-

Y 219

дённых «людей польского полону». И, как итог, наряду с восточными мотивами в былинах Кирши Данилова дошли до наших дней заботливо собранные В.А. Смирновым легенды о богатырях-волотах западнославянских земель.

Любопытные метаморфозы, контуры которых пока ещё только намечаются на фоне скудности источников, происходили с образом богатыря и даже бога-всадника, пришедшего в наш регион из тюркского мира. Имеется в виду Тенгри-хан, память о котором у татар жива по сей день. В ранних изображениях фигура бога-всадника сопровождается, как правило, окружающими её знаками солнца (рис. 112.1). Но со сменой географии от степи к лесу композиция претерпевает существенные изменения. Культ всадника перенимается лесными жителями, финскими народами, от переселявшихся к ним кочевников, угров и древнейших булгар. Но и последние, в свою очередь, сочли за благо признать местные божественные силы, адаптироваться к местной мифологической картине мира. А в результате стали появляться изображения бога-всадника в окружении почитаемых зооморфных символов: птицы как символа Верха (наряду

Puc. 112. Мифологические персонажи-всадники: 1 – из древностей сарматов (II в. до н.э.); 2 – из Пермского края (раннесредневековый могильник Телячий Брод); 3 – из раскопов Плёсского посада (XII – нач. XIII в.); 4 – из раскопов Плёсской крепости (1-я пол. XVI в.)

с солнцем и луной), зверей и водоплавающих, означающих Средний и Нижний миры (рис. 112.2). Композиция ярко и наглядно отражала строение мировой вертикали, где центральным, «стержневым» символом выступает не мировое древо, не столп и не стоящий человек, а – всадник.

Всадника мы видим на не совсем понятном рисунке на одном из найденных на «улице ювелиров» Плёсского раннесредневекового посада гравированных камней (рис. 112.3). В археологических материалах нескольких здешних усадеб, о чём говорилось выше, отмечены довольно многочисленные свидетельства присутствия булгарской культуры. Основную часть плоской поверхности камня занимает фигура, похожая на человека (великана?) и в то же время имеющая признаки дерева (ноги-корни, руки-ветки). Антропоморфный символ мифологического мира не уникален даже на немногочисленных древнерусских гравированных камнях (Рязань, Берестье). Но наш плёсский экземпляр, среди прочего, венчает фигура всадника. Восседающий на коне (или даже олене?), он держит в руке крестообразный знак солнца. Всадник везёт его по небу, чем вызывает ассоциации с известным сказочным персонажем из собрания Афанасьева (и выехал всадник на красном коне...). В то же время у человека Востока, у тюрка эпохи Средневековья, всадник может вызывать прямые ассоциации с небесным всадником, богом Тенгри. Не есть ли это очередной образец адаптации мифологии степей в новом «климате», как сказали бы географы-арабы? А заодно и новое (к вышеизложенным аргументам) весомое доказательство жизни в русском домонгольском городе переселенцев из Булгарии – страны, где не искоренялись, а ещё долго и зримо присутствовали народные формы гармонизации окружающего пространства.

И уж совсем диковинный сюжет, собранный из деталей мифологических картин разных народов, явила нам находка в Плёсской крепости (рис. 112.4). Это перстень из археологического напластования первой половины XVI века с гравированным изображением всадника. Фигура всадника выглядит на первый взгляд необычно, однако сравнение с другими древними изображениями позволяет уверенно трактовать её как мировое древо с солнцем на вершине, то есть в верхней точке суточного пути. И восседает мифологический всадник не на коне, а на драконе. У зверя узнаваемые когтистые лапы, широко раскрытая пасть, но, правда, пушистый волчий или собачий хвост что, в общем, нормально для собирательного образа русского зверя-«коркодила», хозяина подземно-подводного мира⁹. Композиция, безусловно, перекликается с пермскими образцами древнего медного

литья, но, в то же время, может соотноситься с сюжетами укрощения коня, «коня-дракона» — на каком, например, в былине «Алёша Попович» восседает Тугарин Змеевич: «Конь под ним, как лютой зверь, из хайлища пламень пышет, из ушей дым столбом стоит» 10. Сюжет этот нашёл отражение в мифопоэтическом творчестве разных народов, и прежде всего восточных (учитывая местную жизненную специфику).

Своеобразный путь завоевания сердца женщины — «укрощение» невесты. А невеста при этом — богатырша. Древние восточные письменные источники сохранили и такого рода сюжеты, которые, наряду с устными преданиями, благополучно перекочевали в наш фольклор.

Многим тюркским народам, например, хорошо известен эпос «Алпамыш», родиной которого, как считается, была Средняя Азия. Исламская культура, с её толерантностью, с распространением письменности во многом способствовала его сохранению. А с нашим регионом связан не менее известный былинный сборник «древних российских стихотворений», где восточные мотивы прослеживаются весьма отчётливо.

Сборник Кирши Данилова

Он был записан на Урале, но от переселившихся сюда «ивановцев» (преимущественно жителей приволжских городов региона), а в дальнейшем даже стал настольной книгой А.С. Пушкина, отразившего в своих произведениях народное мифопоэтическое творчество. В сборнике есть примечательный сюжет из былины о женитьбе князя Владимира — об отношениях русского богатыря Дуная с Настасьей королевишной. Настасья в народном сказании ни много ни мало дочь короля Золотой Орды Етмануила Етмануиловича! Королевишна поведала Дунаю:

Я у батюшки, сударя, опрошалася, Кто меня побъёт во чистом поле, За того мне, девице, замуж идти.

Дунай оказался сильнее («и горазд он с девицею дратися»), победил, отобрал у богатырши «сбрую всю: куяк и панцырь с кольчугою» и велел ей «наряжатися в простую епанечку белую». В поле они «обручалися, круг ракитова куста венчалися», с тем и поехали к князю Владимиру¹¹.

В этом же сборнике найдём хорошо знакомый на Востоке (и не только) сюжет о девушке с драконом, а также, разумеется, о борьбе богатырей со «змием-драконом». В былине «Три года Добрынюшка стольничал» герой-богатырь нарушил приятные отношения колдуньи Марины со Змеем Горынычем. Змей вышел было против богатыря, но испугался и бросился наутёк, а Марина жестоко поплатилась за злое колдовство. В другой былине богатырь Добрыня переплыл граничную реку и попал в логово Змея Горыныча (здесь наблюдается аллегория путешествия героя в Нижний мир). Змея он победил, гнездо его разорил и освободил пленённую тётушку, вернувшись с драконьими богатствами¹².

В фольклорном сюжете булгар, в фольклоре народов Средней Волги присутствуют похожие мотивы. Недалеко от города в озере живёт чудовищный змей, который каждый год требует новую жертву — девушку (царскую дочь), погружая в глубокое горе всё население... Кстати, у сюжета этого имелась историческая подоплёка: Волжская Булгария была подчинена Хазарии, и до обретения сильного исламского союзника и разгрома хазар русскими князьями булгары не только платили дань, но и посылали кагану дочерей своего правителя. Неслучайно в татарских легендах Хазарский каганат именовался «страной дракона»¹³.

Сборник Кирши Данилова изобилует моментами, связанными с культурой и историей татар, свидетельствуя о воистину впечатляющих, теснейших связях с ними в нашем крае. И, заметим, моменты эти не имеют заведомо негативной окраски, несмотря на, казалось бы, большой печальный счёт былых военных столкновений и разорений. Подобное может случиться лишь при давно сложившемся понятии о татарах не только «злых», но и «своих», не опасных, «наших». Мало того, жизненные обстоятельства в регионе на протяжении XIV–XVII веков сделали невозможным в ряде аспектов вообще разъединить русское и татарское, что наглядно отразилось в былинном сборнике. Здесь герои оцениваются не по национальности, а по человеческим качествам, поведение татар ли, черкасов, русских меряется общими мерками добра и зла: хорошее или плохое, геройское или позорное...

Шурьёв царь дарил, Азвяк Таврулович, Городами стольными: Василья на Плесу, Гордея к Вологде, Ахрамея к Костроме... **Ý**

В былине (скоморошине) вполне уважительно представлен сильный и авторитетный хан, учредитель исламского государства Узбек, который жаловал земли и княжения в сложившихся тогда исторических обстоятельствах. Но вот он устраивает проверку ещё одному шурину, также вполне узнаваемому историческому персонажу, Щелкану: заставляет, в знак покорности, заколоть любимого сына и выпить его кровь. Подобострастный и жадный стяжатель дани выполняет волю хана и получает Тверь, но господствует там недолго: за мерзкое поведение его убивают, по версии сказителя былины, посланники жителей, легендарные братья Борисовичи.

А вот как описана история, приключившаяся с шурином русского царя Ивана Васильевича, Мастрюком Темрюковичем, из рода былых черкасских владельцев села Иванова. По сюжету былины, он вёл себя неподобающе, через царские свадебные столы скакал и хвастался, что готов с любым бороться, на одну ладонь положить и другой раздавить. Те же братья Борисовичи (в основе этих образов князья Нижегородских земель, борцы за независимость от Москвы) одержали победу и, согласно условию, догола раздели богатого щёголя – царского шурина, который от стыда великого полез под крыльцо: «был Мастрюк во всём, стал Мастрюк ни в чём».

Той же полной мерой сказители-скоморохи воздают и русскому «герою», новгородскому дворянину Василию Буслаевичу. Он «мот и пьяница», силён в драках с новгородцами, но боится показаться на глаза залесским мужикам (жителям нашего края). А за свою самонадеянность, в отличие от Мастрюка, Василий поплатился не просто позором — головой, разбив её о священный камень на вершине горы Сорочинской где-то за пределами русского мира, ниже по Волге¹⁴.

В былинах достойно представлены отважные воины, наши земляки, среди которых в первую очередь князья Пожарский и Скопин-Шуйский. Сказители помнят Карамышева и Шереметева, великого князя Василия, который *«веле рубити град Плесо»*. С печалью повествуется о смерти храброго воина Пожарского, по отцу русского, а по матери татарина. И так же сказители воздают дань памяти Михайле Черкашенину, «полевому атаману», род которого ведёт начало от египетских султанов (мусульман). В коротком стихе молодая жена плачет над убитым в походе мужем, в образе которого представлен кто-то из князей Черкасских; а возможно, это собирательный образ достойного дворянина и храброго восточного воина на русской службе¹⁵.

В сборнике немало бытовых штрихов, связанных с восточной культурой. У Дюка Степановича, боярского сына, на луке тетива

«из белого шелку шимаханского» (покупная шёлковая тетива упоминается в одном из документов XVII в. по Шуе), а у Соловья Будимеровича копья мурзамецкие (в связи с отчеством Соловья вспоминается калмыцкий Будимер-мурза, чьё имя является синонимом имени Шеремет, со значением «злой дух»). Казаки на сарацинских коврах играют в тавлеи (русский вариант игры в нарды). Персонажи сказаний носят татарские наряды из восточных тканей (называются саян, сарафан, епанча, персидская шёлковая камка), а волшебный конь просит кормить его «сорочинским зерном» (сарацинским рисом). Не раз упоминаются Казань и Астрахань, Золотая Орда, её правители и военные слуги (мурзы-улановья), «царица Азвяковна», люди Востока – татары, бухары, черкасы. Сборник мог бы иметь и свой словарик ходивших в регионе к концу XVII века татарских слов и выражений, где, например, «ураз молодецкий» (потеха) восходит к тюркскому «счастье, радость» (в мусульманстве так называется Ураза-байрам – праздник разговения после завершения священного месяца рамадана), а *«ярлыки скорописчатые»* следует понимать как документы, выполненные принятой тогда русской скорописью¹⁶.

Если обратиться к другим источникам и даже более древним письменным памятникам, освещающим жизнь нашего региона, вновь можно убедиться, что речь местного населения значительно обогатилась словами из татарского и других языков народов мусульманского Востока. Они со временем стали привычными и даже приобретали подчас более широкий смысл. Примером может служить не раз упоминавшееся выше слово «юрт» (название городского округа, городка). Оно прочно «вписалось» в местное средневековое выражение «сжить с юрту», подразумевавшее от «вытеснить» до «сжить со свету» (с. Воскресенское на р. Ухтохме, 1645 г.). В документе 1622 года по шуйским местам (р. Сальня, приток Тезы ниже г. Шуи) сообщается о приходе людей «с саадаки», то есть с набором вооружения конного лучника¹⁷.

Разумеется, в нашем крае прижились и многие другие слова из татарского языка, широко распространившиеся по Руси: сабля, кирпич, батман, таможня, магарыч, аршин, сабантуй, деньги, колчан, ям, казан, караул, ертаул и проч. А в старейших памятниках по региону, например, привычное ныне «казак» имеет ещё первоначальный смысл: совсем не обязательно военный, а просто лично свободный человек; такому, например, вольно наняться в рабочие на соляной промысел в Холуй. «А которые казаки приходцы, а порядятся за монастырь житии в варницы и в повары и в водоливы или дрова сечь и возити и всякое дело делати, и им ся явити нашим наместником

Y225

226

u o T p o

и волостелем и их тиуном, а имати явки с казака по денге», — так определялся порядок найма рабочих жалованной грамотой Ивана IV Троице-Сергиевому монастырю от 4 октября 1543 года¹⁸. Такого рода примеров можно привести немало, в совокупности это объект отдельного исследования специалистов-филологов.

«Дорожные хлопоты»

Главной базой активных контактов с исламским миром для населения Ивановского края на протяжении столетий оставалась взаимовыгодная торговля. Даже те колоссальные изменения, что последовали с монгольским нашествием, не нарушили функционирования Великого Волжского пути, а наоборот, активизировали его работу. Военная сила Орды была нацелена, среди прочего, на обеспечение безопасности торговли как одного из столпов экономического могущества. Дань, которую Русь платила Орде, частично направлялась на содержание войск, и не только туменов (наиболее крупная тактическая единица монгольского войска, обычно составлявшая 10 тысяч всадников), что вызывались на подмогу русским князьям, но и патрульных отрядов, обеспечивавших спокойствие на водных и пеших маршрутах. Согласно сохранявшей свою силу Ясе Чингисхана (этот свод постановлений о государственной организации Орды нами уже упоминался ранее), незаконное посягательство на купца как со стороны частных лиц, так и местных властей каралось смертью. Международная торговля становилась мощным рычагом подъёма экономики равно для Улуса Джучи и русских княжеств.

Уже в 1263 году послы египетского султана отмечали, что в низовьях Волги «постоянно видны плавающие русские суда» 19. В свою очередь, в русские города, в составе ордынских посольств и вне таковых, прибывали с товарами «бесермены» (читай: мусульмане) из далёких азиатских городов. Часть из них начинала приходить уже не речным, а сухим путём, чему способствовало обустройство дорог помимо «зимников» на замерзающих реках; международная торговля и в наших северных краях постепенно становилась круглогодичной. Одной из древнейших сухопутных дорог региона следует признать Стромынку. Сведения из источников XVI—XVII веков на этот счёт достаточно скудны, однако позволяют связать с этой дорогой маршрут от Гавриловской слободы через Лежново (Лежнево), Шую, Лух на Пучищу (Пучеж) и далее к Нижнему Новгороду, с ответвлением

через Лежново на Плесо. Возможно, обустроенный сухой путь до Плёса существовал и раньше как кратчайшая дорога из Суздаля (а затем и Москвы) к Волге.

Опыт обустройства важных магистралей в некоторых аспектах Русь переняла из стран мусульманского мира (через Орду). На протяжении тысяч километров Великого Шёлкового пути по всей его длине стояли караван-сараи, где купцам предлагались отдых, горячее питание, надёжная охрана товара и возможность ухода за верблюдами и конями. Необходимая структура появилось и на Руси — с постоялыми дворами на расстоянии дневного прогона, с харчевнями, со сменой лошадей и даже предоставлением дорожников-путеводителей, о чём упоминал побывавший в России в первой половине XVI века посол Сигизмунд Герберштейн²⁰. Местные природные условия заставляли благоустраивать и сами дороги: сооружать мосты, гатить болотистые низины, удалять буйную растительность... Всё это делалось в рамках государственной ямской службы, на содержание которой с населения взимался особый налог. Старейшим документом по региону в этом отношении является «докончание» (договорная

Рис. 113. Караван на Шёлковом пути. *Гравюра из Каталонского атласа 1375 г*.

¥ 227 Разумеется, государственная система содержания дорог родилась не на мусульманском Востоке, но в нём мы вновь видим посредника в процессе освоения Русью античного наследия. Народы Востока внимательно относились к наработанному веками мировому опыту. Известно, что Древний Рим строил надёжные дороги во все концы своей империи. Б. Димитров пишет: «Сразу после завоевания Фракии центральная римская власть начинает строительство дорог по уже утвердившемуся римскому стандарту <...>. Вдоль дорог на определённых расстояниях, обычно в 15-20 км одна от другой, устраивались дорожные станции, где путник может переночевать, сменить лошадей и т.д. Отдельные участки дорог уцелели до нашего времени в Страндже, горах Стара-Планины, Родопах». Добавим от себя: можно увидеть и следы «станций», где до сих пор действуют обустроенные источники воды²².

Водные магистрали, конечно, тоже не теряли своего значения, в эпоху Средневековья они оставались основными — и в первую очередь Великий Волжский путь, что вёл из мусульманских стран в Русь и Западную Европу. На северном отрезке полномочия по его охране постепенно отходили к русским князьям и в княжение Дмитрия Донского полностью легли на плечи Московского княжества. Особое беспокойство Северной Волге доставляли новгородские банды речных разбойников, многочисленные и хорошо вооружённые. Ушкуйники, или ляпуны, как их называли в наших краях, по системе рек и волоков (участок суши, через который волоком тащили суда) достигали р. Костромы и по ней на своих кораблях (насадах, ушкуях) выходили на волжский простор.

Нам уже приходилось писать о том, что волжское речное пиратство — ушкуйничество обслуживало экономические интересы торговой верхушки Новгорода и шло вразрез с общепринятыми правилами организации международной торговли. Купеческие объединения поставляли в Европу через Ганзейский союз пряности, ткани, самоцветы и другие восточные товары, для чего не требовалось искать обходные пути в Индию, но желательно было не тратиться на выплату волжских таможенных пошлин каждому княжеству. Расчистить дорогу на некоторое время как раз и помогали рейды пиратовушкуйников. Новгородские власти от них открещивались, но «чудес-

ным образом» кто-то собирал и организовывал этих искателей богатств и приключений, вооружал, снабжал всем необходимым (включая десятки, а порой и сотни кораблей) и направлял в сторону русских и ордынских городов, на Волгу и Каму.

Новгородские летописи о таких походах целомудренно умалчивали, а вот другие русские хроники отметили походы 1360, 1361, 1367, 1370, 1371, 1374, 1375, 1386, 1395 и других годов (всего числом 18)²³. Нападению тех же лихих людей подвергались ордынские центры (Булгар, Сарай-Берке и др.), чему способствовали и смуты в самой Орде. Не лучшим образом отразилось на совместной борьбе с ушкуйничеством и то, что в 1375 году, разорив Кострому и Нижний

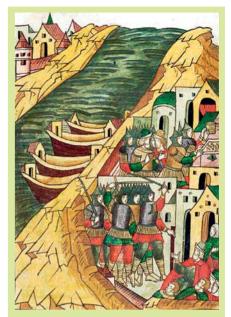

Рис. 114. Захват и грабёж Костромы ушкуйниками в 1375 г. Лицевой летописный свод

Новгород, ляпуны прибыли с награбленным в Булгар, где заодно продали в рабство захваченных русских горожан.

Нападения вызывали гнев и недоуменные вопросы со стороны восточных правителей к подчинённым русским князьям; те, в свою очередь, пытались принимать меры, вероятно, координируя их с действиями самой Орды. В 1360 году новгородские ляпуны прошлись по Каме и побили татар, разграбив г. Жукотин. По требованию хана князья суздальских, костромских и нижегородских земель нашли способ поймать вернувшихся из похода новгородцев и отправили их на суд в Орду. Решать такого рода проблемы приходилось и московскому правителю Дмитрию Ивановичу. Его, разумеется, больше беспокоило благополучие русских купцов, суконников и сурожан, а также сборы на волжских таможнях, благодаря которым обогащалось и крепло государство. (Заметим, что и купцы-«бусурмане» немало вносили в русскую казну.)

И когда в 1367 году *«из Великого Новагорода молодые люди ходиша на Волгу»*, московский князь «разгневася» и захватил в заложники влиятельного новгородского боярина Василия Даниловича с сыном.

229

230

Он расторг мирные отношения, что было равносильно военной угрозе: «разверже с ними мир и ркучи за что ходили на Волги воевать и гостеи многих пограбили». Великокняжеский гнев мгновенно возымел отрезвляющий эффект: «Ноугородии прислаша к великому князю бити челом и дары многи принесоша»²⁴. Весь Господин Великий Новгород ответил за «шалости» своих удальцов, хоть те отправились в поход без вечевого согласия, как бы по частной инициативе. Угрозу пришлось повторить в 1386 году: собранное московское войско (в него вошёл и полк Костромской земли, наверняка с участием «ивановских» татар) двинулось на гнездо разорителей волжских городов и обидчиков торговцев, «христиан» и «бесермен». Испуганные новгородцы выплатили за набеги 8 тысяч рублей серебром и согласились ежегодно платить Москве особую дань, «чёрный бор».

Практически вся вторая половина XIV столетия оказалась временем ответных действий на плохо замаскированную новгородскую военно-экономическую экспансию. Дмитрий Иванович то и дело выслушивал справедливые упрёки из Орды, ссорился и мирился с Новгородом, периодически освобождая Волжскую магистраль для нормальной торговой деятельности своих и восточных купцов. Всё изменилось, хоть и не сразу, со сменой московского правителя и подключения к решению проблемы близких Василию Дмитриевичу «ивановских» татар. Последний поход ушкуйников по русскому отрезку Волги произошёл в 1409 году, когда уже в сабуровских землях начались работы по созданию Плёсского таможенного рубежа. Новая крепость над Волгой, оснащённая артиллерийскими орудиями, а также устроенные в узком русле каменные лабиринты (безопасные проходы знали только местные лоцманы) наполняли «гастроли» новгородских пиратов смертельным риском. Налаженная когда-то совместными усилиями русских и булгарских властей система приёма и пропуска торговых судов на Верхней и Средней Волге вновь заработала.

Красоты исламского мира: ТКАНИ И ОДЕЖДЫ

Корабли из русских земель в страны ислама везли, как и прежде, преимущественно лён и драгоценные меха, причём поистине драгоценными они становились на перепродаже, например в Индии, где были чрезвычайно востребованы в высших кругах. Ибн Батута в

1333 году писал, что за пушнину платили огромные деньги. Горностай считался лучшим мехом и оценивался в 1000 динаров. Соболь был дешевле: 400 динаров²⁵. В начале XV века иранский историк Шереф ад-дин Йезди в своём фантазийном произведении (о том, как Тамерлан якобы покорил «русских эмиров») описывает богатства наших северных земель, где примечательна фраза: «подобные пери русские женщины — как будто розы, набитые в русский холст 26 . Набойные ткани на Востоке производились на основе русского льна. В дальнейшем, в XVII–XVIII веках, такая технология получит широкое распространение в формирующемся Иваново-Шуйском промышленном районе; русские набойные ткани станут известны под названием «крашенина печатная»²⁷. Производство в регионе льняных изделий разного качества выделки, разных сортов ещё до начала петровской эпохи испытывало невиданный подъём, чему в первую

Главное богатство Руси – пушнина. Лицевой летописный свод

очередь способствовала волжская торговля. Полотно «ивановское» было известно как особая марка на западных таможнях. В огромных количествах шло оно и в восточном направлении. Неслучайно в XVII веке богатейший русский купец Василий Шорин учредил свои конторы в Плёсе, Кинешме и Юрьевце, где скупал изготовленные в регионе ткани и отправлял их большими партиями вверх и вниз по главной водной магистрали²⁸.

Исламский мир, в свою очередь, производил огромное количество тканей из шёлка и хлопка. Их разноцветье и изобилие украшало всю Азию и Европу, и на Руси под конец эпохи Средневековья, как свидетельствуют письменные и археологические источники XV—XVII веков, едва ли бы нашлась хоть одна мало-мальски зажиточная семья, не имевшая в своём гардеробе одежд из тканей с исламского Востока. Русские женщины умножали их красоту искусными вышивками разноцветным шёлком, золотной или серебряной нитью, делая из них же всякого рода кисти и бахрому. Экономический рост на Руси быстро увеличивал потребности населения, в том числе в товарах из мусульманского мира; то, что в XVI веке могли себе позволить только состоятельные дворяне, спустя столетие стало доступно нетитулованным жителям провинциальных городов.

Так, в завещании потомка Фёдора Сабура, воеводы и землевладельца нынешних приволжских и фурмановских мест Семёна Дмитриевича Пешкова-Сабурова, датированном 1552 годом, указаны шуба, крытая багровой камкой, а также охабень (верхняя долгополая одежда с большим отложным воротником) «мухоярен лазорев». Камкой на Руси именовалась ткань дамаст, которую с раннего Средневековья начали производить в Дамаске (Сирия): это шёлк особой сложной выделки, с блестящим атласным орнаментом на матовом фоне. «Мухояр» тоже с мусульманского Востока; по Вл. Далю, так называли «азиятскую ткань, бумажную с шелкомь или *шерстью*»²⁹. А через неполные сто лет, в 1646 году, шуйский посадский человек Матвей Москвитинов в жалобе на покражу имущества указывает ткани и одежду, где, среди прочего, упоминаются: «З рубахи мужскихъ шиты золотомъ, <...> очелье шито золотомъ, цена 10 алтын, 8 сорокъ шиты золотомъ, цена два рубли, 6 полотенець шиты золотомь, цена полтора рубли сь гривною, да 5 ширинокь шитыхъ золотомъ и серебромъ на кищены шелкомъ, цена 2 рубли съ полтиною, да поясь шелковый цена две гривны, да кушакь тафтяной красной цена пол-полтины, да нашивка съ женской однорядки шелковая черная цена полтина, опояска бумажная пестрая, цена две гривны, да тафейка робячья сукно красное, цена гривна, да нашивка

шолковая лазорева съ золотомъ, <...> бумаги шити бауманъ, цена полтора рубли...» Как видим, в перечне присутствует шёлковая ткань (в том числе особая, глянцевая тафта), а также хлопчатобумажная, указывается, что многие из похищенных одежд расшиты шёлковыми и золотными нитями. И вдобавок – ценнейшая потеря для предпринимателя-горожанина: полпуда привозной же, с Востока, краски-крутика, синего цвета, на основе красителей, добываемых из южных растений³⁰. Пример далеко не единственный. В той же Шуе в 1624 году воры украли у Петра Оксёнова, среди прочего, красную мужскую рубаху, «шитую золотом и серебром». Цена ей немалая: три с четвертью рубля. Для сравнения: «две шапки лисьих девичьих» оценены были в два рубля.

В документах XVII столетия представлено богатое разнообразие восточных изделий, поступавших на территорию Ивановского края. Кроме вышеупомянутых камки, тафты и простого (но различных цветов) шёлка, а также сделанного из хлопка «мухояра», упоминаются «атлас красный, круживо кованое золотное», драгоценный шёлковый багрец (пурпур), «червчатый киндяк» (красная бумажная набойчатая ткань), особая восточная хлопчатобумажная ткань «зендень». Китайский или индийский бархат, куфтерь (лучший сорт итальянской камки) тоже приходили к нам через мусульманские страны. В свою очередь, русские купцы-суконники снабжали не только земляков, но и восточных соседей, татар, западноевропейскими сортами материй, среди которых сукно английское, лундыш, шарлот, настрафил, фландрский скарлат и проч.

Импортная ткань, наряду с серебряной монетой, зачастую использовалась для оплаты труда. А одежда из неё служила мерилом благосостояния. Даже крестьяне, из числа относительно благополучных, стремились явить окружающему миру хотя бы вершок шапки из яркой иноземной ткани. Стоит ли говорить о роскошных парадных шубах дворян, которые снаружи крылись дорогими восточными шелками: «шуба атласъ золотной с кружевом», «шуба куфтерная жолтая камчатная на соболях»...

Некоторые разновидности одежды указывают на связь с культурой Востока уже самим названием: кафтан, ферязь, епанча (рис. 116), убрус, сарафан. Термины тюркские, но значит ли это, что русские стали носить татарскую одежду? Посол Сигизмунд Герберштейн писал в первой половине XVI века, что верхняя одежда русских и татар отличается тем, что первые застёгивают её на правой стороне груди, а вторые на левой³¹. Да, с точки зрения иностранцев, русская одежда больше походила на восточную, чем на европейскую, но, например,

Puc. 116. Великий князь в епанче. сопровождающие – в охабнях. XVI в. По миниатюре Лицевого летописного свода

боярин Фёдор Романов в юные годы щеголял по Москве в польском костюме, что не мешало ему оставаться русским патриотом. У князя Волоцкого в начале XVI века в списке одежд упоминаются - как отдельные включения в русский гардероб – татарские шубы и ордынский колпак, у его княгини – шапка казанская. Заимствования, в том числе и в одежде, были, конечно же, обоюдными. И если вспомнить куда более древние времена, вряд ли можно сомневаться в том, что тюркским переселенцам пришлось осваивать одежду коренных обитателей северных мест, более подходящую для жизни в холодных лесах.

В большинстве случаев даже невозможно установить происхождение того или иного вида одежды, и вопрос зачастую упирается просто в терминологию.

Для наглядности обратимся, например, к истории сарафана. Слово «сарафан» татарское, но одежду такого рода, на проймах, да ещё с застёжками, носили и викинги, и сумь, и весь, и меря задолго до появления в северных землях ордынцев. Вот что сказал по этому поводу известный исследователь древнего костюма М.Г. Рабинович: «...очевидно, что сарафаном стали называть женскую одежду, существовавшую ранее, а вероятно, и какие-то новые виды её, созданные в городах под влиянием зажиточных классов и служилых людей и оттуда распространившиеся в деревню». Он же, касаясь времён «татарской моды», объединяет понятия «сарафан» и «холодная шуба». Давайте рассмотрим примеры с территории нашего края. «Шупка женская атлас красный круживо кованое золотное» - такое одеяние не спасёт от морозов, это просто богато украшенный атласный сарафан. А «шуба столовая (!) из сукна багрец» в документе 1634 года? То же самое. Но вот в другом документе фигурирует «сарафан киндяшной распашной с пухом» (то есть с меховой опушкой). Нонсенс: распашной сарафан?! Подобное одеяние точнее было бы назвать «холодной шубой»³².

А велико ли различие кафтана, однорядки, ферязи и зипуна? Модификаций, может быть, существовало даже больше, но история их не сохранила, и где они могли зародиться, узнать уже не сможем. Названия, как видим, и русские, и татарские, но носили тёплую одежду по сезону жители северных краёв независимо от национально-

Особняком в письменных источниках по Ивановскому краю стоит перечень одеяний, что отрядил в приданое своей дочери воевода Владимир Бастанов (документ 1668 г.). Здесь мы имеем наглядный пример того, как некоторые служилые татары, даже нося русские имена и соблюдая правила «русского мира», оставались верны исламским традициям.

Опись баснословно дорогого приданого, согласно заведённому порядку, начинается с икон в золочёных и жемчужных киотах и окладах, что надо держать в доме, и двух золотых крестов с «бурмицкими» каменьями. (Скорее, это не столько знаки утверждения веры, сколько свидетельства богатства.) Далее в описи следуют ожерелья с восточными самоцветами, очень дорогие «серьги запончатые яхонть червчатой да изумрудь по шти зерень на серге бурмицких на золоте», 15 золотых перстней «съ изумруды и съ яхонты и съ алмазы» (в разнообразии камней усматривается традиционная вера в их волшебные свойства на тот или иной жизненный случай). Далее идёт перечень очень дорогой верхней одежды на все годовые сезоны (шубы зимние и летние, телогреи, летники, шапки и волосники, драгоценная кика), в чём родовитой жене следует появляться в русском высшем обществе и просто выходить на люди.

Затем в описи следует самое интересное, что связано с домашним обиходом. Опустим описание в приданом постелей и восточных ковров и обратим внимание на домашнюю одежду. Здесь и длинные, почти до лодыжек, ферези без воротника (тоже весьма изысканные, атласные, *«нашивка кызыльбашская»*), и долгополый, с большим отложным воротником охабень, и жёлтый женский кафтан, и зелёная бархатная шапочка. А вот нечто особенное: «штаны камчатные червчатые, чулки шолковые, башмаки червчатые». Есть ещё «машмаки бархатные», а также «к мыльне платья сорочки с порты и с ожерельем... с пуговицы два яхонта лазоревые да изумрудъ» (на исподнее это не похоже).

Довершим перечисление упоминанием в приданом медных тазов и узкогорлых кувшинов с ручками – кумганов. Даже в бытовых,

236

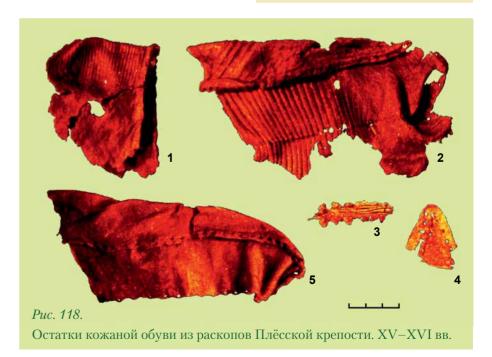
обиходных вещах зримо проявляются признаки сохранения родом памяти о своих культурных корнях. В документах XV-XVI веков среди представителей фамилии Бастановых известны Адаш, Тетмеш, опричник Тутман. Бабушка невесты по матери, Наталья Толочёнова, тоже, вероятно, имела татарских предков: в своём завещании она упоминала брата Абаима Болтина, а если судить по перечню имущества, испытывала тягу к восточным вещам³³. Итак, Владимир Бастанов, татарин с русским именем, выдал свою дочь за русского князя Ф.Ф. Щербатова, потомка Рюриковичей, но обеспечил для неё возможность ежедневно в быту вспоминать свои восточные корни, чему, вероятно, даже в высшем свете никаких препятствий не чинилось.

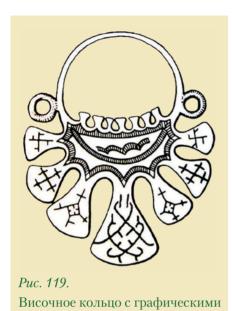
В документах по региону женских штанов более нигде не встречается, но восточный элемент зримо присутствует, в чём убеждает солидный ассортимент тканей и самоцветов, шёлковые шнуры и прочее. «Татарская мода» проявлялась, конечно, также в покрое и общем виде одежд, что подтверждается археологическими материалами из Плёса. Здесь, в частности, дважды найдены остатки кожаных сапог явно восточного облика, с приподнятым носком и гофрированной головкой. Впрочем, данный элемент «татарской моды» прочно вошёл в русскую культуру: подтверждением может служить изображение великого князя Василия III в похожих сапогах у С. Герберштейна (рис. 117). В одном из ледников конца XV – первой половины XVI века сохранились две головки сапог, из которых одна двойная. Она была покрыта поперечными линиями тиснения и имела приподнятый носок. Вторая также с тиснением. Лицевая поверхность кожи гладкая, что характеризует её как восточный сафьян – или «тим», русский аналог (изготавливался на Руси по крайней мере со второй половины XIV в.) (рис. 118.1-2). Такие же признаки имели остатки сапога, найденного на территории средневекового посада, около устья р. Шохонки. Другие детали, дополняющие характеристику обуви: мягкие сапоги имели многослойную кожаную подошву, которая вдоль всего края была намертво прикреплена мелкими, часто посаженными железными заклёпками («гвоздиками», по С. Герберштейну) (рис. 118.3). Интересно, что помимо подобной обуви мужчины в Плёсской крепости носили сапоги с каблуками, причём достаточно высокими. На это указывают находки железных подковок, иногда с длинными крепёжными штырями. 34 Но в таком случае для надёжного, неподвижного крепления каблука подошва должна была быть изготовлена из толстой кожи, а не из нескольких слоёв тонкой.

В указанном леднике обнаружен фрагмент, который мог иметь отношение к обуви типа «туфля», «башмак» или «машмак». Это невысокая обувь сложного кроя, из нескольких составляющих: в отличие от более распространённых поршней (простейшая старинная кожаная обувь в виде лаптя), верх здесь пришивался к отдельно выкроенной подошве. Богатые образцы покрывались по верху дорогой тканью. В Плёсе был найден верх без орнамента, должно быть, это деталь от крытого тканью женского «башмака» (рис. 118.5). Также женской обувью, вероятно, были и упомянутые в документе XVII века по нашему региону *«астраханские черевики»*;

Puc. 117. Великий князь Василий III Иванович в «татарских» сапогах

композициями на лопастях

заметим, что название славянское (изделие из тонкой кожи с живота коровы?), а вот судя по географии – обувь татарская³⁵.

Исламский мир принёс в регион немало художественных инноваций. Мы им уделили внимание, рассматривая связь местного ювелирного дела с булгарским в домонгольский период. Исследователи отмечают, что некоторые древнерусские украшения настолько похожи на изделия исламского мира, что их долго относили к импорту с Востока, хотя позже было доказано местное происхождение. Таковы, например, «височные кольца вятичей», которые отме-

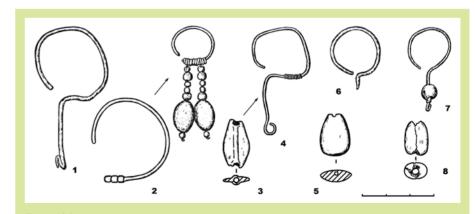
чены и в раскопах Великого Новгорода, и в ивановских «владимирских» курганах³⁶. Найденные А.С. Уваровым «славянские» кольца очень похожи на подмосковные, где среди множества экземпляров примечательны изделия с начертаниями на лопастях (рис. 119). Эти графические композиции были бы одинаково понятны жителям как арабского Востока, так и степи или финского леса: они символизируют суточный путь солнца. Следует обратить внимание на особенности изображения равностороннего креста на парных, противоположных лопастях. Верхние, например, могут обозначать дневное светило, передвигающееся по небу, они и стилизованы под символ неба – птицу. Нижняя пара в средокрестии имеет знак земли (ромб) с направлением горизонтального пространства «на все четыре стороны».

Наступившая эпоха развитого Средневековья принесла на смену височным кольцам нашего региона серьги народов Востока, которые постепенно превращались из ритуальных принадлежностей костюма в украшения и своего рода статусные знаки. Смена происходила постепенно и завершилась где-то к концу допетровской эпохи; даже XVI столетие ещё оставалось временем сосуществования тех и других, причём в соответствующих времени материалах Плёсской крепости височные кольца всё-таки преобладали. И нельзя утверждать, что новые дары исламского мира не прикреплялись по-прежнему

к головному убору, а продевались в отверстия по краю ушной раковины: наиболее популярные серьги, формой напоминающие знак вопроса, кажутся иногда чересчур большими для этого.

Около десятка такого рода изделий (в виде знака вопроса), включая фрагменты, присутствуют в плёсской средневековой коллекции XIV-XVI веков. Об их популярности свидетельствуют находки не только в городах, но даже в деревнях-однодворках (Петровское селище на р. Уводь). При этом распространённая форма имела несколько вариантов. Незамкнутое кольцо с изгибом одного конца вертикально вниз, где обычно крепились бусины-привески, могло быть изготовлено из медной (бронзовой) проволоки, а украшающим дополнением служила недорогая стеклянная бусинка или мелкий речной жемчуг. Правда, в последнем случае археологам обычно достаётся только корпус да изредка белый налёт на нём – след от жемчуга, растворившегося в кислой почве (рис. 120.1). Подобная разновидность предполагала как вариант крепление специальной каплевидной подвески. В коллекции их три: две стеклянные (ярко-синяя и не определимая по цвету, полностью патинированная) и одна куда более ценная, сердоликовая (рис. 120.5). В некоторых случаях металлический корпус украшения мог быть покрыт тонким слоем золота.

Интересна в этом отношении серьга иной модификации: несомкнутое кольцо, на одном кончике которого имеется утолщение специальной формы для крепления сложной привески. Такое позолоченное кольцо известно среди плёсских артефактов, а вот образец

Puc. 120. Серьги и привески к ним, найденные в ходе раскопок Плёсской крепости. XIV-XVI вв.

239

привески к нему может продемонстрировать находка из фондов Елабужского музея (рис. 120.2).

Есть основания полагать, что самые популярные серьги были чаще всего «одинцами», то есть с одной привеской каждая. Если привесок больше, то в документах XVI-XVII веков специально оговаривается, например: «серги двоичатки серебреные». Дворяне, как всегда, предпочитали украшения подороже и поизысканней. Яхонтовые серьги жены шуянина Василия Собакина стоили 15,5 руб. В приданом Феодосьи Яковлевой «серги серебряные, турские, съ зерны съ кафимскими» (из г. Кафы; возможно, крупный морской жемчуг). Иван Новокщёнов, давая описание имущества, отмечает серьги, две пары: «двои серги одинъ камень бечета (камень красного цвета, гранат или рубин. – $\Pi.T.$) с жемчуги, а другие камень хрусталь серебряные позолочены, цена четыре рубли съ полтиною». Дорогие золотые серьги завещала Наталья Толочёнова дочери Владимира Бастанова, а сам отец определил ей в приданое изысканные и очень ценные изделия: «серьги на одномъ конце изумруда лаллъ на золоте съ зерны бурмицкими, серьги яхонть лазоревъ на золоте съ зерны бурмицкими» 37 .

В описании височных привесок булгарского периода среди находок на территории Ивановской области мы приводили примеры изделий с филигранью в восточном стиле. Вновь вспомнить о них, о продолжении традиции заставляет одна из находок в Плёсской крепости. Это ажурная пуговица, собранная и спаянная из тонких серебряных перевитых проволочек и увенчанная пирамидкой зерни. Она обнаружена в упомянутом выше доме Ногаева-Ромодановского и относится к тем ценным вещам, которые принято указывать в описях дорогих одежд (рис. 121.6). Как раз в эти годы хозяин многих плёсских земель С.Д. Пешков-Сабуров внёс в своё завещание: «да взятии мне на Петре на Иванове сыне Карпова шуба почеревесинна с пугвицами боброва, з серебряными, цена ей шесть рублев» 38.

Немного похожа по стилю оформления (тоже с пирамидкой на вершине) другая пуговица, чуть более крупная (2 см) и более древняя (1-я пол. XV в.). Восточный стиль выдаёт её орнамент: полосы, выполненные насечками на полом корпусе, похожи на арбузные (рис. 121.3). Она проще в изготовлении, состоит из двух спаянных полусфер (штампованный медный лист), полая внутри, но внешне выглядела дорогим дополнением к костюму, поскольку была позолоченной.

Более крупная литая позолоченная пуговица имела очертания миндального ореха в профиль и была покрыта с двух сторон изящ-

ным выпуклым растительным орнаментом. Судя по очень большой стойке для пришивания, пуговица эта была предназначена не для лёгкого кафтана или «холодной» шубы, а для тяжёлой плотной верхней одежды, чему есть замечательное вещественное доказательство. Благодаря консервирующим свойствам цветного металла, вместе с пуговицей в раскопе обнаружен фрагмент ткани и даже обмётанная ниткой петля, в которую пуговица была продета. Ткань плотная, шерстяная и, видимо, привозная (настрафил, лундыш, скарлат?), она даже не утратила малиновый оттенок (рис. 121.1-2). Остаётся добавить, что пуговица, вероятно, хранилась вместе с одеждой в хозяйственной пристройке к дому, где проживали представители знати: высокий статус выдают, в частности, потерянные здесь столовые ножи для пиров, два из которых западноевропейские.

В связи с другими найденными в крепости пуговицами уместно вспомнить наблюдение Сигизмунда Герберштейна; в своих «Записках» он отметил, что жители Московии *«носят узелки, которыми застёгивается грудь»* Понятно, о чём идёт речь, и всё же уточним, что полы одежды застёгивались не просто узелком на конце кожаного шнурка, а напущенной на шнурок металлической пуговицей (в особых случаях — самоцветом с просверлённым отверстием). В Плёсе найдены изделия из свинцово-оловянного и медного сплава, в их числе: в виде полусферы (знакомая штамповка) и плоское, в виде популярной на Востоке розетки (рис. 121.5, 7).

Y 241

В совокупности с фактурой и узорами тканей все эти прекрасные дополнения придавали русскому костюму эпохи развитого Средневековья весьма заметный восточный колорит.

Восточные акценты русского быта

Вспомнив бастановские кумганы и тазы из описи XVII века, мы не можем обойти стороной плёсскую археологическую коллекцию керамической посуды: в ней ярко отразилось влияние культуры Востока на развитие гончарного ремесла на Руси. Дары исламского мира присутствуют в крепости уже в материалах XIV века, и это в первую очередь вышеупомянутые нарядные кашинные чаши из городов Средней Азии, с блестящей поливной поверхностью и орнаментом преимущественно синих тонов. В том же столетии хорошие подражания этим изделиям начали массово производиться в городах Золотой Орды, соответственно, и в Плёсе стала появляться такая посуда. Её приобретали, в первую очередь, служилые татары Плёса и окрестных земель, не терявшие связей с родиной. Об этом можно судить по сочетанию находок в жилых комплексах крепости XIV-XV веков.

Одновременно с нарядными чашами в быт плесян постепенно входили и вскоре прочно закрепились, «обрусели», восточные кувшины, водоносы с петлями для подвешивания (известны булгарские аналоги) и рукомои (их отличало наличие носиков). Старейший хорошо сохранившийся образец (полный профиль) восточного кувшина относится к первым десятилетиям существования новой крепости великого князя Василия Дмитриевича и его боярина Фёдора Сабура (ориентировочно до 1430 г.). От более поздних находок с территории городища он отличается менее выраженной шаровидной формой тулова и больше походит на булгарские и даже более ранние салтовские изделия с «приплюснутой» нижней частью. Кувшин чёрнолощёный; такими были в основном и более поздние экземпляры (рис. 122.1), даже если их изготавливали уже русские мастера. К числу самых поздних образцов (не позднее середины XVI в.) относится красноглиняное изделие с вертикальными полосами лощения (рис. 122.3). Этот крупный кувшин, вероятно, был квасником, такие массово изготавливали в мастерских Москвы и Коломны, где живо перенимали всё полезное, чем могла обогатить восточная керамическая традиция⁴⁰.

Не обощли своим вниманием русские мастера и кумганы – кувшины с носиками, своего рода чайники. У мусульманских народов, в их жарком климате с дефицитом воды, такого рода посуда позволяла рационально использовать живительную влагу. Средневековый Плёс продемонстрировал нам чудеса адаптации специфической восточной посуды к условиям русского Севера. Найденный здесь (сохранившийся фрагментами) кумган был изготовлен местным мастером из теста традиционного состава: глина с добавками навоза, песка и мелкой дресвы. Но, на радость местным хозяйкам, гончар ввёл техническое новшество: у основания носика он прикрепил глиняную пластину с проделанными в ней десятками отверстий. Получился крупный «чайник» со встроенным ситечком (рис. 123). В нём удобно было заводить сбитень или «взвар», который в процессе розлива процеживался, как в современном заварочном чайнике. Впрочем, и так называемый «русский самовар» тоже представляет собой дар мусульманского Востока, где наряду с дефицитом воды наблюдался обычно и дефицит дров.

Puc. 122. Остатки кувшинов XV-XVI вв. из Плёсской крепости

Выше мы уже отмечали, насколько полезными для развития у нас гончарного дела были контакты с древними булгарами, носителями салтовской археологической культуры, старательно перенимавшими передовой опыт европейской античности и мусульманского Востока. Гончарный круг, «курганная» посуда... – не будем отвлекаться на тонкости взаимного влияния передовых цивилизаций Европы и Азии тех и последующих времён. Отметим только, что в эпоху развитого Средневековья на процесс взаимообогащения культур в указанной сфере начала влиять и Русь. Она крепла, богатела, запросы её населения росли. В этой связи обратим внимание на примечательные плёсские керамические находки, а именно на собрание образцов красноглиняной посуды, покрытой белым ангобом (тонким слоем особой жирной глины, наносимым до обжига), поверх которого красной, серой или чёрной краской нарисованы различные орнаменты. По мнению А.Г. Векслера и М.Г. Гусакова, появление такой продукции на российском рынке стало результатом приглашения в Москву мастеров с Апеннинского полуострова во времена правления князей-новаторов – Ивана III Великого и его сына, Василия III Ивановича, которые были очень неравнодушны к итальянскому Возрождению. Исследователи устанавливают чёткие хронологические рамки работы на Руси иностранных гончарных мастерских: последняя треть XV – первая треть XVI века⁴¹.

Эта нарядная посуда была недешева и потому, надо полагать, подбиралась придирчиво, в соответствии с личными вкусами. А на формирование вкусов сильно влияла уже сложившаяся привычка к пышным восточным орнаментам — прежде всего на дорогих тканях. Густые переплетения растений, фигуры диковинных зверей и птиц перекочевали к тому времени в русскую народную вышивку, на костюмы и полотенца. Такие орнаменты жители русского Поволжья, вероятно, желали видеть и на новой расписной итальянской посуде. Конечно, средневековая культура Апеннин и сама впитала орнаментальные традиции Востока, но в нашем случае русский запрос не мог не оказать решающего влияния.

Наиболее примечательным среди плёсских находок такого рода стал носик кумгана начала XVI века, весь покрытый растительным орнаментом (рис. 124.1). Рисунок по белому фону — ангобу был нанесён жёлтой краской и сверху покрыт прозрачной поливой. Кумганы с подобным оформлением обнаружены также в раскопах Троице-Сергиева монастыря; исследовательница Т.Н. Новосёлова относит их к изделиям московских мастерских, она полагает, что такая посуда была в обиходе лишь у знати⁴². Других частей от нарядного кумгана

в Плёсской крепости не найдено, что вполне объяснимо. Разбитая посуда богатых хозяев не интересовала, а вот простолюдинам могла пригодиться, например для изготовления красивых пряслиц. Большая часть обнаруженных в провинциальном центре веретённых грузиков сделана из обломков простых горшков, но в крепости найдены и особенные, выточенные из фрагментов дорогой посуды (хотя более плотная глина хуже поддаётся обработке). То же могло случиться и с остатками расписного кувшина (кумгана?), от которого в тех же археологических напластованиях обнаружен лишь фрагмент ручки с растительным орнаментом по белому фону (рис. 124.2). Сохранился и фрагмент поливной коричневой посуды с выпуклым орнаментом: это часть изделия из других мастерских, восточных или русских, но с характерным восточным узором. Обладателем его мог быть и татарин, и русский из числа состоятельных обитателей крепости в последние годы её существования (рис. 124.3).

Восточный стиль прочно вошёл в быт и даже обряды Московской Руси. Известен курьёзный пример: на саккосе (верхняя часть архиерейского облачения) митрополита Фотия можно было прочитать вышитое старательными восточными мастерицами: «Аллах Акбар», что нисколько, видимо, не смущало высшую церковную власть, любившую, как и сегодня, ослепительно красивые наряды⁴³. Мы уже писали о том, что с начала XV века (а не с середины, как полагают А.В. Чернецов и Л.А. Беляев) в строительстве на Руси стал применяться, по восточному примеру, кирпич (находки из Плёса). Восточные ткани, украшения, посуда, оружие, пряности... Последние присутствовали в походном воинском наборе: соль, по наблюде-

нию современников, смешивалась с перцем. Даже в провинциальном средневековом Плёсе материалы раскопок наглядно подтверждают слияние множества элементов русского и татарского быта, культуры. С одной стороны, «ивановские» татары приобщались, например, к обычаям русского пира и проникающему к нам европейскому застольному этикету; напомним, что знак Джаффаридов, отмеченный в Плёсской крепости, был начертан на чаше для пира под характерным орнаментом, связанным с культом Диониса. И попутно заметим: как бы курьёзно ни звучал сей факт, но выгонка водки (араки) — восточное изобретение; в Плёсе найден фрагмент того, что сегодня в народе называется самогонным аппаратом, а именно обломок керамического перегонного куба — аламбика⁴⁴.

Но, с другой стороны, дополнением к русскому застолью часто служили пришедшие с Востока игры. Русские с домонгольских времён играли в бабки – азиатские альчики, ашики. Найденные в раскопах Плёсской крепости игральные кости напрямую связаны с содержанием и выпасом овец, а потому чрезвычайно популярны в исламском мире; здесь в качестве игральных костей использовали овечий коленный сустав. В наши края эта игра могла прийти с развитием активных контактов с тюрками-кочевниками, а затем поддерживалась служилыми татарами. Уже в начале раннего Средневековья волжско-финские общины держали овец в своих смешанных стадах, но, вероятно, под влиянием тех же кочевников большое внимание стали уделять разведению лошадей. Не потому ли древнейшей находкой, связанной с игрой, стала бита, обнаруженная на Алабужском городище среди археологических остатков рубежа I-II тысячелетий: она была изготовлена не из овечьей, а из более крупной, вероятно лошадиной, кости (сохранность находки оставляла желать лучшего). В ней, как и положено, имелось просверлённое отверстие для заполнения чем-то утяжеляющим (свинцом или даже просто сырой глиной).

На территории Плёсской крепости нами были найдены не только отдельные игральные кости, но даже два набора для игры. Один, в разрозненном состоянии, был собран в подполе, куда попал из разрушенного дома первой половины XVI века. Он насчитывал 14 косточек-альчиков, плюс игральная бита с отверстием. А веком раньше кто-то из обитателей крепости тщательно спрятал мешочек с набором из 44 альчиков, там же лежала просверлённая бита. Набор этот сохранился в виде компактной кучки (рис. 125). Все косточки бараньи, что соответствует восточной традиции. Количество их чётное, вероятно, по правилам той же расстановки, что можем увидеть на

*Puc. 125.*Биты для игры в бабки (г. Булгар) и набор игральных костей (Плёсская крепость)

гравюре 1812 года *(рис. 126)*. Разница в том, что на гравюре кости свиные, а не бараньи, что претит законам ислама, но вполне обычно для русских городов нового времени.

Данная игра была не только забавой, но и своего рода тренингом, способом поддержания боевой формы и победного духа мужчин-во-инов. Неслучайно она была популярна и у мальчиков, будущих воинов. Из средневекового исламского мира игра перекочевала не только на земли Руси; известно, что викинги носили с собой счастливые кости и биты. С игрой были связаны и какие-то народные (восточные?) поверья, о чём свидетельствует одна из плёсских археологических находок. Это небольшой бараний астрагал (надпяточная кость) с просверлённым отверстием, но не бита! Отверстие неширокое, не для заливки свинца, и проделано оно с краю, как в подвесках. Может быть, так выглядел амулет на богатство, на удачу⁴⁵.

В крепости, на месте обитания воинов, нам не раз встречались обработанные, закруглённые обломки керамической посуды разных цветов. Они не имели широкого отверстия в центре, то есть не были пряслицами, грузиками для веретён, столь распространёнными в русских археологических древностях. А скорее всего использовались

Puc. 126. Игра в бабки. *Гравюра 1812 г.*

в качестве фишек для игр: настольных, вроде шашек, или специальной военной игры в «кремахи», остававшейся популярной ещё у русского казачества дореволюционных времён. Фишки подбрасывали и старались поймать их как можно больше до падения. Побеждал самый внимательный и обладавший быстротой реакции. В крепости в эту игру играли и татарские, и русские воины, и выходцы из литовских, мордовских или марийских земель, состоявшие на русской службе. Здесь, как и во многих других случаях, мы уже не в состоянии точно определить национальные истоки явления или вещи и можем только констатировать факт постепенного слияния культур. Как, например, невозможно не заметить общие истоки праздников Сабантуй и Семик, единое представление о символике весеннего ритуального крашеного яйца и не увидеть точек соприкосновения мировых религий (рис. 127).

Рис. 127. Марьям и Иса, «дух Аллаха» (Мария и Исус). *Персидская миниатюра*

Мы рассматривали моменты соприкосновения, взаимопроник-

новения и взаимовлияния древних культур русского и татарского

(булгарского) народов в пределах земель современной Ивановской

области. По мере исследования вопроса, и даже просто по мере про-

³ Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. М., 1985. С. 129-134.

⁶ Чернецов А.В., Беляев Л.А. Средневековая Русь и Восток. С. 206, 210-212.

Лечебник. // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI – начало XVII

Лубок-скоморошина. Портреты богов. // Бурылинский альманах. Иваново,

10 Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938.

¹⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 25-31,

17 Материалы для истории Владимирской губернии. Владимир, 1904. Док. 466.

20 Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. // Все народы едино

⁴ Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. С. 75.

⁷ История татар с древнейших времён. Волжская Булгария... С. 577.

¹³ История татар с древнейших времён. Волжская Булгария... С. 576-577.

ИСЛАМ И КУЛЬТУРА ИВАНОВСКОГО КРАЯ

- ²⁴ Владимирский летописец. // ПСРЛ. М., 1965. С. 115. Львовская летопись.
- ²⁵ Город Булгар. Очерки истории и культуры. С. 30.
- ²⁶ Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 659.
- ²⁷ Травкин П.Н. Верхневолжский средневековый костюм. Иваново, 2012. С. 116-
- 28 Тверская Д.И. К вопросу о роли купечества в процессе формирования Всероссийского рынка в XVII веке. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. C. 294-295.
- ²⁹ Смирнов Л.П. Плёс. С. 52. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Том II. С. 363.
- ³⁰ Травкин П.Н. Верхневолжский средневековый костюм. С. 118-119.
- ³¹ Там же. С. 139.
- 32 Там же. С. 141.
- 33 Владимир Борисов. Собрание трудов (материалов) в трёх томах. Том 2. С. 98,
- ³⁴ Травкин П.Н. Плёсская крепость... С. 221-222. *Рис. 141-142*, *152*. Травкин П.Н. Верхневолжский средневековый костюм. С. 173-174.
- ³⁵ Владимир Борисов. Собрание трудов (материалов) в трёх томах. Том 2.
- ³⁶ Чернецов А.В., Беляев Л.А. Средневековая Русь и Восток. С. 215-216.
- ³⁷ Владимир Борисов. Указ. соч. С. 124-125.
- ³⁸ Травкин П.Н. Верхневолжский средневековый костюм. С. 142.
- 39 Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. С. 548.
- ⁴⁰ Травкин П.Н. Плёсская крепость... С. 270.
- 41 Векслер А.Г., Гусаков М.Г. К вопросу об изготовителях красноглиняной керамики в Московии в XV–XVI вв. // Кадашевские чтения. М., 2014. Вып. XIII.
- 42 Новосёлова Т.Н. Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря. // Археология Подмосковья. М., 2014. Выпуск 10. С. 419-425.
- 43 Чернецов А.В., Беляев Л.А. Средневековая Русь и Восток, С. 227.
- 44 Травкин П.Н. Плёсская крепость... Рис. 214.
- ⁴⁵ Там же. Рис. 79.12.

рамками эпохи Средневековья.

века. М., 1987. С. 516-519.

Там же. С. 781.

51-59, 113-121. ¹⁵ Там же. С. 255-256.

C. 124. 11 Там же. С. 66-67.

2020. № 13. C. 50-54.

¹² Там же. С. 44-51, 237-241.

суть. М., 1987. С. 575.

¹⁶ *Там же*. С. 15, 75, 42, 68, 65, 52, 59 и др.

²¹ Духовные и договорные грамоты... С. 79.

Памятники деловой письменности XVII века. С. 156. ¹⁸ Материалы для истории Владимирской губернии. Док. 375. ¹⁹ Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 259.

¹ История татар с древнейших времён. С. 550-552.

⁵ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 182.

² Травкин П.Н. Плёсская крепость... С. 308.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ограничив своё исследование древними (до начала петровских преобразований) временами, мы проследили начало и апогей булгаро-татарского влияния на жизнь и культуру относительно небольшого региона России. Мало того что земли Ивановского края невелики территориально — они представляют классическую старорусскую провинцию. А значит, тем более история региона не может не впечатлить интенсивностью контактов местного населения с весьма отдалёнными порой восточными землями на протяжении десятков столетий.

Международные контакты нашего края начались ещё в каменном веке и отмечены первыми поступлениями полудрагоценного камня серпентина с Уральских гор. С гораздо большей интенсивностью развивались они в эпоху бронзы, когда в регион с Востока пришло скотоводство и стал поступать цветной металл. Медные сплавы позволили изготавливать орудия труда и оружие совершенно иного качества и новых видов, повысить уровень хозяйственных работ и значительно разнообразить украшения костюма и вотивные, предназначенные для жертвоприношений, предметы.

Поступление цветного металла, обмен его на пушнину и лён стали стержнем дальнейших отношений народов степи и леса в железном веке и раннем Средневековье, что приводило к учащению личных контактов и, наконец, к появлению всадников-тюрков в финских сообществах Верхнего Поволжья. Конные пастухи-вочны оставили свой след в погребальном ритуале Кочкинского и Хотимльского могильников, в быту и обрядности Алабужского (Пеньковского) городища. Река Волга, с двух сторон опоясывающая наш регион, постепенно становилась международной торговой магистралью, а с появлением на её берегах новых государств, Владимиро-Суздальской Руси и Булгарии, окончательно оформилась в Великий Волжский путь, соединявший исламский мир с Западной Европой.

Монгольское нашествие коренным образом изменило средневековую картину мира, завершило существование самостоятельного булгарского государства, но сформировало, при решающем влиянии булгарской культуры, новую, татарскую, этнополитическую общность. С первых десятилетий существования Золотой Орды начался и приобретал всё большие масштабы приток булгаротатарских переселенцев в Верхнее Поволжье. На территории Ивановского края он стал наиболее заметен в первой половине XIV века, когда северная часть нашего региона перешла к растущему Московскому княжеству. Заметный вклад в укрепление оборонной мощи внесли потомки легендарного мурзы Чета – владельцы обширных земель по северному течению Волги. Вместе со своими боевыми слугами они сыграли немаловажную роль в Куликовской битве. Стараниями ставшего первым боярином Московского государства Фёдора Сабура в 1410 году была построена по последнему слову военной техники новая крепость в Плёсе.

Представители десятков знатных булгарских и татарских родов получили земельные наделы в Ивановском крае за переход на службу в Московскую Русь. Сабуровы, Вельяминовы, Беклемишевы, Абдул-Латиф и Кайбула, Бутурлины, Бастановы, Ногаевы, Карамышевы, Каблуковы, Алалыкины, Куломзины, Бибиковы, Обалдуевы и другие оставили след в истории нашего региона и всей России как полководцы, политики, администраторы, дипломаты. Ещё больше выходцев с исламского Востока: крестьяне и горожане, торговцы, пахари, ремесленники и мелкие управленцы — не оставили нам своих имён в письменных источниках Средневековья. Мало сведений сохранилось и о жизни одного из лучших живописцев конца средневековой эпохи — иконописце с тюркской фамилией Уланов. Известно только, что Корнилий Уланов родился и скончался в «костромских» землях, приняв постриг в Кривоезерской пустыни близ Юрьевца.

Среди видных деятелей последующих времён, начиная с эпохи петровских преобразований и до сего дня, мы найдём немало знаменитостей, чьи родовые корни отмечены в сборнике «500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения», составленном татарским историком А.Х. Халиковым. С землями небольшой Ивановской области связаны имена знаменитых военачальников А.В. Суворова и А.И. Бибикова. Здесь творили известные композиторы С. Рахманинов и С. Танеев. Род знаменитого историка

В.Н. Татищева владел приволжскими землями в Вичугском районе (одна из гряд плёсской средневековой таможенной системы носит название «Татищева»), а на противоположном берегу в своём имении работал крупный специалист-агроном А.Н. Куломзин. От палехского мастера резьбы по дереву К.К. Муратова до доктора исторических наук В.С. Меметова — наши современники так же достойно представляют многонациональное население Ивановской области, что, без сомнения, достойно описания в новых специальных исследованиях.

Содержание

OT ABTOPA	5
ЛЕС И СТЕПЬ: СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ	7
СВЯЗИ РЕГИОНА С ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИЕЙ	3:
СВЯЗИ С ОРДОЙ. «ИВАНОВСКИЕ» ТАТАРЫ	139
ИСЛАМ И КУЛЬТУРА ИВАНОВСКОГО КРАЯ	209
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	252

Павел Николаевич Травкин ТАТАРЫ В ИВАНОВСКОМ КРАЕ: мосты далёкого прошлого

Редактор **Т.Н. Бавыкина**Компьютерная вёрстка, дизайн **Н.А. Лабунская**

Подписано в печать . .2023. Формат 70х100 1/16. Печать офсетная. Печ. л. 16. Усл. печ. л. 20,8. Уч.-изд. л. 15. Тираж 300 экз. Заказ \mathbb{N}_{-} .

Отпечатано в ООО «ИИТ «А-Гриф». г. Иваново, ул. Красной Армии, 7а 8-800-555-27-57, +7(4932)246-246 e-mail: print@agrif.ru www.agrif.ru